

НОВАЯ ПОЛЬША 12/2017

Выпуск изображений

Не так уж много людей, столь заслуженных для польской литературы, как Ксения Яковлевна Старосельская. Трудно перечислить фамилии всех польских писателей, которых она переводила на русский язык (Милош, Анджеевский, Стрыйковский, Ружевич, Конвицкий, Гловацкий, Капуцинский, Краль, Токарчук и другие). «В чем же был ее секрет как переводчика? Думаю, – говорит Игорь Белов, – что он заключался в тончайшем лингвистическом слухе и незаурядном стилистическом даровании. А самое главное — перевод был для нее не рутинной работой, не литературной каторгой, а праздником, сотворчеством в самом высоком понимании этого слова». Фото: Agencja Gazeta.

В 2008 году Ксения Яковлевна Старосельская получила премию «Трансатлантик», присуждаемую выдающимся переводчикам, издателям, т.е. популяризаторам польской литературы за рубежом. Она также награждена премией Польского ПЕН-клуба, премией ЗАИКСа [агентства по охране авторских прав] и польскими государственными орденами. «Думаю, мне повезло в жизни. Я действительно занимаюсь тем, что люблю, – призналась Ксения Старосельская в интервью после получения премии «Трансатлантик». – Поэтому я всегда получала — и продолжаю получать — удовольствие от того, что делаю». «Ксения Яковлевна Старосельская сделала очень много для того, чтобы поляки и русские стали лучше понимать друг друга. Своим вдохновенным переводческим трудом она строила мосты между нашими народами и странами» (И Белов). Фото Н. Ворошильской.

Ксения Старосельская была мастером и учителем для многих молодых переводчиков, вела семинар по переводу польской литературы. «Я стараюсь объяснить и показать начинающим переводчикам, что такое перевод художественной литературы, говорила она в интервью «Новой Польше» (11/2008). – И не только показываю — кое-что конкретное мы уже сделали». «У Ксении Яковлевны действительно было чему поучиться — и поэтому у нее с удовольствием учились очень многие, не только семинаристы, но и авторы переводов для журнала «Иностранная литература». Мне тоже посчастливилось публиковать там свои переводы из польских поэтов, — говорит Игорь Белов, — и я до сих пор вспоминаю ее внимательное и доброжелательное отношение, дельные советы и замечания, такт, мудрость и отменный вкус. На снимке юбилей главного редактора «Новой Польши» Ежи Помяновского, слева направо: Адам Михник, Ежи Помяновский, Ксения Старосельская и Адам Поморский, Варшава 2013 год (фото Э. Вольской).

Содержание

1. Ксения Старосельская (1937–2017)
2. Ксения Старосельская
3. Контрабанда
4. Хроника (некоторых) текущих событий
5. Экономическая жизнь
6. Обреченный на антирусскость?
7. Реализм случайности в историях Конрада
8. Сто лет террора и заблуждений: 1917–2017 (ч.1)
9. Из эмигрантской жизни. Случай Ирины Коверда
10. Воспитанный в свободе «От стен, ограничений и предрассудков», или русский опыт Бронислава Млынарского
11. Восток глазами рациональных поляков
12. Петр Чепляк
13. Культурная хроника
14. Третьей степени
15. Выписки из культурной периодики
16. Ангел с телевидения
17. Мэтр
18. «Пабло тебя приглашает на альбом...» — об альбоме «Ладинола»
19. Стихотворения
20. Из редакционной почты

Ксения Старосельская (1937–2017)

Ксения Старосельская. Фото: Agencja Gazeta

Горе, огромное горе. 29 ноября 2017 года в Москве умерла Ксения Яковлевна Старосельская. В феврале этого года ей исполнилось 80 лет, однако юбилей она праздновать не хотела. Работала в редакции журнала «Иностранная литература». Трудно перечислить фамилии всех польских писателей, которых она переводила на русский язык (Милош, Анджеевский, Стрыйковский, Ружевич, Конвицкий, Гловацкий, Капуцинский, Кралль, Токарчук и другие). Ксения Яковлевна работала до последнего дня. Совсем недавно выпустила большую книгу Ханны Кралль, прислала в 11 номер «Новой Польши» перевод текста Анджея Стасюка о Платонове. Была мастером и учителем для многих молодых переводчиков, вела семинар по переводу польской литературы. Нам будет очень ее не хватать. Ее дружелюбной отзывчивости, чувства юмора и суровых оценок переводческого труда.

Светлая ей память.

Редакция «Новой Польши»

Ксения Старосельская

1937–2017

Я познакомился с Ксенией Яковлевной Старосельской в марте 2013 года, в Варшаве, на юбилее писателя и переводчика, главного редактора «Новой Польши» Ежи Помяновского. Хорошо помню, как обрадовала меня эта встреча — мало кто из русских переводчиков польской литературы производил на меня такое сильное впечатление, как Ксения Яковлевна. Для меня она была живой легендой: хорошо помню, как читал в самом начале «нулевых» литературную автобиографию Марека Хласко «Красивые, двадцатилетние» в переводе Старосельской, радуясь тому, какого замечательного автора она открыла для русского читателя. Точно так же она открыла для нас Ежи Пильха — и ее перевод романа «Pod mosnym aniołem» я уже читал с профессиональным интересом, то и дело заглядывая в оригинал и всякий раз восхищаясь, насколько переводчику здорово удастся передать атмосферу, характеры героев, речь, юмор, интонацию, игру слов, сказав при этом, по выражению Умберто Эко, «почти то же самое» и сделать это с удивительным изяществом и достоинством. Перевод «Песен пьющих» Пильха для меня был и остается шедевром переводческого мастерства, а вышедшая в прошлом году его же «Зуза, или Время воздержания» в переводе Ксении Яковлевны (экземпляр «Иностранной литературы» с этим переводом я получил с оказией из Москвы, и это было великолепным подарком) в очередной раз подтвердили очевидную истину: перед нами действительно великий переводчик. С тех пор для меня любая переведенная Ксенией Яковлевной книга — это еще и великолепное практическое пособие по художественному переводу.

У Ксении Яковлевны действительно было чему поучиться — и поэтому у нее с удовольствием учились очень многие, не только семинаристы, но и авторы переводов для журнала «Иностранная литература». Мне тоже посчастливилось публиковать там свои переводы из польских поэтов, и я до сих пор вспоминаю ее внимательное и доброжелательное отношение, дельные советы и замечания, такт, мудрость и отменный вкус.

В чем же был ее секрет как переводчика? Думаю, что он заключался в тончайшем лингвистическом слухе и незаурядном стилистическом даровании. А самое главное — перевод был для нее не рутинной работой, не литературной

каторгой, а праздником, сотворчеством в самом высоком понимании этого слова. Ксения Яковлевна была очень ярким, жизнерадостным и свободным человеком с прекрасным чувством юмора и отменной интуицией подлинного художника. Она очень любила Польшу и поляков за их независимый и романтический характер, за их умение отстаивать свою свободу. Эти качества были в полной мере присущи и ей самой.

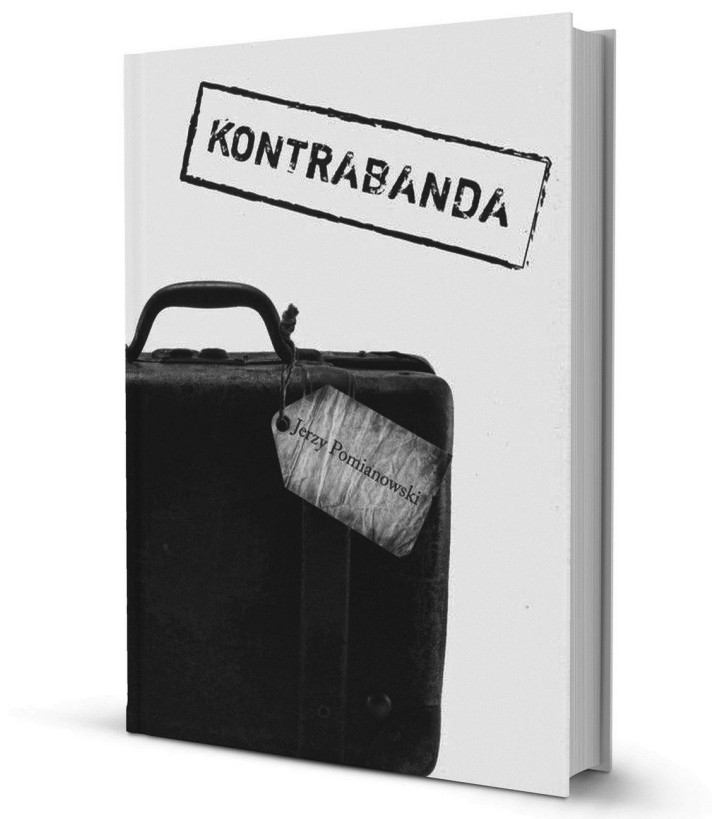
Ксения Яковлевна Старосельская сделала очень много для того, чтобы поляки и русские стали лучше понимать друг друга. Своим вдохновенным переводческим трудом она строила мосты между нашими народами и странами — а нам теперь остается беречь эти мосты, читать переведенные Ксенией Яковлевной книги и по мере сил быть достойными ее светлой памяти.

Игорь Белов, переводчик

Ежи Помяновский

Контрабанда

Избранные стихотворные переводы

Jerzy Pomianowski, Kontrabanda. Wydawnictwo Austeria, Kraków —
Budapeszt 2010

Предисловие

Присутствию слова «контрабанда» в заглавии этого сборника имеется несколько причин.

Первая очевидна: книгу составили стихотворения, которые в большинстве своем писались тайно, публикация и чтение которых годами находились под запретом. Почти всех авторов власть преследовала и обрекала на забвение. Осип Мандельштам умер, не доехав до Колымы, Мартынов и Смеляков отсидели свое, Анну Ахматову терзали и травили по личному распоряжению Сталина. Включенные в сборник стихи немецких иронистов из группы «Нойе Захлихкайт» швырял в

огонь на берлинской Оперной площади рейхсминистр Геббельс. И тем не менее — это не политические манифесты. Они не подходят для митингов, не пригодятся рэпперам из призрачного телевертепа. Это произведения, написанные лириками; даже покаянное стихотворение Бориса Слуцкого — личное признание. Авторы оставались верны простому принципу своей профессии: открывать нам собственную, частную картину мира. Или указывать на то, что мы, глядя со своей перспективы, проморгали, за повседневной банальностью не заметив поразительной или безобразной природы вещей. Потому эта их картина и отлична от общепринятой. И уж тем более — от спущенной сверху. Поэт не способен петь хором. Если гражданское общество отличие приемлет, то в странах, управляемых твердой рукой, оно слывет доказательством сопротивления, зародышем бунта. Мои немцы понесли наказание за то, что подвергали иронии порядок, русские — за то, что посмели отступить от навязанных тем и норм. Одно это делало контрабанду неизбежной.

Вторая причина видна, как на ладони: все эти стихи сегодня обречены на статус контрабанды, поскольку вышли из моды — с их регулярным метром, ритмичностью, рифмой или ассонансами. Согласен, я человек старомодный. Да, во мне укоренилось убеждение, что настоящее стихотворение — то, которое остается в памяти; а отсутствие рифмы и метра этому не способствует. Нет, я не разделяю поэзию на ту, что написана для глухонемых, и ту, которая адресована всем прочим; я твержу про себя строфы Шимборской — драгоценный белый стих — и повторяю ошеломляющие аллюзии Крыницкого. Но помню и слова Милоша о вольном стихе, ставшем дешевым пропуском в современность. За ее порогом остались «шарманчики» и «рифмовщики» с их старомодными бубенчиками. Так вот, скажу без обиняков: эти бубенчики, рифмы, каденции фраз, ритм и весь мелодический строй — никакие не украшения, а показатели собственно поэзии. Во-первых — потому что они делают ее язык отличным от разговорной речи. То есть вносят выразительность и ту искусственность, без которой не существует искусства. Во-вторых — потому что являются носителями смысла, который не способно удержать слово само по себе. От этого зависит нагрузка и лаконизм хорошего стихотворения, ибо сплав слова с этими звучными украшениями способен подсказать адресату гораздо больше содержания и возможных смыслов, чем он найдет в томах прозы. «Пан Тадеуш» был бы всего лишь историей провинциальной ссоры, не напиши его Мицкевич тринадцатисложником, в котором слышится шаг полонеза и звенят цимбалы Янкеля. Так позвольте же мне, господа и дамы,

остаться при своей пагубной привычке читать и переводить стихи, которые прежде принято было наизусть шептать на ухо человеку для нас важному, как любила говорить Агнешка Осецкая.

Третья же причина — желание исподволь явить вашим ушам и глазам произведения меня поразившие, ошеломившие, а иной раз и позабавившие. Существует своего рода инстинкт, известный терпеливым читателям, к касте которых я отношу и себя. Он заключается в тяге к существу, сумевшему написать слова, которые способны продемонстрировать, что человек может создать нечто совершенное. Мне несколько раз довелось встретить таких людей. Среди них, разумеется, есть и те, кто достиг совершенства лишь в области сказки, например, Сергей Михалков. Ведь — не забывайте об этом! — не тексты гимнов писал он, но сказки для взрослых.

Переводами завораживающих стихов из «Лирической домашней аптечки» Эрика Кестнера я дебютировал еще в довоенных «Шпильках», но встретить этого писателя мне было суждено лишь спустя четверть века, в Мюнхене, после всех тех лет, которые он прожил — лишенный права публиковаться, бесправный — чтобы стать свидетелем существования и поражения Третьего рейха.

Леонида Мартынова, автора поразительного «Лукоморья» мне удалось привлечь к работе над русской антологией польской поэзии. Наш Союз литераторов командировал бывшего репатрианта в Москву, чтобы найти переводчиков и позаботиться о верности переводов. Мартынов польского практически не знал, он вернулся от белых медведей без права проживания в крупных городах, а потому несколько недель ночевал — валетом — в моем номере в гостинице «Европа». Гостиницу вскоре переименовали (в рамках борьбы с космополитизмом) в «Армению». Антология не вышла, поскольку польский редактор не согласился изъять тексты поэтов-эмигрантов. Мартынов однако успел блестяще перевести «Зелень» Тувима, произведение, считающееся непереводимым. С тех пор он присылал мне рукописи потрясающих текстов, вроде «Цепей».

Клабунд умер в изгнании, в Швейцарии, однако родственники похоронили его в городе Кросно Оджаньске. С искренней горечью я вспоминаю послевоенную борьбу с городскими властями за сохранение надгробия этого недобитка немецкой свободы — гранит требовался для тротуаров.

Саша Межиров вернулся с фронта почти невредимым, хотя воевал в бездонных болотах под Тихвином. Его текст вы найдете здесь, поскольку это одно из немногих солдатских стихотворений без следа патриотической муштры.

С Анной Ахматовой я виделся дважды. Первый раз я

сопровождал великую актрису Фаину Раневскую в путешествии зашивленным товарным вагоном из Душанбе в Ташкент. Горестно было прислушиваться к заботливым расспросам поклонницы и молчанию ее собеседницы в пыльном сквере перед азиатской ночлежкой. Стало лишь понятно — по осанке, повороту головы: передо мной королева в изгнании. Другое дело, что Ахматова была убеждена: каждый, кто любит ее стихи, обязан быть в нее влюблен. Стихи я уже знал. Второй раз я встретил их автора в московском доме Софьи Толстой, внучки писателя и покровительницы дедовского музея в Ясной Поляне. Накануне состоялся смотр ленинградских поэтов в Доме Союзов, возле здания Совнаркома. Выступление Ахматовой, книги которой уже много лет отсутствовали в книжных магазинах, закончилось овацией, какой Москва не помнила со времен концертов Шаляпина. Нарастающий гром долгих аплодисментов, видимо, достиг ушей хозяев расположенного по соседству Кремля, так как уже через несколько дней появились разгромная статья Жданова и приговор, который на многие годы обрек прекраснейшую поэтессу шестого континента на унижения и нищету. Но пока что я сидел в светлой гостиной и отвечал на вопросы хозяйки и ее подруги. Вопросы касались Польши — головной боли для одной половины россиян и угрызений совести для другой. Анна Андреевна относилась ко второй. После того, как я решился прочесть вслух перевод ее пленительного «По неделе ни слова ни с кем не скажу...», она согласилась перевести кое-что для антологии. Я собирался навестить ее в Ленинграде, но уже на следующий день гром из Кремля отрезал Ахматову от людей, особенно иностранцев. Она оставила мне на память стихотворение («Один идет прямым путем...») — еще нигде не печатавшееся — и свою фотографию пятнадцатилетней давности. Осипа Мандельштама уже не было в живых к тому времени, когда я оказался на шахте «Краснополье» на Донбассе. Однако в библиотечке лазарета я обнаружил его «Tristia». Фамилия автора была предусмотрительно вырезана со шмуцтитула. Я выучил книжечку наизусть. Именно «Цыганка» — стихотворение, открывающее «Контрабанду» — благодаря прекрасному исполнению Эвы Демарчик в краковской «Пивнице под баранами» стало самым известным в Польше стихотворением русской поэзии.

*Издательство Аустерия
Краков — Будапешт 2010*

Перевод Ирины Адельгейм

Хроника (некоторых) текущих событий

• Фрагмент интервью с проф. Петром Глинским, вице-премьером и министром культуры и национального наследия: «Мы имеем дело с крайне идеологизированной критикой нашего правительства, которое демократическим путем пришло к власти в Польше. Критикуя нас, они создают окарикатуренный образ: дескать, цензура, национализм, правительство прикрывается авторитетом Христа, подчиняясь католической Церкви, националистическая клика составляет черный список гомосексуалистов. Но в действительности речь идет о чем-то большем: это ненависть, делегитимизация власти, попытка лишить нас возможности действовать в публичном пространстве. Мол, “нацик” и цензор не имеют на это права». («Дзенник газета правна», 20–22 окт.)

• «В начале октября начался “процесс четырнадцати” — суд над теми, кто в ночь с 16 на 17 декабря 2016 г. протестовал перед зданием Сейма. (...) Через неделю перед судом предстали еще 19 человек, которые в апреле пытались блокировать марш “Национально-радикального лагеря”, выступая против возрождения фашистской идеологии. (...) На прошлой неделе в суде оказались семеро участников общественного движения “Граждане Речи Посполитой”. Они обвиняются в блокировании марша, посвященного смоленской катастрофе, в марте этого года. (...) По данным организации “Граждане Речи Посполитой” по всей стране рассматривается свыше 800 административных и уголовных дел в отношении участников различных протестных акций. (...) “Amnesty International” (...) призывает власти закрыть уголовные дела, заведенные на протестующих, а также прекратить политику запугивания, выражающуюся, в частности, в слежке и “домашних визитах”, в отношении граждан, пользующихся своим правом на свободу собраний». (Магдалена Курса, «Газета wyborcza», 23 окт.)

• «Уже более 900 человек предъявлены обвинения за участие в гражданских протестах в одной только Варшаве. (...) В четверг 19 октября “Amnesty International” опубликовала отчет об ущемлении гражданских свобод в Польше: (...) в частности, польских граждан запугивают, в отношении них ведется слежка и преследование в связи с тем, что они высказывают свои взгляды. Приводятся и конкретные примеры. Польским властям ставятся на вид уголовные санкции в отношении

людей, участвующих в мирных собраниях. (...) Наблюдатели “Amnesty International” зафиксировали случаи применения насилия во время таких собраний только со стороны полиции». (Петр Пытлаковский, «Политика», 25–30 окт.)

- «Организация “Никогда больше” сообщает, что, начиная с лета 2015 года, наблюдается резкий рост количества преступлений на расовой почве. Ежедневно появляются сообщения об очередных нападениях, избиениях и расистских акциях». (Томаш Новак, «Жечпосполита», 18 окт.)

- «Суд отклонил обвинительное заключение по делу Яцека М., бывшего священника, обвиняемого в разжигании ненависти в отношении евреев и украинцев. Об этом суд попросил заместитель генерального прокурора Кшиштоф Серак». («Газета wyborcza», 27 окт.)

- «Суд оправдал четырех активистов движения “Граждане Речи Посполитой”, которых обвиняли в нарушении неприкосновенности Сейма». «Мониторинг камер видеонаблюдения показал, что обвиняемые не препятствовали работе парламента. (...) Судья Петр Боярчук, пресс-атташе окружного суда по уголовным делам, подтвердил, что все четверо обвиняемых были оправданы». (Войцех Карпешук, «Газета wyborcza», 21–22 окт.)

- «ЦИОМ провел опрос: “Можно ли в Польше свободно высказывать свои политические взгляды или лучше соблюдать осторожность?”. В 1993 году 60% респондентов ответили, что можно свободно говорить всё, что вздумается, а 33% советовали помалкивать. В 2017 году расклад мнений диаметрально изменился: теперь лишь 37% опрошенных не боится открыто высказывать свою точку зрения, в то время как 58% считают, что лучше следить за собой и держать язык за зубами». (Войцех Мазярский, «Газета wyborcza», 12 окт.)

- «Тех, кто мыслит иначе, нежели нынешние власть предержащие, сразу записывают в негодяи — в более мягком варианте это называется “люди злой воли” — либо называют глупцами, “наивными людьми”. Когда люди Качинского пришли к власти, такой подход к инакомыслящим стал официальной позицией власти. (...) На психотерапевтических приемах всё чаще задается вопрос, которого я не слышала с 1989 года: “Могу я быть уверен, что всё сказанное здесь останется между нами?”. (...) Я замечаю тревогу, которой не наблюдалось со времен падения ПНР: люди боятся, что их слова передадут кому-то еще. Они в смятении оглядывают кабинет, явно беспокоясь, когда я записываю их данные», — Зофья Мильская-Вжосинская, психолог и психотерапевт. («Газета wyborcza», 31 окт. — 1 нояб.)

- «Группа варшавских психологов проводит “гражданскую терапию” для тех, чья психика не справляется с

политическими событиями в Польше в последние два года». «Эти открытые бесплатные индивидуальные психологические консультации проводятся в терапевтических центрах. (...) Три консультации для любого, кто обратится. Встречи носят анонимный характер. (...) “Во многих польских семьях произошел идеологический раскол, — говорит Мачей Барчинский, один из психологов, участвующих в проекте, — жена придерживается левых взглядов, муж — правых. И они никак не могут договориться”. “Человека могут избить или выгнать из трамвая только за то, что у него курчавые волосы. У свидетелей таких столкновений деформируется чувство безопасности”, — говорит Роман Прашинский, главный организатор гражданской терапии. (...) Один человек обратился за помощью, поскольку испугался, увидев, как полиция обращается с участниками манифестации. В акциях протеста он больше не участвует, обвиняя себя при этом за свой страх». (Магда Рута, «Газета wyborcza», 2 нояб.)

- «Мужчина, совершивший самосожжение на площади Дефилад перед Дворцом культуры и науки, в тяжелом состоянии доставлен в больницу. Полиция установила его личность. На месте происшествия обнаружены листовки и мегафон. Около 17.00 мужчина облил себя самовоспламеняющейся жидкостью и поджег, прохожим удалось погасить пламя. “По всей видимости, случившееся имеет политический подтекст”, — заявила в эфире радио “Зет” Магдалена Бенек из столичной комендатуры полиции». («Жечпосполита», 20 окт.)

- Фрагмент письма Петра Щенсного, адресованного семье: «Зачем столь радикальная форма протеста? Просто потому, что ситуация отчаянная. Дело не в том, что правительство совершает те или иные ошибки (любое правительство совершает их), а в том, что это правительство подрывает основы нашей государственности и общественной жизни. А подавляющая часть общества спит, не обращая внимания на происходящее вокруг, поэтому нужно пробудить их от этого сна». («Газета wyborcza», 30 окт.)

- «“Я, простой неприметный человек, такой же, как вы, призываю вас всех — хватит ждать” (цитата из листовок, которые Петр Щенсный разбросал вокруг перед самосожжением — В.К.) — такая надпись появилась в ночь с четверга на пятницу на площади Дефилад рядом с почетной трибуной. В пятницу утром там лежали белые розы, конституция, горело несколько свечей. Плиты тротуара по-прежнему были покрыты белой пеной из огнетушителя. В четверг в 16.30 на этом месте совершил самосожжение 54-летний Петр Щенсный из Неполомице под Краковом, химик по образованию». (Войцех Карпешук, Александр Гургуль, «Газета

выборча», 21–22 окт.)

- «С одним он не мог смириться. Всю свою сознательную жизнь он посвятил строительству гражданского общества. И вдруг оказалось, что людям не нужна свобода. Они готовы распрощаться с ней без сожалений!», — Анна Хейда, подруга Петра Щенсного. («Ньюсуик Польска», 30 окт.)

- «Петр, очень взволнованный, говорил мне, что любая историческая катастрофа начинается с травли одних людей другими. Евреев тоже не сразу начали сжигать в крематориях», — Анна Хейда. («Газета выборча», 30 окт.)

- «Эта тишина шокирует даже по меркам нашего до предела потребительского общества. Самосожжение Петра Щенсного должно вывести нас из равновесия, глубоко потрясти, принудить к дискуссии, спорам, даже ругани, а мы вместо этого молчим. Мы отвернулись, бормоча себе под нос, что подобный поступок можно рассматривать только в контексте психиатрии. Мы — масс-медиа, мы — общество. А ведь Петр Щенсный совершил политическую акцию. Он написал манифест, в котором объяснил причины своего решения, а затем поджег себя перед Дворцом культуры и науки в Варшаве. Он осознанно пошел по стопам буддийского монаха Тхить Куанг Дыка, Рышарда Сивеца, Яна Палаха. (...) Возможно, его поступок слишком напугал нас, поскольку вновь вернул нас в категорию стран “третьего мира”? Ведь в нормальных странах никому не приходит в голову совершать самоубийство во имя защиты демократии». (Анджей Андрусак, «Дзенник газета правна», 27–29 окт.)

- «Трудно не согласиться с каждым из 15 пунктов воззвания, оставшегося на площади Дефилад после того, как “скорая помощь” забрала человека, получившего сильные ожоги. Это четко и ясно сформулированный список важнейших злоупотреблений власти с точки зрения либеральной демократии и верховенства закона. (...) Однако, если абстрагироваться от серьезных государственных проблем, можно заметить, что на локальном уровне, в области местного самоуправления, гражданских и соседских взаимоотношений происходит много хорошего. Возможно, это не так эффективно, как то, что творится на политической сцене. (...) Расширение этих сфер, причем без оглядки на разрешение со стороны правительства, их поддержка — это единственное, что мы можем сделать в память о Петре Щенсном, с которым мы согласны, хоть и не желаем следовать его примеру». (Павел Браво, «Тыгодник повшехны», 29 окт.)

- «Петр Щенсный умер в воскресенье 20 октября 2017 года, во второй половине дня. (...) “И все-таки прошу вас: помните, что избиратели ПИС — это наши матери, братья, соседи и друзья. Не нужно воевать с ними (именно этого хотела бы эта партия)

или пытаться переубедить (это было бы наивно), но они должны реализовывать свои идеи в соответствии с законами и принципами демократии”, — написал он в прощальном письме. (...) Начиная с четверга в самых разных местах Варшавы кто-то пишет на улицах цитаты из этого письма. (...) Днем надписи смывают, но они появляются вновь». (Якуб Хелминьский, «Газета wyborcza», 30 окт.)

• «Сотни людей пришли вчера ко Дворцу культуры и науки, чтобы зажечь свечи в память о трагически погибшем Петре Щенсном». «В 16–17 часов горело более 700 свечей. Люди стояли, погруженные в молчание. (...) Ян Рудзик, ученик лицея (...): “Жаль, что основные телеканалы проигнорировали это событие. Все узнали о нем, когда Петр Щенсный уже был мертв. Я пришел сюда, чтобы увидеть это место собственными глазами. Этот жест отчаяния, к сожалению, ничего не изменит”». (Магда Рута, «Газета wyborcza», 2 нояб.)

• «Я думаю, до такого состояния человека может довести ощущение, что любая оппозиционная деятельность и попытки повлиять на власть уговорами совершенно бессмысленны. (...) Появляется ощущение бессилия. (...) Это одна из причин такого отчаяния. Нечто подобное ощущалось в эпоху кризиса ПНР. Тогда тоже казалось, что сделать ничего нельзя. (...) Чувство потерянности, ощущение безнадежности здесь наверняка того же порядка. (...) Поэтому сегодня ко Дворцу культуры и науки приходят люди. А полиция их разгоняет. (...) Петр Щенсный кричит тем, кто имеет публичное влияние, что общество состоит из конкретных людей, из личностей. Он войдет в историю», — о. Адам Бонецкий. («Газета wyborcza», 4–5 нояб.)

• «Мужчине, который сжег себя перед Дворцом культуры, надо бы вручить премию Дарвина за самую глупую смерть. (...) Не нужно искать рациональное зерно в деструктивном поведении. В наше время оно совершенно бестолково и неадекватно. (...) Грустно наблюдать, как некоторые верят пропаганде настолько, что, подобно леммингам, сами бросаются в пропасть, причем не символически, а вполне реально», — Мэтью Тирманд. («До жечи», 8–12 нояб.)

• Петр Щенсный в течение восьми лет лечился от эндогенной депрессии. (...) Депрессия — это болезнь, которая за счет максимального “снижения настроения” лишает человека воли к жизни и неуклонно вызывает у него мысли о самоубийстве. (...) Письмо, которое оставил самоубийца — это серьезное обвинение в адрес наших масс-медиа. (...) Это они с особым цинизмом создали в обществе атмосферу истерии, чтобы разбудить в своих адептах самые крайние эмоции, (...) вывести их на улицы ради отчаянной попытки остановить суд истории. Эта пропаганда, попавшая в случае со страдающим от депрессии человеком на благодатную почву, подтолкнула его к

идее принять мучительную смерть», — Рафал А. Земкевич. («До жечи», 8-12 нояб.)

• «“Проснитесь! Еще не поздно”, — под таким лозунгом, взятым из манифеста Петра Щенского, около тысячи человек прошли вчера по улицам Варшавы. “Мы пришли, чтобы его поступок не был забыт”, — говорили участники акции».

(«Газета выборча», 7 нояб.)

• Фрагмент интервью с уполномоченным по правам человека Адамом Боднаром: «На вопрос о том, насколько соблюдаются права человека в Польше, (...) я отвечаю (...): фундаментальное ухудшение ситуации связано с тем, что происходит с Конституционным трибуналом. Без настоящего Конституционного трибунала мы обречены зависеть от прихотей законодателя. Под угрозой независимость судов и права человека. Это проблемы, за решение которых я буду бороться. Я критически смотрю на смещение границ допустимого в ситуациях, связанных с личными и политическими правами, и это заметно, когда мы наблюдаем за деятельностью полиции, прокуратуры и спецслужб. Тем не менее, мне хотелось бы подчеркнуть, что в Польше произошло значительное улучшение в области социальных прав. Программа “500+” приносит хорошие результаты. “Квартира+” — это положительный ответ сразу нескольким сменявшим друг друга уполномоченным по правам человека, которые много лет просили правительство инвестировать средства в социальное жилье. Заметно также более внимательное отношение к соблюдению прав работников. С несколькими министрами у нас налажен нормальный диалог в сфере социальных прав и прав человека». («Газета выборча», 14-15 окт.)

• «“Независимость Конституционного трибунала оказалось существенным образом ослаблена. Под угрозой функционирование Верховного суда, — предостерег в пятницу специальный докладчик ООН по вопросу независимости судебной системы Диего Гарсиа-Саян. — Реформы, начатые польским правительством, должны были стать лекарством для системы правосудия. Но это лекарство намного опаснее самой болезни”. (...) “Это замечание неправдивое и оскорбительное”, — ответил на его претензии пресс-секретарь правительства Рафал Бохенек. («Газета выборча», 28-29 окт.)

• «Я встретился с вице-премьером Конституционного трибунала, а также с первым председателем Верховного суда. Не удалось встретиться с министром иностранных дел и министром юстиции, я смог пообщаться только с их представителями. У меня также была большая встреча с Национальным советом правосудия и сенатской комиссией прав человека и юстиции, а также с президиумом Сейма. Так

что я располагаю информацией из достаточно большого количества источников», — Диего Гарсиа-Саян, специальный докладчик ООН по вопросу независимости судебной системы. («Жечпосполита», 30 окт.)

• «В 1993 году в центральном офисе разведслужбы начинает работу Мариуш Мушинский. (...) Он отправляется в Берлин на должность начальника юридического отдела в посольстве. Там, в частности, осуществляет надзор за Анджеем Пшилембским (оперативный контакт, бывший секретный сотрудник спецслужб ПНР). (...) По всей вероятности, он предлагает своему руководству переквалифицировать Юлию Пшилембскую (так наз. “страховка”), которая тоже работала в посольстве, в “личный источник информации”. Руководство дает согласие. (...) Ориентировочно в 2002 году Мушинский вынужден срочно покинуть Берлин по настойчивой просьбе немецкой стороны. (...) В 2015 году Мушинский благодаря голосам ПИС избирается в Конституционный трибунал (так наз. “судья-дублер”). Выступая в Сейме, он скрывает, что работал в спецслужбах. (...) Вскоре на работу в трибунал приходит Пшилембская, тоже в качестве кандидата от ПИС. (...) 20 декабря Пшилембская становится председателем трибунала, а Мушинский — ее заместителем. (...) Конституционным трибуналом руководят бывший офицер спецслужб и его сотрудница. (...) На наши вопросы, заданные министерству иностранных дел, службе разведки, Мариушу Каминскому (координатор спецслужб), Мушинскому и Пшилембской, ответов мы не получили». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 20 окт.)

• «Это совершенно позорно и недопустимо, что пост председателя комиссии юстиции и прав человека в Сейме занимает такой человек, как Станислав Пётрович, работавший в ПНР прокурором. И он мне говорит, что мы не будем соблюдать процедуру, поскольку он тут защищает свободу и закон. Отвратительный трагифарс», — Петр Мисило, депутат от партии «Современная». («Дзенник газета правна», 20-22 окт.)

• «В августе вступила в силу новая редакция закона о системе судов общей юрисдикции. (...) В одну из статей вернули возможность преследования прокуроров за дисциплинарные проступки, по которым истек срок давности, (...) вплоть до увольнения со службы и лишения права на прокурорскую пенсию. (...) “Это серьезное нарушение конституции, в том числе ее важного принципа, согласно которому закон не имеет обратной силы”, — комментирует Анджей Цолл, бывший председатель Конституционного трибунала, бывший уполномоченный по правам человека». (Эва Иванова, «Газета wyborcza», 30 окт.)

• «Консультационный совет европейских судей, в котором

представлены судьи всех государств, состоящих в Совете Европы, негативно оценивает президентские предложения относительно изменений в Национальном совете правосудия. (...) В целях соблюдения европейских стандартов независимого судопроизводства, судьи, входящие в Национальный совет правосудия, должны по-прежнему избираться судебским корпусом. (...) Погашение мандатов судей, которые в настоящее время состоят в совете, не соответствует европейским стандартам и угрожает основным гарантиям независимости судов. Совет предлагает снять с повестки дня законопроект и сохранить ныне действующий закон». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 18 окт.)

• «Огромным шоком стала для меня позиция президента Дуды, юриста, относительно закона о Национальном совете правосудия. Президент соизволил заявить, что если его предложения не соответствуют конституции, нужно изменить... конституцию», — проф. Мартин Матчак. («Ньюсуик Польска», 30 окт.)

• «В пятницу председатель ПИС Ярослав Качинский уже в четвертый раз встретился с президентом Анджеем Дудой, чтобы обсудить президентские законопроекты о Верховном суде и Национальном совете правосудия. (...) Президент (...) не соглашается с предложением ПИС относительно порядка избрания судей в Национальный совет правосудия. (...) Также президент против предлагаемого ПИС расширения полномочий генерального прокурора — министра юстиции. (...) “Я действительно очень люблю Ярека Качинского. И мне его очень жаль. Политические манипуляции ему на этот раз не удались”, — заявила в беседе с корреспондентом радио “Зет” Зофья Ромашевская, общественный советник Анджея Дуды. Она также недоумевала из-за того, что “Качинский пошел на такие меры”. По ее мнению, председатель ПИС “хочет всё прибрать к своим рукам”, и тогда “дела будут очень плохи”». (Агата Кондзинская, Эстера Флегер, «Газета wyborcza», 21-22 окт.)

• «Ну что ж, в наших отношениях возник некоторый кризис», — заявил Ярослав Качинский после очередной встречи с Анджеем Дудой. («Тыгодник повшехны», 29 окт.)

• «Я был вице-премьером в правительстве Ярослава Качинского и знаю, что он не способен на какие-либо компромиссы. Он может делать вид, что готов к компромиссу, однако, стоит ему получить желаемое, как он без колебаний попытается уничтожить того, с кем только что искал общий язык. Качинскому нужно, чтобы суды плясали под его дудку. Следующим шагом будет введение норм, позволяющих Верховному суду применять меру пресечения в виде ареста. Председателю ПИС нужна управляемая судебная система и полный контроль над Верховным судом, чтобы иметь

возможность арестовывать неугодных. (...) Анджей Дуда оказался единственным препятствием для установления диктатуры Ярослава Качинского. Таким препятствием также являются независимые суды, а сегодня только президент мешает ПИС захватить судебную систему. Если суды станут контролируемыми, разделение властей окажется фикцией, и демократия в Польше закончится», — Роман Гертых. («Жечпосполита», 12 окт.)

• «Во время заседаний Круглого стола оппозиция боролась именно за то, чтобы в Национальном совете правосудия большинство составляли не политики, как это было в ПНР, а судьи. И оппозиция добилась своего. (...) Ярослав Качинский хочет, с одной стороны, ставить памятники своему брату, а с другой открыто пренебрегает тем, что для Леха Качинского было действительно очень важно — моделью независимой от политиков системы правосудия. (...) Суды играют ключевую роль (...) в ходе выборов. Ведь отказ в регистрации кандидата оспаривается в суде. Именно поэтому им нужны “свои суды”, которые в случае чего вынесут нужные этим политикам решения», — Борис Будка, депутат от «Гражданской платформы». («Газета wyborcza», 23 окт.)

• «На заседании Европейского парламента Ядвига Вишневская из ПИС заявила: “Тотальная, лживая, отвратительная оппозиция создает лживый образ Польши. (...) Демократия в том и заключается, чтобы парламентское большинство могло реализовать те постулаты, с которыми оно шло на выборы”, — заявила евродепутат. (...) Франс Тиммерманс парировал, что демократия не позволяет нарушать конституцию. “Набрав достаточное количество голосов в парламенте, вы, конечно, можете изменить конституцию. Однако даже в этом случае необходимо уважать принципы международных институтов, с которыми Польша подписала договоры, в том числе договор о присоединении к ЕС”, — подчеркнул вице-председатель Европейской комиссии». (Из Брюсселя Анна Слосевская, «Жечпосполита», 7 нояб.)

• «В моей стране (...) мы оказались свидетелями очень опасного явления. К власти пришла националистическая, ксенофобская группировка, заявляющая о необходимости защиты “традиционных ценностей” и противостоянии агрессивной “современности”, о защите всего “нашего” перед ценностями, импортируемыми из-за рубежа. Эта группировка хотела бы изменить ход истории, невзирая на всё то, что гарантируется конституцией, законом и обычной порядочностью», — Адам Загаевский. («Газета wyborcza», 14–15 окт.)

• «Власти хотят, чтобы экспозиция в музее Второй мировой войны в Гданьске была совершенно иной. (...) Идеология, которой они руководствуются, утверждает, что это Польша

определила исход войны. Что всего добились исключительно “мы”. (...) Эта идеологическая махинация преследует цель перечеркнуть весь смысл экспозиции, рассказывающей прежде всего о том, как ужасна война и что она по-прежнему возможна. (...) Этот посыл власть не устраивает. (...) На декабрьской исторической конференции в Варшавском университете выяснилось, что огромное количество историков против такой манипуляции. Уже опубликовано письмо исторического сообщества в защиту экспозиции в музее Второй мировой войны», — проф. Влодзимеж Бородзей. («Газета wyborcza», 7 нояб.)

• «Мы реализуем исследовательский проект “Образ народа в польских учебниках истории”. Согласно нашим исследованиям, наиболее популярными среди учеников оказались три постулата: на долю польского народа по сравнению с другими европейскими народами в прошлом выпало очень много страданий — с этим согласны 92% школьников; католическая религия была и остается важным элементом польской идентичности — 87%; главными историческими врагами поляков являются немцы и русские — 86%. (...) Нас продолжают кормить сказками о возрождающемся единстве. (...) У меня очень пессимистические прогнозы. (...) Сегодня война и борьба — это главные механизмы укрепления национального сознания. (...) “Мы” — это однородная структура, тот самый мифический суверен. А категория “они” — это целая коллекция самых разных “врагов”: исторических (немцы, русские), этнических (евреи, украинцы, беженцы), политических (коммунисты, леваки), представителей меньшинств (ЛГБТ, экологи), европейских (Евросоюз). (...) “Мы”, однородные и сплоченные, противостоям конфедерации “их”», — проф. Войцех Буршта. («Пшеглэнд», 23-29 окт.)

• По мнению епископа Тадеуша Перонека, «католическая Церковь в Польше утратила свое универсальное начало и превратилась в партийную церковь». («TVN 24», 6 нояб.)

• «Если я услышу, что в Гнезне происходит какая-нибудь манифестация против беженцев, и туда отправился кто-то из наших священников, имейте в виду: каждый, кто там появится, будет отстранен от своих обязанностей. (...) В ситуациях, когда приходится выбирать, на чьей ты стороне, нужно реагировать немедленно», — архиепископ Войцех Поляк, примас Польши. («Тыгодник повшехны», 22 окт.)

• «История с памятниками свидетельствует о плачевном психическом и моральном состоянии польского общества, и в первую очередь его политических элит. Они не понимают, что победа Красной армии над Германией дала Польше шанс выжить. И хотя это уже не была свободная Польша, она, тем не

менее, стала экзистенциальной опорой нашего народа. (...)
Память о тысячах советских солдат, погибших на польской земле — это наш национальный и моральный императив, проявление честного отношения к собственной истории и уважения к чужой боли. Хочу заметить, что уважающее себя государство не отрекается от своей политико-правовой преемственности», — проф. Станислав Белень. («Пшеглэнд», 16–22 окт.)

• «Я иначе вижу так наз. российскую “пятую колонну”, ее сущность и структуру. (...) Это касается многих больших и малых групп. Почти все они невелики, зато их очень много. Благодаря интернету они функционируют в публичном пространстве. (...) В силу своей активности и профессионализма они в состоянии привлечь внимание значительной части пользователей сети. (...) Единой схемы нет. (...) Это рынок, где в порядке вещей стартапы, слияния фирм, переход их из рук в руки, аутсорсинг, использование ниш, инвестиции, а также банкротства, если нет аудитории. А где-то в конце этой цепочки находятся россияне. (...) Со стороны России это очень современный подход. Поскольку в итоге реализацией их целей занимается конкретная часть польского общества. Она намного эффективнее спецслужб, поскольку приспособлена к нуждам польской аудитории. (...) Кремль поручает работу различным организациям, а те в дальнейшем ищут контакты в Европе и за ее пределами. К примеру, у людей Владислава Суркова (...) свои связи в партии “Змяна” Матеуша Пискорского, а люди Константина Малофеева контактируют с “Лагерем Великой Польши”. Во всяком случае, сейчас, потому что расклад постоянно меняется. (...) Большинство этих польских активистов не получает никакой материальной выгоды. У многих просто темперамент общественников: они делают то, что считают правильным», — Мартин Рей, один из авторов портала «Российская пятая колонна в Польше». («Тыгодник повшехны», 22 окт.)

• «На прошлой неделе министр обороны Антоний Мацеревиц был гостем Третьего Европейского форума по кибербезопасности “CYBERSEC” в Кракове. (...) Выступая на форуме, он объявил о создании нового рода войск — кибернетических. (...) На обеспечение кибербезопасности оборонное ведомство планирует потратить 2 млрд злотых. Эти деньги будут направлены на создание нового подразделения, состоящего из тысячи специально обученных хакеров. Где министр их возьмет, если в Польше не хватает около 50 тыс. специалистов в области информационных технологий? (...) Сегодня наши вооруженные силы выглядят словно после бомбежки. Былых командиров нет, обещанного оружия нет, (...) а дорогостоящим реформам не видно конца. Это чей-то умысел

или просто неудача?». (Петр Валенчак, «Пшеглэнд», 16-22 окт.)

- «Россияне могут сколько угодно нам угрожать, но реальной опасности они для нас не представляют. (...) Россияне действительно боятся войск территориальной обороны, поскольку эта структура располагает мощным национальным потенциалом, способным успешно противостоять агрессору», — Антоний Мацеревич, министр национальной обороны. («До жечи», 8-12 нояб.)

- «Каждые два года мы проводим большие масштабные учения “Анаконда”. (...) В тот год, когда не проводится “Анаконда”, мы проводим менее масштабные учения “Барсук” (в реале), а также виртуальную военную игру. Компьютер — это вычислительная машина. Загруженная определенным количеством данных, она позволяет создавать реальный и проверенный сценарий развития событий. Это мощное, никогда не ошибающееся оружие, которое не прощает ошибок. Так вот, в ходе такой тренировки в 2015 году мы потеряли все наши военно-воздушные силы за четыре часа», — ген. Томаш Древняк, бывший инспектор ВВС. («Политика», 8-14 нояб.)

- «Отчет “Stratpoints” отражает достижения модернизации вооруженных сил в 2013-2022 годах (стоимостью 130 млрд злотых). (...) По данным отчета “Stratpoints” в большинстве случаев шансов на выполнение программы модернизации на 2013-2022 гг. нет». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 19 окт.)

- «Американским подразделениям, размещенным в Жагане, пришлось отказаться от проведения учений, в ходе которых планировалось использовать тяжелые танки “Абрамс”, так как на территории полигона, несмотря на размещенные там предупреждающие таблички, оказались грибки».

(«Тыгодник повшехны», 22 окт.)

- Антоний Мацеревич «на правах министра обороны осуществляет надзор за “Польской вооруженной группой” — мощным конгломератом, состоящим из 60 компаний с государственным участием. Там трудится около 800 человек, большинство из которых — это люди Мацеревича, знающие о своей зависимости от него. Министра поддерживает “Радио Мария” и телеканал “Трвам”, в эфирах которых он частый гость, а также часть “правых” СМИ во главе с “Газетой польской”». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 21-22 окт.)

- «В январе премьер-министр Беата Шидло издала распоряжение о распределении между министрами формального надзора за деятельностью компаний с участием государственного казначейства. (...) Офисы нескольких компаний навестили сотрудники Центрального антикоррупционного бюро, арестовавшие ПИСовских менеджеров. (...) В связи с этим премьер-министр Шидло изменила предыдущее распоряжение, взяв деятельность

компаний под свой личный контроль». (Витольд Гадамский, «Газета wyborcza», 12 окт.)

- «Я никогда не скрывала, что постоянно общаюсь с председателем Ярославом Качинским, с которым обсуждаю различные важные вопросы, поскольку наше пребывание у власти — это его заслуга. Меня бы больше беспокоило, если бы он перестал со мной общаться», — премьер-министр Беата Шидло. («Польска», 27–29 окт.)

- «Продукты питания подорожали более чем на 5%, что продолжает подстегивать инфляцию. В сентябре она составила 2,2%», — сообщило Главное управление статистики. («Газета wyborcza», 13 окт.)

- «В 2009 году состоянием польской экономики были довольны 48% поляков, в 2014 г. — только 37%. Количество недовольных экономической ситуацией за это время выросло с 39% до 52%. (...) Две трети предпринимателей полагают, что фирмы из ключевых отраслей, таких, как телекоммуникация и энергетика, должны находиться в общественной собственности. (...) В 2000 г. более 90% польских бизнесменов поддерживало свободную рыночную конкуренцию, а десять лет назад такой точки зрения придерживались только 66%». (Бартек Годуславский, «Дзенник газета правна», 13–15 окт.)

- «Синдром низких капиталовложений, демографических изменений, превалирования динамики импорта над экспортом, более быстрого роста зарплат по сравнению с ростом расходов — всё это отражается на макроэкономическом равновесии. Не сразу, конечно, так что резкого обрушения не будет. Однако нынешняя высокая динамика экономического роста не будет постоянной. Ответственное управление экономикой требует стратегического мышления, тут не нужно переворачивать всё с ног на голову. (...) В некоторых сферах ничего не изменилось, в других мы явно деградируем, как, например, в сфере конституционного строя. Пресловутые “перемены к лучшему” — это не те перемены, которые сделают наше государство процветающим», — проф. Ежи Хауснер, бывший вице-премьер и министр экономики, труда и социальной политики, бывший член Совета финансовой политики. («Ньюсуик Польша», 23–29 окт.)

- «Вот уже 15 дней молодые врачи со всей Польши ведут голодовку протеста в коридоре детской клинической больницы на улице Жвирки и Вигуры» (Мартина Шмигель). Врачи требуют увеличения расходов на здравоохранение, увеличения количества медперсонала, а также ликвидации очередей и бюрократии». («Газета wyborcza», 16 окт.)

- «Так называемые резиденты — это врачи в самом начале своей профессиональной карьеры. За плечами у них довольно нелегкое 6-летнее обучение в ВУЗе и 13-месячный стаж, во

время которого они получают около 2 тыс. злотых на руки. В зависимости от специализации резидентура может длиться от 4 до 6 лет». В период резидентуры врачи зарабатывают от 2,1 тыс. до 2,4 тыс. злотых — В.К. («Ньюсуик Польша», 16–22 окт.)

- «“Новости” компании “TVР” пытались замалчивать протест, однако через несколько дней придумали другой ход: сообщили, что жадные врачи требуют заоблачного повышения зарплаты, с 3,1 тыс. до 9 тыс. “брутто”. Не моргнув глазом, эту “новость” прочитал журналист Кшиштоф Земер, который ежемесячно выставляет телевидению счет на 33,5 тыс. злотых, причем “нетто”». (Дариуш Чвиклак, «Ньюсуик Польша», 16–22 окт.)

- «57,8% респондентов поддерживает забастовку молодых врачей-резидентов, 28,7% опрошенных высказываются против, а 13,5% затруднились с ответом. Опрос агентства “SW Research”». («Ньюсуик Польша», 16–22 окт.)

- «После 28 дней голодовки резиденты прекратили акцию протеста. (...) Врачи признали свою беспомощность перед невозмутимым молчанием государственной машины». (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 31 окт. — 1 нояб.)

- «Международное агентство исследований рака уже в 1987 году признало бензопирен самым опасным канцерогеном. (...) Его средняя годовая концентрация не должна превышать 1 нанограмма на 1 метр кубический. В Польше она достигает 7 нанограммов (средний годовой показатель со всех станций, осуществляющих мониторинг воздуха). В январе в пульмонологическом санатории в Рабке-Здруе средний уровень бензопирена за месяц составил 27 нанограммов. (...) По концентрации в воздухе бензопирена мы опережаем множество других стран». (Доминика Вантух, «Газета wyborча», 12 окт.)

- «С момента вступления Польши в ЕС за границу уехали 30 тыс. польских ученых — одна четверть!», — Ярослав Говин, вице-премьер, министр науки и высшего образования. («Газета wyborча», 14–15 окт.)

- «Неделю назад президент подписал закон о Национальном институте свободы — Центре развития гражданского общества. (...) Правящая партия берет в свои руки контроль над распределением дотаций из центрального бюджета для организаций, которые ранее назывались неправительственными, (...) тем самым присвоив себе “пятую власть”, власть над общественным сектором. (...) Идея создания Национального института свободы — Центра развития гражданского общества принадлежит Петру Глинскому. (...) Отчет ассоциации “Клен / Явор” показывает, что после прихода к власти ПИС мы значительно охотнее поддерживаем своим одним процентом налогов независимые организации. В прошлом году больше всего добровольных отчислений с налога

на доходы физических лиц получили организации, которые наиболее часто подвергаются нападениям и дискриминации со стороны правящей партии: “Большой оркестр праздничной помощи” Ежи Овсяка с упомянутого “одного процента” собрала почти вдвое больше, чем в 2015 году — свыше 7 млн злотых; “Фонд для Польши” Якуба Выгнаньского (...) на свои независимые продемократические инициативы (...) получил в шесть раз больше — 600 тыс. злотых; “Центр прав женщин” в десять раз больше — 221 тыс. злотых. Больше получили и правозащитные организации: фонд “Паноптикон”, занимающийся охраной права на частную жизнь, и “Гражданская сеть Watdog Polska”. То же касается организаций ЛГБТ, а также организаций, помогающих беженцам — таких, как “Ассоциация юридического вмешательства”». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 21–22 окт.)

- «В Берлине количество бездомных в начале этого года предположительно составляло 6–8 тысяч. (...) По неофициальным данным 2 тысячи среди них могут составлять поляки. (...) По официальным данным в Берлине проживают 200 тыс. поляков». (Бартош Т. Виленский, «Газета wyborcza», 18 окт.)

- «Польша поддерживала и поддерживает прием Турции в Евросоюз — это важнейшее политическое заявление президента Анджея Дуды в ходе визита в Польшу президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, состоявшегося в минувший вторник». (Ежи Хащинский, «Жечпосполита», 18 окт.)

- «Руководители Польши и Ирака (президент Фуад Масум) обсудили развитие торгового обмена между нашими странами. Президент Анджей Дуда привел примеры такого обмена — экспорт польской говядины, а также сотрудничество сырьевых компаний». (Ежи Хащинский, «Жечпосполита», 7 нояб.)

- «68% участников опроса, проведенного ЦИОМом, позитивно оценивают деятельность президента Анджея Дуды. Положительное мнение о работе Сейма и Сената высказывают в обоих случаях 36% респондентов, негативно же оценивает работу Сейма половина опрошенных, Сената — 42%». (Газета wyborcza, 19 окт.)

- «В рейтинге доверия, составленного ЦИОМом, президент Анджей Дуда получил 74%, и только 15% отказали ему в доверии. Доверие премьер-министру Беате Шидло выразили 58% респондентов, Павлу Кукизу — 55% (не доверяют ему 20% респондентов). Наибольшее недоверие вызывает министр обороны Антоний Мацеревиц — 53%, и только лишь 28% доверяют ему. О недоверии председателю партии “Гражданская платформа” Гжегожу Схетыне заявили 49% опрошенных, о доверии — 19%. Председатель “Права и справедливости” Ярослав Качинский получил 44% недоверия и 42% доверия,

председатель “Современной” Рышард Петру — 49% недоверия и 19% доверия». («Газета wyborcza», 24 окт.)

• Поддержка партий: «Право и справедливость» — 37%, «Гражданская платформа» — 20%, Кукиз’15 — 9%, «Современная» — 7%, Союз демократических левых сил — 6%, крестьянская партия ПСЛ — 6%, «Вместе» — 4%, «Конгресс новых правых» — 1,5%, «Свобода» — 0,5%. Не определились с симпатиями 9%. О своем участии в возможных выборах заявили 69,6% респондентов. Избирательный порог составляет 5%. Опрос Института рыночных и социологических исследований. («Жечпосполита», 8 нояб.)

• «Позиция ПИС опирается на ее первенстве в сельских местностях и небольших городах, а также среди пожилых, религиозных и хуже образованных людей. Среди сторонников ПИС много тех, кто регулярно посещает церковь. (...) Жители села по-прежнему составляют почти половину электората ПИС. (...) Правящая партия также популярна среди людей со средним и профессиональным образованием. (...) По данным ЦИОМа, ПИС уже давно перестала быть партией бедняков, а в последние годы даже утратила свои позиции среди тех, кто мало зарабатывает. Зато неожиданно получила новых сторонников в среде людей зажиточных. (...) Структура электората ПИС таким образом продолжает оставаться разнородной», — Яцек Кухарчик, президент института обществоведения. («Газета wyborcza», 17 окт.)

• «Люди утратили уважение к иерархиям и власти, которое заставляло их голосовать за самых умных и компетентных. Теперь люди выбирают таких же, как они сами. (...) В представительных органах появляется всё больше людей очень среднего полета и всё меньше выдающихся личностей. (...) Когда демократия приводит к тому, что люди начинают чувствовать себя действительно равными и потому отвергают любую элитарность, неформальные общественные традиционные стабилизирующие механизмы слабеют, и власть оказывается в руках тех, кто законно избран, но совершенно не готов к этой роли, что оборачивается катастрофой. Именно это сейчас и происходит. (...) Когда демократический проект окончательно побеждает, людям кажется, что их права и свободы — это нечто совершенно естественное. Поэтому они не придают большого значения конституционному порядку. (...) В Польше большинство составляет класс довольных жизнью людей. Но это удовлетворение жизнью оборачивается пассивностью, означающей согласие на любые политические эксперименты», — проф. Ян Хартман. («Политика», 18-24 окт.)

• «Трансформация 1989 года установила символическую гегемонию среднего класса. (...) Другие группы либо никак не

представлены в публичной сфере, либо представлены в виде негативных и упрощенных клише. Агрессивные, с претензиями рабочие фабрик, ленивые жители деревень, бестолковые безработные — долгие годы именно так эти группы изображались в публичном пространстве. (...) Другое важное последствие доминирования среднего класса заключается в отказе от идеи общих интересов ради фетишизации индивидуализма и частной собственности. Этика нового класса, появившегося в 90-е годы, диктовала этой группе сосредоточиться на постоянном повышении собственного благосостояния и накоплению богатства, что должно было привести к обогащению всего общества. Результатом такого подхода стало постепенное исчезновение коллективных ценностей, таких, как социальная солидарность, забота об общем благе, внимание к интересам различных социальных групп», — д-р Магда Щенсник, лауреат научной премии еженедельника «Политика». («Политика», 8-14 нояб.)

• «После всех этих лет, когда народу приходилось в бешеном темпе модернизироваться и становиться цивилизованным, (...) он пообещал людям оставить их в покое. (...) Проголосуйте за нас, а мы вам скажем, какие вы чудесные уже только потому, что вы поляки. (...) В любом обществе найдется группа людей (...) с низкими способностями и большими ожиданиями.

Людей, которые в своих воображаемых или реальных неудачах всегда будут обвинять других. Людей, которые свои собственные страхи и комплексы воспринимают как угрозу, поступающую из реального мира. Из них он и сколотил свой надежный электорат. Из своего комплекса он сотворил нечто, что повело за ним толпы. Ибо он сказал народу, что они хороши такими, какие они есть, просто весь остальной мир этого не ценит. А народ любит такие речи. А еще народ любит, когда власть ничего от него не требует, кроме разве что голосов на выборах. (...) Нынешние власть предержащие — это сеятели страха, его производители и дистрибьюторы. (...) По-другому людей не мобилизуешь. Они лелеют в них самые низкие инстинкты. Говорят — нужно забрать у тех, кто имеет, и раздать тем, у кого слишком мало и тем, кому всегда будет хотеться большего. Долго это продолжаться не может, потому что никакого общества так не построишь. (...) Нельзя построить общество на фундаменте страха, ресентимента и конфликта. Хотя на какое-то время, разумеется, людей можно прижать к ногтю. (...) Это общая проблема современной власти: мы выбираем худших, чтобы они не вгоняли нас в комплексы. Впрочем, лучших что-то не слышно», — Анджей Стасюк. («Газета wyborcza», 28-29 окт.)

• «Во-первых, страна в таком отчаянном состоянии, что ее нужно спасать, даже нарушая некоторые принципы. Во-

вторых, у нас есть Ярослав Качинский. А это фигура такого масштаба, которая появляется раз в сотню лет. Так сложилось, что именно он воплощает в себе Польшу. И он лучше всех знает, что хорошо для нашей страны. А поскольку ситуация очень непростая, надо его внимательно слушать и делать то, что он говорит. (...) Критерием патриотизма и настоящей зрелости должна быть наша готовность быть надежным орудием в его руках», — Петр Сквецинский. («Сети правды», 8-12 нояб.)

- «Сотрудники маршалковской стражи (охрана Сейма) начали ежедневно носить пистолеты. О причинах такой меры канцелярия Сейма не распространяется. Кроме того, охрану снабдили парализаторами». («Жечпосполита», 16 окт.)

- «В настоящее время безопасность Сейма и Сената обеспечивают около 160 сотрудников маршалковской стражи. В следующем году это подразделение увеличится еще на 120 человек». (Виктор Ферфецкий, «Жечпосполита», 9 нояб.)

Экономическая жизнь

Официально объявлено, что Польша откажется от доступа к гибкой кредитной линии Международного валютного фонда. Линия работала с 2009 года как страховой полис на время финансового кризиса, во время которого невозможно было бы финансировать бюджетные затраты посредством эмиссии облигаций. Линия никогда не была использована. Во время годичной сессии Международного валютного фонда и Всемирного банка заместитель премьер-министра Матеуш Моравецкий объявил, что этот год последний, в котором Польша могла бы пользоваться линией. Как сообщает «Газета wyborcza», вице-премьер Моравецкий принял решение об отказе после анализа налоговых данных, макроэкономических параметров, после анализа валютных резервов Центрального банка. Состояние экономики очень хорошее, — заявил М.Моравецкий, — безработица рекордно низкая (6,7%), все новые финансовые институции прогнозируют рост. Согласно МВФ, рост в нынешнем году составит 3,8%, по оценке рейтингового агентства S&P — 4,2%, а по подсчетам Moody's — 4,3%.

В текущем году польский экспорт может вырасти на 10,4%, т.е. до 196 млрд евро. Такой прогноз дает польская Корпорация страхования экспортных кредитов KUKE. А в следующем году экспорт может достичь 212 млрд евро. Для поддержания высокого темпа роста необходима бóльшая дифференциация направлений сбыта. Корпорация KUKE подготовила для газеты «Жечпосполита» список из десяти стран, в которых польские фирмы имеют шансы продавать намного больше, чем сегодня. Польские экспортеры сосредотачиваются на Европейском союзе: он близок, с ним уже сложились экономические контакты, здесь можно чувствовать себя безопасно. В то же время можно покорить еще немалую часть мира, полагает Петр Срочинский, главный экономист KUKE. Шансы на увеличение экспорта имеются, например, в Японии и США, Скандинавии, а также у восточных соседей Польши. В Азии это Иран и Индия, в Африке — Кения и ЮАР. При этом каждый из рынков может быть для польских фирм привлекательным по-своему. В Беларуси и Украине привлекают невысокие издержки на логистику, здесь хорошее мнение о польских изделиях, легко налаживается сотрудничество. В Норвегии проживает немало поляков, которые могут составить значительную часть покупателей польских товаров. Аналогичная картина в

Швеции, где вдобавок существуют широкие возможности для кооперации в сфере производства. В Иране отмена международных санкций породила огромные инвестиционные запросы. А козырь Индии — это гигантский рынок сбыта, быстрый рост спроса и стремление войти в число главных игроков глобальной экономики.

По данным Польского агентства развития предпринимательства, экспортом занимаются 3% микропредприятий, 30% малых и 46% средних предприятий. В росте экспорта наибольшую роль сыграли крупные фирмы, на которые приходится две трети продаж польских товаров за рубежом, однако менее крупные развивают экспортную деятельность быстрее. Все это не значит, что фирмы подходят к экспортной экспансии без опасений. Чаще всего беспокойство вызывают такие факторы как возможность попасть на недобросовестного контрагента, непредсказуемое изменение валютного курса и снижение ликвидности. Проблемы, на которые указывают предприятия, разнятся также в зависимости от отрасли, конкретного рынка и региона Польши, в котором проводился опрос. На границе с Чехией или Германией, где уже много лет развивается приграничная торговля, опасения те же, что на внутреннем рынке: неплатежеспособность партнера, отсутствие средств на финансирование деятельности. Если же речь идет о совсем новых и недостаточно изученных рынках, то малые фирмы наибольшую опасность видят в экономических и политических рисках или неожиданном изменении валютного курса.

Польские рыбаки словили в минувшем году на четверть меньше трески, снизился также улов кильки. Поляки по-прежнему потребляют примерно то же количество рыбы, однако рыболовная отрасль развивается благодаря экспорту. По данным Института сельского хозяйства и пищевой промышленности, которые приводит газета «Жечпосполита», заграничная торговля побила в минувшем году рекорд, на что повлияли также высокие мировые цены на рыбу. Экспорт вырос в физическом выражении на 8%, до 476 тыс. тонн, а в денежном — на 13,5%, до 1,8 млрд евро. Польские производители рыбной продукции, прежде чем выпустить ее в мир, большую часть сырья приобретают за рубежом: в Ирландии, Норвегии, Канаде. Приобретают сырье, облагораживают его и продают дороже. Часто за границу, преимущественно в Германию, но также и на более отдаленные рынки — в США и Канаду. В вывозе пищевой продукции рыбный экспорт — одна из наиболее динамично развивающихся позиций. В прошлом году он вырос на 12,8%. В прежние годы на рыбу приходилось не более 7% общего

экспорта пищевой продукции. Сами поляки рыбой не слишком увлечены: годовое потребление на единицу населения составляет от 12 до 13 кг. По мнению экспертов, польская рыбопереработка может стать базой для европейских рынков, а конкуренты из балтийских стран многое потеряли из-за введенного Россией эмбарго.

В 2017 году сельским хозяйством живут 10,5% поляков, тогда как в 1989 году этот показатель составлял 18%. Как пишет Кристина Нашковская в «Газете wyborчей», виден масштаб перемен, какие произошли за это время в польской деревне. Село в большей мере, чем город, ощутило перемены, произошедшие в стране после 1989 года. В рамках Общеевропейской сельскохозяйственной политики Польша в 2004–2015 годах получила 39 млрд евро, преимущественно на дотации производству и развитие сельских территорий. Главная доля этих средств досталась самым крупным хозяйствам, что дополнительно ускорило поляризацию крестьянства. Здесь сработал эффект масштаба: чем крупнее хозяйство, тем больше получало дотаций, и тем легче могло инвестировать в дальнейшее развитие. Малые хозяйства расценили «доплаты на гектар» как социальное пособие, позволяющее выжить, но не инвестировать в развитие. В результате, хотя доплаты получают в Польше 1,35 млн хозяйств, не более 300 тыс. из них живут сельским трудом. По мнению многих экспертов, в следующие годы «социальные» хозяйства будут по-прежнему содержать свои мелкие фермы для получения доплат, а самые крупные будут развиваться за счет средних, с наделом около 30 гектаров. Средние хозяйства сейчас находятся в самой сложной ситуации: они уже отошли от «социальной» модели, но еще не способны инвестировать в развитие.

Адам Пстронговский с юных лет изготавливал серьги и брошки из янтаря. В возрасте девятнадцати лет он зарегистрировал в Гдыне фирму «Silver&Amber» (S&A). Со времени того скромного дебюта прошло 25 лет. Сегодня в фирме работает 130 человек. Недавно бижутерия S&A попала в британскую королевскую семью: янтарное кольцо приобрела принцесса Кэт, а принц Уильям купил запонки. Прежде чем изготовить кольцо для принцессы, дизайнеры изучили 300 ее фотографий. Доставшиеся принцу запонки уже произвели фурор: на модель из золота 750-й пробы, украшенную янтарем, сыплются заказы из многих стран, в том числе из Бахрейна. Первые зарубежные продажи изделий S&A были в Скандинавии и Греции. Сегодня фирма присутствует во всей Европе, США и Азии. В ближайшем будущем она намеревается завоевать ближневосточный рынок.

Совершенно очарованы «золотом Балтики» в Китае. Бижутерию с логотипом гдынской фирмы носят, в частности, жены высокопоставленных политиков. «В китайской культуре янтарь — это святой камень Будды», — сказал Адам Пстронговский в газетном интервью. В Китае действуют уже больше ста магазинов под вывеской «S&A». Фирма присутствует также в Монголии и Казахстане.

Е.Р.

Обреченный на антирусскость?

Заметки на полях воспоминаний Шимона Токажевского

В дискуссии «Достоевский. Реактивация» («Новая Польша», 2014, № 6) Адам Поморский сказал: «Убеждение в том, что Достоевский был настроен антипольски, имеет два источника. После смерти писателя поднялась волна критических высказываний о нем со стороны его недавних оппонентов, либеральных и социалистических авторов — в самой России и на периферии Империи, а значит, также в Польше. Покойному антагонисту приписывали, в частности, великодержавный шовинизм, немного по принципу «кто не с нами, тот против нас». В Польше с этими обвинениями выступил в своих воспоминаниях Шимон Токажевский, тридцатью годами ранее товарищ Достоевского по сибирской каторге, который в общей сложности 37 лет провел в тюрьмах и ссылках — человек трагической судьбы, но, к сожалению, не слишком большого ума. Неприязнь Достоевского к себе лично он интерпретировал как выражение антипольскости — тогда как сам провоцировал ее своим поведением на каторге. Представим себе эту сцену в сталинском лагере: вновь прибывший отказывается пожать протянутые ему руки товарищей по несчастью, ибо он, польский шляхтич, не будет брататься с уголовным сбродом».

Здесь мы публикуем более подробный анализ позиции Шимона Токажевского.

Ред.

Обреченный на антирусскость?

Заметки на полях воспоминаний Шимона Токажевского

Шимон Токажевский (1823–1890) был ссыльным, «рецидивистом», три раза приговоренным к Сибири. Он был преданным эмиссаром ксендза Петра Сцегенного, харизматичного настоятеля Ходельского прихода, который призывал к крестьянскому восстанию ради освобождения и улучшения условий жизни крепостных крестьян. Впервые Токажевский был сослан в 1846 году. После возвращения из первой ссылки он стал сапожником, чтобы распространять патриотические идеи в ремесленной среде. Свои скитания он описал в обширных воспоминаниях, изданных после его смерти.

Можно ли было в такой ситуации занять позицию нейтральную, объективную, свободную не только от русофобии, но и от русофилии? Или Токажевский был обречен на антирусскость?

Шимон Токажевский кажется человеком, свободным от предубеждений против русских. В своих воспоминаниях он старается быть справедливым по отношению к ним. О честных и доброжелательных людях он пишет с искренней благодарностью. Неоднократно описывает русских как людей готовых помочь, хороших и благородных. Местной элите он чрезвычайно благодарен за доброту и теплый прием. Прежде всего, за то, что они относились к польским политическим ссыльным «как к людям». Больше всего он благодарен за то, что они считали ссыльных поляков равными себе, что позволяло последним на какое-то время забыть о тяжелой ситуации. Трогательно вспоминает о тех, кто хорошо отзывался о Польше или поляках.

Каково было отношение российского общества к польским политическим ссыльным? Для образованного слоя политический преступник «не терял своего статуса человека из их круга». Как писал Станислав Цат-Мацкевич, «превыше государственных законов был неписанный закон дворянской солидарности». По этому закону, «судебный приговор никого не лишает прав, присущих ему по обычаю вежливости».

Конечно, это касалось только ссыльных-дворян, осужденных не только за дисциплинарные или политические, но даже за уголовные преступления. Как пишет Цат-Мацкевич, «тот, кто отказался соблюдать это, расписался бы в собственном плохом воспитании», сам себя исключая из этого круга.

Конечно, в воспоминаниях ссыльных есть множество примеров прекрасного отношения местных представителей высших слоев общества к полякам. Сами польские ссыльные пишут о таких русских с благодарностью, рисуя их благородными и добрыми. Часто особую симпатию русских Токажевский приписывает их связи с декабристским движением.

Конечно, следует помнить, что для поляков того времени культурное родство нередко играло большую роль, нежели национальное. Они охотно поддерживали контакты с российской элитой, с которой их объединяло воспитание, круг чтения и владение французским языком. Поляки были гораздо ближе к ним, чем к своим соплеменникам, осужденным за криминальные преступления. Как вспоминает Агатон Гиллер, «ссыльные политические поляки с уголовными, которых тут тоже немало, общаются только постольку, поскольку какой-нибудь из них проявляет склонность к исправлению»^[1].

По свидетельству Михала Бохуна, предубеждения поляков в отношении русских носили, в основном, характер государственный, реже — этнический^[2]. Токажевский за всю свою семилетнюю каторгу в Омске только раз мимоходом упоминает о польском уголовном ссыльном преступнике, но не отмечает никакой попытки установить с ним контакт.

Ссыльные поляки часто обедали и даже целые дни проводили в домах местных чиновников. В одном из таких домов Токажевский и его товарищи познакомились с Елизаветой Ефремовной, дочерью полковника сибирских казаков, вдовой поляка, майора Бартошевича. Они относились к ней с огромным уважением, называли «звездой Сибири» и «северным цветком». Немаловажную роль в этой симпатии играло критическое отношение русской к своей стране. Токажевский пишет: «Эльжбета [...] ненавидела русских, называла Россию «страной кнута»^[3]. Ее симпатия по отношению к Польше в сочетании с отказом от своих корней должна была сильно трогать поляков. Токажевский не осуждает ее столь явной неприязни к собственному народу. Не разделяет ли он в глубине души ее чувств?

Местные русские, однако, нередко смешат Токажевского. Тех, кого он считает менее образованными, чем он сам, он часто

описывает свысока, с насмешкой. Например, жену этапного офицера, которая уговорила мужа угостить ссыльных, потому что «поляков никогда в жизни не видела». Эта женщина описана Токажевским карикатурным образом, как комический, пустой и поэтому смешной персонаж. И все же он безмерно благодарен ей за гостеприимство и за то, что «на несколько часов к нам отнеслись как к людям интеллигентным и приличным» (103). Он даже писал о ней: «Где бы ты теперь ни была, Евгения Петровна! Шлю тебе привет за твое рукопожатие и неподдельную к нам сердечность!» (103).

Большинство жителей Сибири Токажевский считал «малообразованными и умственно слабо развитыми»^[4]. При этом многократно подчеркивал, что он и его ссыльные товарищи отличались на их фоне интеллектом и образованием. О своем отношении к омской элите он писал со смесью благодарности и чувства собственного превосходства: «Конечно, нам было сложно — особенно в начале — подстроиться к этим подозрительным, хитрым торговцам-миллионерам, конечно, их жены, дочери и сестры казались нам смешными, с их претензиями на красоту, элегантность, изящество, с их мещанским кокетством; но то, что в обхождении с нами эти люди были искренне добры и сердечны — это факт, не подлежащий никакому сомнению» (188).

Причину дружелюбия русских автор воспоминаний усматривал не в их индивидуальном характере, а прежде всего, в поведении самих поляков. Неоднократно первоначальное нерасположение русских сменялось открытостью и дружбой. В упомянутом благорасположении Токажевский видел, однако, не заслугу самих русских, а результат действий поляков. Сердечность местных жителей в его глазах была связана с тем, что они восхищались многочисленными достоинствами ссыльных. Токажевский считал, что местные благоволili к полякам, потому что им нравились, как он сам перечисляет, «наше спокойствие, наше терпение в невзгодах каторги, наше трудолюбие и аккуратность в работе, наши знания» (188). Ссыльный писал, что необразованные местные считали поляков мудрецами, этическими авторитетами, арбитрами, советниками и судьями. Токажевский долго распространяется на тему доверия и дружбы, которые оказывали полякам тамошние русские. Во всем этом в глаза бросается, прежде всего, чувство превосходства над описываемыми людьми. Токажевский называет польских политических ссыльных «первопроходцами цивилизации и этических понятий» в Сибири, которые не вызывали «там нигде чувств ненависти или мести, а только чувства любви и прощения». При этом он упоминает, что «искренне дружеское

рукопожатие» поляки давали только «рукам незапятнанным и чистым» (189), что явно ставит их в положение кристально чистых судей моральности. Английский путешественник, будучи в Сибири, уже в 90-х годах XVIII века о тамошних ссыльных поляках писал: «[...] в этой стране их честность ценили. Они самые умелые и лучше всех понимают в хозяйстве»^[5]. Агатон Гиллер с гордостью писал, что благодаря тому, что поляки придерживались суровых моральных принципов и достойно и благородно вели себя, польское сообщество ссыльных ассоциировалось у местных русских «с представлениями о честности, порядочности и добродетели»^[6].

Токажевский, подобно другим своим современникам-ссыльным, создает миф о поляке — носителе кристально чистых моральных принципов и поистине божественных добродетелей. Ссыльные становятся авангардом не только христианства, но и всей европейской культуры. Это странное смешение христианского смирения с национальной гордостью многое говорит не только о самих поляках, но и об их отношении к Другому. Самопрезентация поляков в ссылке — своего рода стратегия выживания, ментальный щит, придающий смысл годам, проведенным в Сибири. Осознание механизмов создания такого представления о самом себе позволяет понять скрытый в них противоположный образ Другого-русского, неморального, непорядочного, нецивилизованного, лишенного благородных качеств. Не стоит забывать, что поляки-ссыльные, в большинстве своем принадлежавшие к образованному дворянскому сословию, без труда выделялись на фоне сибиряков, находившихся на другом культурном уровне. Это была также своего рода моральная победа и «мечь» России, покорившей Польшу. Токажевский, как и другие политические ссыльные, сталкивался с предрассудками и неприязнью, даже с ненавистью со стороны русских. Не раз он становился жертвой жестоких оскорблений и ярых полонофобских нападок. Он многократно описывает насмешки и недоброжелательные взгляды и даже нападения на польских ссыльных. Дважды он чуть не становится жертвой разъяренной толпы. В первый раз это случается в Тобольске во время эпидемии холеры, когда местные жители обвиняют поляков в умышленном распространении заразы. Ссыльный пишет о той огромной волне ненависти, порождении «нелепого предрассудка темной толпы», которая упорно требовала выдачи поляков: «Выдайте нам поляков!... Они не только обидели нашего царя-батюшку, но и всех нас хотят сжить со свету!... они хотят захватить весь Тобольск!... Выдайте нам поляков! — кричали предводители»

(86).

Вторая попытка публичного самосуда над польскими ссыльными имела место после покушения на царя Александра II. Пьяная разъяренная толпа с криками: «Поляки! Мерзавцы! Предатели! Цареубийцы!», — чуть не затоптала Токажевского и его товарища. От близкой смерти спасает их только вмешательство полиции. Интересно, что ненависть охватывает также тех, кто ранее относился к полякам нейтрально и даже благожелательно. О хозяйке дома, где жил Токажевский, до этого расположенной к нему, он пишет с горечью: «теперь она позволила бы нас утопить в ложке с водой»^[7]. В этом случае можно говорить о характерном коллективном обвинении Другого в своих несчастьях, где в роли Другого выступали поляки.

Ссылный, описывая отдельных русских как жестоких, бесчеловечных в своих поступках, никогда не делает обобщающих выводов о жителях России. Даже говоря о критических моментах, когда ему грозила смерть, он избегает оценки народа в целом.

Токажевский с горечью замечает, что большинство населения России составляет темная фанатичная масса, которая легко поддается манипуляции и подстрекательству. Но упомянутые трагические эпизоды побуждают поляка не столько к рассуждениям на тему русского народа, сколько о человеческой природе вообще, о ее слабости и склонности к самосуду. Он точно отмечает, что «никакой сев не дает таких быстрых и обильных плодов, как ненависть, особенно ненависть племенная»^[8].

Сибиряк не только избегает упрощенных суждений и обобщений, но и старается понять причины поведения людей в конкретных ситуациях и те механизмы, которые стоят за коллективной фанатичной ненавистью к полякам. Он видит причины, прежде всего, в суеверности и необразованности большинства российского общества. Огромное отрицательное влияние на него, по мнению ссылки, оказывают также пропагандистские публикации некоторых российских авторов. Например, брошюра Каткова, пугающая поляками — неотесанными дикими варварами с кровожадными и жестокими инстинктами и наклонностями, ненавидящими русских, убивающими и издевающимися над ними, отравляющими воду в колодцах и реках, умышленно разносящими различные болезни и даже отрезающими честным людям уши и носы.

Вопрос, как мы бы сегодня сказали, антипольской пропаганды крайне волнует Токажевского, безуспешно пытающегося найти

средство борьбы с ней. Он искренне сожалеет о том, что между двумя народами растет взаимная «племенная ненависть». Возможно, на позицию Токажевского по отношению к «темной фанатичной толпе» повлияло его прошлое. Будучи эмиссаром ксендза Петра Сцегенного, друга простых людей, боровшегося за их свободу и равенство, он сталкивался с подобной волной ненависти еще в Польше, когда в 1846 г. был свидетелем Галицийской резни. О крестьянском восстании в Галиции он высказывался так же, как о русских самосудах, видя причину погрома в необразованности, суеверности и управляемости крестьянства, а прежде всего, в «дьявольском нашептывании» врагов польского народа.

Российскую бюрократию Токажевский описывает с помощью популярной тогда метафоры кнута. В своих воспоминаниях он пишет: «кнут — это винтик, на котором держится вся российская администрация». О Москве он пишет схожим образом: «Москва, город огромный, в котором есть много прекрасных зданий, несмотря ни на что не произвела на меня впечатления. Воображение мое видело только огромный кнут, нависший над древней столицей... и больше ничего!» (72). Однако русского человека — как гражданского, так и чиновника — Токажевский не отождествляет с системой царской власти. В своих взглядах он не одинок. Близкие контакты с русскими позволили ему понять, что народ — это не то же самое, что преступная государственная система России, более того, он сам — жертва этой системы. Как считает Мариуш Хростек, польские политические ссыльные «по отношению к простым людям демонстрируют [...] понимание и даже симпатию, относясь к ним как к беззащитным и невольным жертвам царского деспотизма»^[9].

Ссылный многократно описывает злоупотребления и несправедливость российской власти, в том числе, и по отношению к самим русским. Так, он приводит пример следственного процесса в среде усть-каменогорских чиновников. Когда оказалось, что обвинение было ложным, наказан был и доносчик, и невинно обвиненный (124). Отношение Токажевского к русским можно назвать довольно нейтральным, часто даже доброжелательным. Однако оно не лишено предубеждений. Особенно это видно в его описаниях отношений с русскими женщинами. Как и его товарищи по ссылке, Токажевский старается четко соблюдать кодекс ссыльных. Одним из его элементов, как пишет Мариуш Хростек, была «конституция ссыльных», принятая «конарщиками»^[10], сосланными в 1839 году, и соблюдавшаяся позднейшими ссыльными. Кроме таких постулатов, как взаимопомощь и обоснованный запрет на игру в карты с

чиновниками, документ предостерегает от контактов с сибирскими женщинами. Шестой пункт конституции гласит: «Всеми силами избегать близких отношений с местным прекрасным полом, в краю диком и полном преступников это было бы небезопасно и даже губительно».

В воспоминаниях других ссыльных также брак с русской считается одной из худших провинностей. Агатон Гиллер однозначно осуждает союзы поляков с русскими. По его мнению, брак с «москвкой» должен рассматриваться как национальное предательство, содействие русской политической линии, добровольная русификация и денационализация. Другой ссыльный, Ян Галубич-Сабинский, к этим обвинениям добавляет отказ от своей веры в пользу православия, а такой брак считает формой деградации. В скобках нужно заметить, что в среде ссыльных браки с представительницами других народов и даже вероисповеданий не вызвали никаких отрицательных эмоций.

Токажевский поначалу был так же радикален в своих взглядах. Во время первого этапа в Сибирь в самом начале ссылки о поляках, женившихся на русских, он кратко писал: «Другие поляки не навещали нас, поскольку, женившись на русских, собственными руками выстроили преграду, которая нас от них навсегда отделила» (97).

Со временем, однако, ссыльный становится менее принципиальным. Часто он вспоминает о близкой дружбе с русскими женами поляков, такими, как вдова Бартошевича, Елизавета Ефремовна, или Наталья Криванько, жена ссыльного Кароля Кшижановского. В его записях нет ни одного слова осуждения для этих союзов, более того, он называет их удачными и счастливыми. Откуда берется эта непоследовательность Токажевского? Или он не вполне придерживается сурового запрета конституции ссыльных? В том, как сложно было его соблюдать, Токажевский убедился лично. Во время своей первой ссылки он влюбился в русскую, Веру Максимилиановну, о которой писал: «Сегодня, когда я пишу свои воспоминания, когда голова моя покрыта уже инеем седины, когда дни свои я прожил, словно монах самого сурового монастырского устава, — сегодня я могу признаться, что эта Вера Максимилиановна, очаровательная, легкая и удивительно умная, хорошая девушка нравилась мне чрезвычайно»^[11].

С сожалением вспоминал он о связывающей его присяге, принесенной вместе с другими ссыльными в начале ссылки: «В этой чужой стране, под чужим небом не существует для нас любви к женщинам. (...) И что, будучи за границами польской

земли, мы не познаем счастья — как на Дальнем Востоке среди аборигенов не станем искать идеала, не свяжем себя узами Гименея и ни на мгновение не поддадимся соблазнам мимолетного Эроса»^[12].

Для счастливого романа, удачного брака и личного счастья не было места в том образе жизни ссыльных поляков, мучеников за Родину, который они сами себе создавали. Они считали, что счастье могут обрести только в Польше. Внутренний конфликт между патриотическим долгом и личным счастьем, как отмечает Токажевский, был не чужд и другим его ссыльным товарищам. В итоге, однако, из этой схватки он, по собственным словам, «выходит победителем».

В своих воспоминаниях Токажевский предстает человеком свободным от русофобии. Все годы ссылки он ежедневно общался с местными жителями. Он столкнулся с гнетом царской власти и злоупотреблениями чиновников. Дважды был на каторге среди тяжелейших российских преступников. Знал, что такое преследования поляков со стороны русских. В то же время, он постоянно ощущал и дружелюбие жителей России: их сочувствие, понимание, чувство общности судьбы и идей, вплоть до дружбы. Отдельного более подробного изучения заслуживают отношения Токажевского с русскими революционерами, нередко дружеские, часто бурные. Несмотря на то, что ссыльный поляк иногда поддается на интеллектуальные провокации, в своей повседневной жизни он не культивирует отрицательные стереотипы и не поддается так распространенной среди поляков русофобии. Даже в критические моменты, перед лицом угрозы жизни, Токажевский не позволяет победить ненависти и не множит стереотипные суждения на тему русских.

-
1. Цит. по: Agaton Giller, *Opisanie zabajkalskiej krainy w Syberii*, t. I, s. 32. [w:] Jan Trynkowski, *Kodeks etyczny zesłańca w świetle pism Agatona Gillera*, „*Studia Łomżyńskie*”, t. XIV, s. 27.
 2. M. Bohun, *Oblicza obsesji — negatywny obraz Rosji w myśli polskiej*, [w:] *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*, pod. red. Andrzeja de Lazari, Warszawa 2006., s. 215–216.
 3. Szymon Tokarzewski, *Siedem lat katorgi: Pamiętniki Szymona Tokarzewskiego 1846–1857*, Warszawa 1918, s. 120. Далее в тексте страницы указаны в скобках.
 4. Szymon Tokarzewski, *Na Sybirze. Opowiadania z życia Polaków*, Warszawa 1920, s. 102.
 5. J. M. Hartney, *Syberia. Historia i ludzie*, s. 146, [za:] J. Parkinson, *A Tour of Russia, Siberia and Crimea 1792–1794*, London 1971, s. 120.

6. A. Giller, [za:] M. Chrostek, Etos dziewiętnastowiecznych zesłańców, Wrocław 2008, s. 51.
7. Sz. Tokarzewski, Ciernistym szlakiem: pamiątniki Szymona Tokarzewskiego z więzień, robót ciężkich i wygnania: dalszy ciąg pamiątników p.t. „Siedem lat katorgi”, Warszawa 1909, s. 230.
8. Там же, с. 228.
9. M. Chrostek, Etos..., op. cit., s. 56.
10. Конарщики — сосланные в Сибирь участники польской национально-освободительной организации «Содружество польского народа» (1835–1839 гг.) под руководством Шимона Конарского.
11. Sz. Tokarzewski, Ciernistym szlakiem..., s. 91.
12. Там же, с. 91–92.

Реализм случайности в историях Конрада

Встречи с Конрадом (9)

Когда Т.С. Элиот использовал в качестве эпиграфа к «Полым людям» цитату из «Сердца тьмы», могло показаться несколько удивительным, что он выбрал именно этот фрагмент: сообщение — на ломаном английском, безымянного персонажа — о смерти Куртца. Однако как раз эти слова заключают в себе заряд, взрывающий сюжетное напряжение повествования Конрада, и являются неотъемлемой чертой его творчества, напоминая, что ближе всего к правде и реальности тот, кто признает, как мало о них знает.

Повесть не лишена автобиографизма. В мае 1890 года Джозеф Конрад получил должность капитана маленького парохода, ходившего по реке Конго и принадлежавшего флоту Бельгийского акционерного общества торговли с Верхним Конго. В Африке Конрад находился с июня до октября 1890 года, когда болезнь — лихорадка и ревматизм — заставили его отказаться от командования кораблем и работы в Африке.

Однако не стоит отождествлять автора с его героями. Конрад вел «Дневник путешествия по Конго», в который записывал свои наблюдения над территорией, погодой, практическую информацию — без личных комментариев и замечаний философского характера. На польском языке этот дневник был опубликован лишь в 1974 году в журнале «Наутология».

Вне всяких сомнений, именно тогда будущий писатель увидел своими глазами суть деятельности белых колонизаторов, яростно сражавшихся за влияние и конкурировавших друг с другом, поскольку на рубеже веков колониальная экспансия усилилась вследствие вступления в игру новых игроков — Германии, Италии, Бельгии, США и Японии. Через десять лет после своего путешествия Конрад написал произведение, которое отсылает к тому опыту и, несмотря на скромные масштабы, считается шедевром мировой литературы. Повесть может быть интерпретирована в различных аспектах и контекстах: как расчет с колониализмом, критика европейской цивилизации, история несчастной любви, экономическое повествование о последствиях имущественного неравенства, наконец как исследование опасности — и еще десятками других способов.

Путешествие Марлоу к торговой станции в верховьях реки, вглубь черного континента — путешествие не только торговое. От встреченных по пути людей герой узнает о существовании Куртца, человека «замечательного». Все восхищаются им, хотя никто не может точно сказать, в чем заключается его привлекательность. Одни ценят его успехи в добыче слоновой кости — самой лучшей и в самых больших количествах. Других пленяет голос и манера речи Куртца, третьих интригует то, каким образом он подчинил себе «дикарей». Никто не может назвать себя его другом, никто также не признается открыто в зависти к его положению, и, тем более, в страхе. О том, что Куртц обременителен, Марлоу узнает из случайно подслушанного разговора служащих. Марлоу все более заинтригован, а то, что он, в конце концов, видит, ужасает его. Он знакомится с Куртцем, уже больным, забирает его, как его просят, на корабль, где тот в конце концов умирает, прошептав напоследок: «Ужас! Ужас!» Парадоксальным образом Марлоу становится хранителем памяти Куртца, даже заботится о его добром имени, прибегая с этой целью ко лжи. Встретившись с «нареченной» Куртца, Марлоу поражается ее представлениям о возлюбленном. Для нее Куртц — человек, которого нельзя не любить. Она ничего не знает о его жизни в Африке, о его преступлениях и истерзанных нервах. Марлоу говорит ей то, что она жаждет услышать: будто Куртц умер с ее именем на устах.

Куртца, вне всяких сомнений, можно назвать успешным человеком. Решимость, лидерские черты и благоприятные обстоятельства позволили ему подняться на вершину, ни с кем не считаясь и воплощая все свои идеи. Для прочих служащих Общества торговли слоновой костью он сделался недостижимым образцом. Один из агентов преувеличенно восхищается Куртцем, называя его в разговоре с Марлоу «посланцем милосердия, науки и прогресса», который к тому же является единственным серьезным кандидатом на должность вице-директора фирмы. Никого не удивляет и не возмущает его жестокость, его методы. Молодой русский, фотограф, который искренне обожает Куртца, к своему знакомству с ним относится всерьез, твердит, будто Куртц показал ему мир, изменил образ мыслей. Отношение юноши абсолютно бескритично, поскольку он полагает, будто на столь исключительную личность не распространяются нормы и законы, обязательные для простых смертных. Куртц не удовлетворился успехом в делах, его не радовали ни деньги, ни уважение. В своем автокреационизме он пошел значительно дальше: занял среди «дикарей» место Бога, которому следует воздавать почести. Устраивал ночные танцы, заканчивавшиеся не описанными в повести церемониями, включавшими

жертвоприношения.

Демонический Куртц, цель миссии Марлоу, абсолютный повелитель туземцев, хоть и был всего лишь «чиновником» континентального торгового общества, внушавший страх не только в Африке, но и на материке — просто умирает. Жизнь или не-жизнь идет дальше, читателя поражает не столько конкретный герой, сколько тот факт, что любое действие влечет за собой последствия, причем не только для виновника. Сознание, что каждый поступок чреват последствиями, которые невозможно до конца предвидеть и контролировать, невозможно предсказать их масштабы — вселяет ужас. Подобный взгляд на мир — как изменчивый конгломерат причин и следствий, желаний и разочарований, решений и случайностей, которые трудно отделить друг от друга — представляется характерным для всего творчества Конрада. Писатель многократно акцентирует моменты, когда случайность, неправильное понимание ситуации, незнание языка и культуры, не осознанное и не артикулированное желание определяют судьбу не только главного героя, но и всего мира в целом (пускай даже речь идет о мире художественном). Реализм Конрада заключается в отражении не действительности как таковой, а того, насколько сложно и рискованно судить о происходящем.

Куртц, герой «Сердца тьмы» — яркий пример подобного понимания реализма. Исследователи посвятили немало внимания самому происхождению персонажа. Жан-Обри с присущей ему наивностью связывает Куртца с реальным Жоржем Антуаном Кляйном, молодым французом, агентом общества в Стэнли Фолз — тяжело заболевшего дизентерией, его взяли на борт «Руа де Бельж», где он умер и был похоронен в Чумбири. Его фамилию, измененную затем на Куртц, можно обнаружить в рукописи «Сердца тьмы», однако нет никаких оснований утверждать, будто что-либо, кроме присутствия и смерти на корабле, связывает этого человека с демоническим героем повести. Джерри Ален усматривает аналогию с известным в 1888–1890 гг. членом экспедиции Стэнли Мортон, британским майором Эдмундом Бартелотом; Норман Шерри указывает на сходство с высокопоставленным чиновником Общества торговли с Верхним Конго, британцем Артуром Ходистером. Ханна Арендт видит прототипа Куртца в Карле Петерсе, немецком охотнике за колониальными приключениями, тогда как Адам Хохшильд подмечает поразительные аналогии с бельгийцем Леоном Ромом, капитаном «Форс Пюблик», которого Конрад мог встретить в Леопольдвиле в августе 1890 года. Все гипотезы представляются имеющими право на существование, однако Конрад мог и не воспользоваться этими источниками: моделью ему послужила,

с одной стороны, литературная и философская традиция, с другой — поведение и судьбы многих европейцев в Африке. С точки зрения конструкции повести, Куртц является движущей силой рассказа Марлоу, перед которым была поставлена цель — разыскать Куртца. Однако никто не располагает полной информацией о Куртце, в результате создается иллюзия, будто найти его и привезти в Европу — задача простая и обыденная. Чем ближе торговая станция, тем большим количеством сведений и догадок Марлоу располагает, однако все они недостоверны, неполны и происходят из не вполне легальных источников. Это всего лишь сплетни, подслушанные разговоры, домыслы, опирающиеся на обрывки фраз, стереотипное мышление, заставляющее выстраивать представления о человеке на основе фрагментарной информации, а при появлении реальных фактов — приспособливать их к имеющемуся образу, подгонять детали к иллюзорному целому.

Если бы не проблемы, виновником которых оказывается Куртц, Марлоу, вероятно, не получил бы работу. Конечно, он сам находился в сложном положении — несмотря на опыт и хорошую репутацию, не мог найти службу. Помогла ему в этом тетка, изображенная человеком чрезвычайно наивным, лишенная в повествовании имени, загадочно влиятельная. Она совершила то, чего не удалось сделать никому из знакомых Марлоу мужчин — добилась для племянника работы. Марлоу, человек со стороны, не владеющий контекстом и не понимающий сути проблемы, прекрасно подходил для этой трудной миссии. Получив работу «по рекомендации», он, согласно неписанному закону благодарности, оказался обременен моральным долгом, принуждающим к высшей степени лояльности. Не будь Марлоу принят на судно, он не смог бы участвовать в судьбе Куртца, которого отправило в Конго то же торговое общество. Таким образом, Марлоу, повествователь и герой романа, становится соучастником судьбы Куртца, «в создании» которого «участвовала вся Европа». Марлоу просто искал службу — отнюдь не приключение всей жизни, однако оказался свидетелем того, о чем не мог ни говорить, ни молчать, отсюда его игра, а точнее демонстрация на метауровне, что он не столько рассказывает о реальности, сколько, согласно ему только ведомым принципам, распространяет ряд правд о ней. Конрад нередко играет подобным образом с читателем, провоцирует, показывает и фатум, и случай, не объясняя, какой же из факторов сыграл решающую роль.

Сообщение о смерти Куртца было жестко раскритиковано Чинуа Ачебе, который увидел в этой ситуации лишь подтверждение того, что писатель связывает зло, смерть и

деградацию с туземцами, африканцами, то есть элемент расистского мировоззрения. Исследователи структуралистской школы сосредоточились на других проблемах, усмотрев в этой сцене момент модификации существующего порядка. В упорядоченном мире о смерти хозяина, местного лидера, должен сообщить его ближайший сотрудник, заместитель, второе лицо. Важно, кто сообщает и важно, в какой форме. В повести Конрада нарушены оба эти принципа. Роль героя, который находит мертвого Куртца и объявляет о его смерти, ограничивается исключительно этим действием. Слуга не является вторым человеком после хозяина — и использование такого приема, как слом культурного кода в силу не расовых, а социальных причин, возвышает раба. Кроме того, он остается безымянным и, что представляется еще более важным, — не осознает своей роли. Конрад в очередной раз показывает, что судить о реальности — задача чрезвычайно сложная. Тем более, что внимание привлекает то, что привлекательно, а привлекательно то, что таинственно. Даже если тайна представляет собой не более чем иллюзию, манит и обманывает сама ее аура. Если сказать, что один алчный агент торгового общества запугал и, используя физический террор и методы психологической манипуляции, полностью подчинил себе местных жителей — в этом не будет ничего увлекательного. Куртц, в сущности, просто убивал, грабил и мучил, как это делали многие другие. Однако его жилище окружал забор из кольев с насаженными на них человеческими черепами — демонстрация силы и твердости, эстетики преступления и жестокости, а также знак бесцеремонного приближения к загадке смерти. Куртц жаждал «выдрать душу Африки», выведать ее тайну. Он сам создал свою позицию при помощи нагромождения загадочности. Куртц не принадлежал ни к числу местных, ни к числу колонизаторов. Партнеров по торговому обществу он интриговал своими контактами с «дикарями», «дикарей» — самым фактом, что, будучи белым, он не похож на других. Он создал собственный образ — человека таинственного, исключительного и сильного, способного реализовать любой план и любое намерение. Человека, которому ничто не может помешать. Куртц поддался созданной им самой иллюзии — а ситуация, когда дезориентированный человек сам начинает верить в ложь, придуманную для окружающих, всегда драматична. Кроме того, это подтверждает, что зло прекрасно камуфлируется девальвирующейся тайной. Оно привлекает, а затем подавляет своей загадочностью. Обещает разгадку, чтобы в результате лишь отдалить от нее. Быть может, это производная убеждения, будто привлекательно то, что оригинально, и миф оригинальности, исключительности становится очередным

орудием зла, которое то ловко использует для придания себе большей привлекательности. Куртц никому не подражал, он жаждал сам определять новые пути и модели поведения, хотел подняться над всеми — над колонизаторами и колонизованными, над всем обществом. Уже на пороге смерти он твердил: «Моя нареченная, моя слоновая кость, моя станция». Все было его. Он чувствовал себя хозяином мира, поэтому не могло быть никого другого, с кем бы он себя сравнивал. Куртц даже мысли не допускал, что умножает существующие испокон века ритуалы жестокости, ничем не отличаясь от жаждущих власти завоевателей. Его исключительность стала иллюзией, на фундаменте которой он выстроил свою диктатуру. Ничем больше.

Возвращаясь к фигуре Марлоу как распространителя правд о мире: Конрад сознательно провоцирует читателя — если участник, свидетель событий, получает право манипулировать доступной ему информацией, мало того — не скрывает этого, то какими же прерогативами пользоваться доверием располагает писатель? Писатель, который хочет, чтобы его читали и который хочет восстановить справедливость по отношению к зримому миру, если воспользоваться формулировкой самого Конрада. Автор «Сердца тьмы» подчеркивает, что не берет на себя роль мессии, роль лидера какой-либо группы, даже роль того, что объясняет мир, он отказывается от обязательства воспитывать читателя в какой-либо области — воспитание заключается скорее в том, чтобы научить того смотреть, узнавать (как писатель лаконично сформулировал: «to make them see», «заставить их увидеть»), научить мужеству ставить вопросы и смело смотреть в лицо неизбежной банальности.

Вероятно, сегодня это можно назвать перформативным измерением литературного произведения, однако представляется, что точнее было бы прислушаться к голосу писателя, для которого предметом рефлексии было не только восприятие литературного произведения, игра с читателем. Конрада интересовало восприятие мира, выходящее за рамки эпистемологической или этической рефлексии, поскольку как писателя его интриговала возможность выражения, являющегося не проецированием реальности, а отражением — во всей ее случайности, непредсказуемости, ее мерцающем в тумане свечении.

Сто лет террора и заблуждений: 1917–2017 (ч.1)

С Орландо Файджесом беседовал
Александр Гогун

Размышляя о причале, по волнам плывет «Аврора»,
чтобы выпалить вначале непрерывного террора.
Ой ты, участь корабля: скажешь «пли!» — ответят «бля!»

Иосиф Бродский. «Представление». 1986 г.

— *Каково всемирно-историческое значение Великой октябрьской социалистической революции?*

— Это было главное событие XX века, до сих пор мы живем в ее тени. Холодная война — противостояние капитализма и социализма — началась в 1917-м, а не после 1945-го. Взлет фашизма в Италии и национал-социализма в Германии были своего рода контрреволюцией большевизму — это открыто признавали обе стороны. Да и Вторая мировая война была последствием октября 1917-го, пусть и не прямым, но это было буйство сил, выпущенных наружу в Петрограде той осенью. И конечно, треть человечества жила, погибала и страдала под советским и иными социалистическими строями в Азии, Европе и Латинской Америке. Только сейчас, спустя столетие, мы по-настоящему осознаем колоссальное значение этого события, которое аукается нам до сих пор.

— *Большевизм и нацизм — эти явления часто сравнивают.*

Приверженцы тоталитарной теории говорят, что принципиальных различий между ними нет.

— Не думаю, что эти сравнения дают многое, хотя далеко не только «тоталитаристы» видят аналогии. Вспомним Василия Гроссмана, его роман «Жизнь и судьба» — в сороковые годы даже иногда непросто было различить проявления этих двух режимов. Полагаю, что коммунизм должен быть оценен в контексте его истоков, по своим проявлениям и делам.

Существует фундаментальная разница между этими явлениями. Большевизм укоренен в европейской революционной традиции XVIII–XIX веков, якобинстве, в радикализме Великой французской революции, в идеях Просвещения о совершенном общественном устройстве.

Фашизм и, в частности, нацизм были крайне националистическими, открыто отвергали и проклинали Просвещение, поскольку их взгляд на человечество был расово-иерархическим. Он предполагал разрушение отдельных этнических групп, геноцид.

— Некоторые исследователи подчеркивают близость коммунистов исламскому фундаментализму.

— То, что было очень важно для ленинской революции в 1917-м, стало образчиком для различных бунтовщиков по всему Третьему миру. Революция может быть сделана «извне» или «снаружи» — с помощью сильной, но небольшой вооруженной группы — этот урок Октября усвоили многие. Как и то, что «диктатура пролетариата», как ее называл Ленин, может сохраниться с помощью уничтожения врагов, развязывания и раскручивания Гражданской войны, натравливания одних слоев общества на другие для укрепления власти меньшинства, чтобы подчинить большинство — это все то, что мы видим в практике революционеров, не только тех, кто хочет учинить именно социалистическую революцию. Террористическая революция — да, можно сказать, что Исламское государство показывает нам определенные параллели с большевизмом. Я не хочу обвинять Ленина в том, что он взрастил исламизм — это не так, но революционные стратегии большевиков и адептов ИГ — похожи. Гражданская война, поляризация общества, раздувание военных сил с целью сокрушить врага — это то, что мы наблюдаем в северных Сирии и Ираке.

— Какой период в истории коммунизма был наиболее опасен для человечества?

— Пожалуй, 1930-е, апогеем которых была ежовщина. Это было ужасно, это влияло, в первую очередь, на советских людей, но это обладало и международными последствиями. Сталинская государственная модель была за это ответственна, и позже, в 1940-е, это было экспортировано в Восточную Европу и ряд азиатских стран.

Хотя многие видят историю 1920-30-х годов как серию волн террора, не связанных между собой. Я не согласен с таким подходом, и полагаю, что все это было проявлениями одного феномена — сталинизма. Раскулачивание, депортация, коллективизация, искусственный Голод, насильственная индустриализация, репрессии против национальных меньшинств, Большой террор — все это стало частью одной политики — сталинской революции. Как следствие — создание общественного и политического ландшафта, находящегося в руках параноидального лидера. Ради безопасности — так, как он ее понимал — Сталин уничтожал целые слои общества.

— Какие наиболее солидные исторические работы на Западе последних лет проводят переоценку не террора, а внешней

политики коммунистических государств?

— К сожалению, в отличие от документов по террору, многие московские архивные материалы, касающиеся внешней политики Советского Союза, остаются закрытыми для исследователей. Тем не менее, следует упомянуть работу Джонатана Хаслама «Холодная война России: от Октябрьской революции до падения Берлинской стены», изданную шесть лет назад на английском языке. Эта книга основана на результатах гигантского архивного поиска, проведенного на нескольких континентах! Только что я был в Латинской Америке, в Чили, и даже там специалисты исследуют влияние Коминтерна на политику Чили, но, повторю, нам нужно открытие соответствующих российских хранилищ документов.

— Когда на Западе наблюдался период наибольшей романтизации коммунизма интеллектуалами, восхищения этим явлением?

— Пик этой идеализации пришелся на 1930-е, когда на Западе была Великая депрессия и ее последствия, многие американцы и европейцы видели только успехи СССР и не хотели обращать внимания на темные стороны, к которым стоило присмотреться повнимательнее. Левая интеллигенция считала, что СССР меньшее зло, чем капитализм. Некоторых возили по «потемкинским деревням» в умирающей от голода Украине, и они не замечали голода и избегали смотреть глубже. Но в более общем смысле романтизм в отношении советского эксперимента жил долго и умирал тяжело. Журналист Джон Рид со своей историей по-прежнему влияет на западное восприятие русской революции. На основании его книги «Десять дней, которые потрясли мир» был снят фильм «Красные», который прошел по ведущему американскому телеканалу и получил три «Оскара». Радио Би-Би-Си транслировало программу о русской революции по этой же книге. И это остается!

Это удивительно, как много левых интеллектуалов в Британии следуют этой традиции в XXI веке. Скажем, совсем свежая книга Тарика Али о Ленине в 1917-м — из той же оперы. Я думаю, не все по-настоящему хотят понять, что же на самом деле произошло в 1917-м. Ведь большевики тогда уже заложили основу государственной практики, которая стала обыденной при Сталине. Многие до сих пор думают об Октябре как о рывке к возможностям, освободительном движении. Им можно говорить: «Случилось то, произошло это, столько-то людей были убиты, замучены, разорены в результате большевистского правления...». Но они отвечают: «Да... Но Октябрь! Все могло развиваться и по-другому». Не в реальный социализм с его убожеством.

— Что больше всего завораживало их в советской практике?

— Во-первых, обещание идеала, в который они верили. И

сложно отказаться от обещанного, даже столкнувшись с реальностью и тяжелым опытом, который сталкивается с идеалом. К слову, это притягивало и советских интеллектуалов. Во-вторых, привлекало действие советской власти, насколько она была активной, все время что-то предпринимала, бунтовала против старой системы и ветхого миропорядка. Многие западные интеллектуалы идентифицировали себя с большевиками, поскольку видели, как те отвергали систему, в которой они жили. Таким образом третье, что тянуло к советской системе — недовольство Западом. Вернемся в 1960-70-е и взлету так называемой ревизионистской исторической школы в США, связанной с широким левым народным движением и пытавшейся объяснить большевистскую революцию как точно такое же движение полувековой давности. Это явление, наверное, было больше связано с университетской политикой в Америке, нежели чем с советской практикой. Историки-ревизионисты «пинали» университетскую систему в США, устраивали мятеж против влияния старого поколения историков — таких, как Ричард Пайпс или Адам Улам — так называемых «историков Холодной войны». Ревизионисты бунтовали не столько за СССР, сколько бились со своей собственной системой.

— *Есть ли разница в отношении интеллектуальных кругов к коммунизму в Америке и Европе?*

— Значительная. В Европе — большое разнообразие политического спектра: консерватизм, либерализм, социализм — причем последний в нескольких вариантах, включая вполне умеренный — социал-демократы в Германии, лейбористы в Британии. В Америке же быть социалистом — это находиться за пределами политического спектра, на стороне. Там власть более поляризована.

Поскольку в Европе длительное время коммунисты даже заседали в парламентах — особенно стоит вспомнить еврокоммунизм — то отношение к нему не такое острое, присутствует значительное понимание, в том числе потому что его практика была не далеко в географическом смысле. Европейские интеллектуалы ближе миру, в котором пребывали русские марксисты в XX веке. Политические взгляды респектабельных европейских левых ближе воззрениям большевиков, которые взяли власть в 1917-м, чем взгляды американских властей.

С географической близостью связана еще одна особенность — в Британии среди исследователей господствует здоровый эмпирический подход к изучению большевизма, в том числе революции. Такой трезвый взгляд защищает от моды на восхищение коммунизмом, что, как я уже отмечал, наблюдалось в американской университетской среде в 1970-х

годах. Тогда в США это было отчасти основано на идеях Мишеля Фуко.

— *Россия сейчас не полностью отреклась от коммунистической идеологии и юридически является правопреемником не РСФСР, а СССР. В какой степени внешнюю и внутреннюю политику путинских властей вообще можно сравнивать с советской, а в какой — с имперской практикой?*

— Путинщина смахивает на большой клубок разных идеологий и идей. Я бы назвал ее постмодернистской мешаниной из национализма, неосоветчины, русского империализма, даже идей Просвещения, неославянофильства и так далее. У него не столь идеологический посыл, сколько мысль сделать Россию великой и сильной в этом мире — так, как он это понимает. Это не система, у которой твердая идеологическая позиция, если иметь в виду старые идеологии XIX и XX веков. Это рефлексирование на уровне лексики о русской истории и географии. Несколько недель назад я был в Москве и посетил там исторический музей, так мы прервали гида, который вещал, представляя Ивана Грозного основателем русской демократии. Ведь он созвал Земский собор. Все, что было в русской истории, получает своеобразное оправдание. Линия величия проводится от Ивана Грозного к Петру, потом царю Николаю, Ленину, Сталину и потом сразу к Путину — как вершине русской истории. Это салат.

— *Каковы перспективы коммунистических как режимов, так и движений в XXI веке?*

— Сейчас Китай — социалистическое государство, управляемое компартией, как заявил ее последний съезд, прошедший на днях. Однопартийная система, какой бы она ни была. Есть режимы в Северной Корее, на Кубе, во Вьетнаме и Лаосе. Однако коммунизм, как мятежная сила, похоже, прекратил свое существование — в том смысле, в котором он опирался на европейскую революционную традицию XVIII–XIX веков. Да, коммунисты кое-где у власти, но идея пролетарского государства отошла в прошлое, почти ничего не осталось от того, что Маркс и Энгельс провозглашали 170 лет назад в своем «Манифесте», на основе которого нет и не предвидится ни одного государства.

Орландо Файджес — профессор Лондонского университета, один из ведущих исследователей большевистской революции. Его книга «Трагедия народа», посвященная захвату коммунистами власти, последующей Гражданской войне и голоду, впервые была издана в 1996 году на английском, получила пять литературных премий, опубликована также в России. Его второй мировой бестселлер — «Шепчущие: Частная жизнь в сталинской России» — появился на свет уже при Путине (2007), но так и не вышел в Москве. Вместо

того, чтобы исправить несколько погрешностей, которые были найдены в книге, издательство, купившее права на перевод и даже осуществившее его, отказалось от публикации всей работы, сорвав проект.

Из эмигрантской жизни. Случай Ирины Коверда

Девушка, о которой пойдет речь в этой публикации, носила известную фамилию Коверда. Ирина была сестрой Бориса Коверды (1907—1987), который знаменит тем, что застрелил советского полпреда Войкова. Но родство сыграло злую шутку: Ирина стала жертвой авантюристов.

Итак, 7 июня 1927 г. эмигрант Борис Коверда смертельно ранил представителя СССР в Польше Петра Войкова. Жертва была выбрана не случайно — имя убитого прочно ассоциировалось с участием в расстреле царской семьи и красным террором. После громкого судебного процесса Коверда стал одним из героев сопротивления большевизму. Уместно привести строки Бальмонта:

...И да запомнят все, в ком есть
Любовь к родимой, честь во взгляде,
Отмстили попорченную честь
Борцы Коверда и Конради.

Или вспомнить, что другой поэт — Марианна Колосова — назвала Коверду «русским рыцарем». В Русском Зарубежье печатали открытки с изображением Бориса^[1], ему собирали деньги^[2] Также энтузиасты предлагали помочь проживавшей в Вильно (теперь Вильнюс) семье осужденного. «У нас дома бывали такие периоды, что продавалось все, так как не на что было жить. Было время, когда только брат Борис нас содержал», — говорила Ирина на суде^[3].

В документах Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей (так называемый «Федоровский комитет») хранится дело Ирины Сафроновны Коверда. Оно небольшое, всего два листа. Один лист — копия свидетельства об окончании русской гимназии (лицея) Л. Пospelовой в Вильне. Из него следует, что Ирина родилась 10 января 1909 г., православная. В 1927 г. поступила в гимназию Пospelовой и через год решением педагогического совета была переведена в 8-й класс. На копии указано «Париж, 1 ноября 1928 г.». Составлено на французском языке^[4]. Ничего

удивительного, документы об образовании были нужны всем эмигрантам.

Но другой лист в деле Ирины гораздо интереснее. Это письмо, сообщающее об одном эпизоде из жизни семьи Коверды. Автор машинописного текста — некто М. Яковлев. О его жизни нам ничего неизвестно. Судя по многочисленным ошибкам в тексте, можно предположить, что он не получил систематического образования. Адресат письма — С.П. Мельгунов (1879—1956), известный историк, политический и общественный деятель. В документе упоминаются и другие политики Зарубежья: И.П. Алексинский (1871—1945), хирург, близкий генералу Врангелю и великому князю Николаю Николаевичу; А.Н. Крупенский (1861—1939), видный монархист; М.М. Федоров (1859 — 1949), глава комитета, помогавшего эмигрантской молодежи.

Следует отметить интересную деталь. Автор письма сравнивает афериста, взявшегося опекать Ирину Коверда, с «атаманом Дергачом». В работе П.Н. Базанова приводятся сведения об атамане с таким прозвищем, который в 1920-е годы был одним из лидеров антисоветских повстанцев Белоруссии, а позднее присоединился к известной организации Братство Русской Правды (БРП). Напомним, что БРП вело законспирированную работу в СССР, пыталось создать повстанческое движение. Летом-осенью 1928 г. в русской колонии Вильна разгорелся скандал: газета «Новая Россия» (издатель есаул М.И. Яковлев) обвинила местных братчиков во главе с «атаманом Дергачом» (В.В. Адамович) в растрате и содействии коммунистам в убийстве братчика Трайковича^[5].

Но почему Яковлев вдруг вспоминает виленские дела? Возможно потому, что автор письма и редактор «Новой России» — одно и то же лицо^[6]? Скорее всего, это соответствует действительности и необходимо сказать, что Бориса Коверду и есаула Яковлева связывали приятельские отношения. В конце жизни Коверда вспоминал, что получил пистолет и патроны для покушения именно от Яковлева^[7]. Возможно, что есаул хотел помочь сестре своего приятеля. А может с помощью парижских политиков, используя громкое имя «Коверда», хотел повлиять на разрешение конфликта с БРП?

К сожалению, сложные отношения в Русском Зарубежье не всегда отличались благородством и дальнейшую судьбу И.С. Коверда еще предстоит изучить исследователям.

Письмо хранится в архиве Дома Русского Зарубежья^[8]. Орфография и пунктуация оригинала сохранены. Например, в тексте встречается различное написание фамилии Коверда:

через «о» и — в белорусский традиции — через «а».
Сокращения в тексте раскрываются в угловых скобках.
Публикуется впервые.

Париж дня 21-го января 1929 года.

Милостивый Государь,

Господин Мельгунов!

Обращаюсь к Вам, как к русскому общественному деятелю, по нижеследующему вопросу. Как Вам наверное известно в Париже находится в настоящее время Ирина Каверда, сестра Бориса Каверды. В своем письме я коснусь некоторых интимных сторон жизни этой девушки, надеясь, что это останется между нами. После суда над Ковердой, некая М<ада>м Р. Вступила в переписку с Анной Антоновной Каверда и, выражая свое сочувствие и чувства симпатии и соболезнования, просила отпустить Ирину к ней в Париж, где Р. обещала помощь и содействие по устройству Ирины Каверды в Университете. Каверда приехала в Париж. Положение создалось такое, что Каверда должна была оставить дом Р. Причины, как мне передали, были следующие: Р. ведет широкий и свободный образ жизни и вместо науки начали даваться советы хорошо устроиться в жизни, ко всему этому нашелся с ухаживаниями богатый грек.

Уйдя от Р. девятнадцатилетняя девушка осталась без средств и совершенно одна в Париже. В настоящий момент Каверда живет у некой Госпожи Авенаиус. Это рекомендация г<осподи>на И. Алексинского. Тяжелым положением Каверды неприминули уже воспользоваться некоторые «эмигранты» и в том числе некто Мыслин. Я не буду передавать всей грязи, интриг и сватовства, вернее посредничества в этом деле и той роли Мыслина, будучи глубоко уверен, что заинтересовавшись этим делом Вы из первоисточника узнаете все гораздо подробнее и точнее. Не обошлось и без сборов пользу Каверды. По сведениям Г<оспо>жи Авенаиус Мыслин уже успел получить, выдавая себя за «опекуна» Каверды, от г<осподи>на Крупенского 300 фр<анков>.

Ко мне обратились за помощью. Несомненно я сделаю все, что в моих силах но здесь я свежий человек и притом в силу моей болезни я временно не выхожу из дома. Я решил обратиться к Вам, в надежде, что Вы имея связи в русских кругах поможете^[9] с своей стороны Ирине Каверда.

Сегодня я узнал о том, что существуют стипендии и это всецело зависит от г<осподи>на Федорова. В настоящий момент Каверда живет на рю Труа-Порт 14 Пар<иж> 5^[10].

Хотя это и не тема моего письма, но всеже скажу несколько слов о Мыслине. Это ценное приобретение, которое протезирует г.

Алексинский <—> Дергач № 2. В Вильне он также занимался «сборами» в казну^[11], был опекун Трайковича и разорил мальчика, а

затем выслан из Вильно за связь с агентом Г.П.У. неким Л. О чем сообщалось в польской и русской прессе.

В настоящем я считаю положение таковым, или нужна немедленная и постоянная помощь, или девушку надо отправить обратно домой.

Примите уверения в совершенном к Вам уважении Подпись М. Яковлев.

-
1. См., напр.: В Польше // Последние новости № 2325. 04.08.1927. С. 1.
 2. Вовк А.Ю. 14 пожеланий Борису Коверде [Электронный ресурс] <http://beloedelo.ru/researches/article/?455>.
 3. Русская эмиграция в борьбе с большевизмом / сост. С.В. Волков. М., 2005. С. 231.
 4. АДРЗ. Ф. 13, оп. 2, ед.хр. 3915. Л. 2.
 5. Базанов П.Н. Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья. М., 2013. С. 167, 168.
 6. Яковлев Михаил Ильич (?—1941), штабс-капитан артиллерии, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир Волчанского отряда (сент. — окт. 1919). Летом 1920 г. командир бригады в польской армии и в 3-й Русской армии, заместитель Булак-Балаховича по Русской Народной армии. Есаул. В эмиграции в Литве и Польше, издатель газеты «Новая Россия». В 1939 г. участник обороны Варшавы в отряде Булак-Балаховича. Арестован немцами в 1940 г., погиб в Аушвице.
 7. Коверда Б.С. Покушение на полпреда Войкова 7 июня 1927 г. // Часовой № 647 (1), январь — февраль 1984. С. 13-14.
 8. АДРЗ. Ф. 13, оп. 2, ед.хр. 3915. Л. 1.
 9. Так в тексте.
 10. Имеется в виду Пятый округ Парижа.
 11. Так называемая «Особая казна Великого Князя Николая Николаевича», сборы в которую проводились в Зарубежье для работы против большевиков.

Тадеуш Сухарский

Воспитанный в свободе «От стен, ограничений и предрассудков», или русский опыт Бронислава Млынарского

1.

Бронислав Млынарский всё еще остается автором неизвестным не только русскому читателю (что понятно), но и польскому (что понять уже трудно). Выход в Польше в 2010 году его единственной книги «В советском плену», опубликованной в эмиграции тридцатью пятью годами ранее, принципиальным образом не повысил его уровень в читательском сознании и не изменил его «позиции» в истории литературы польского военно-оккупационного опыта. В отличие от заграницы, выход этой книги на родине автора практически не вызвал отклика, тогда как польская эмиграция приняла книгу Млынарского почти восторженно, что доказывают тексты близких ему по «катынскому» опыту Юзефа Чапского и Станислава Свяневича. Чапский предварил воспоминания предисловием, а Свяневич опубликовал в выходящем в Париже историческом журнале «Зешиты хисторычне» их важный, хоть и относительно краткий, обзор.

Оценивая весомость книги Млынарского, Чапский подчеркивал, что она «взвешенна, более предметна, нежели эмоциональна», акцентировал ее важность не только для поляков, обращал внимание на ее значение и для иностранцев, менее заинтересованных «польскими делами», но осознающих значение «мирового коммунизма»^[1] и исходящей от него угрозы для свободного мира. Слова Чапского написаны в 1974 году, почти через тридцать лет после окончания войны, но еще в период продолжения упорной борьбы польской эмиграции за максимально полное документирование и осуждение катынского преступления. С тезисом автора «Старобельских воспоминаний» полемизировать не подобает, ведь Млынарский был одним из 78 (либо 79, как утверждает Чапский в «Старобельских воспоминаниях») пленных, избежавших харьковской казни, который, что невероятно важно, по поручению майора Залеского, какое-то время выполнявшего неформальные функции польского «коменданта» лагеря, вел список пленных, «учетный экземпляр», содержащий более четырех тысяч фамилий^[2]. Его книга стала вторым после труда Чапского, значительно более обширным, чем эта книга эпитафий, фундаментальным документом повседневной жизни польских военнопленных в лагере. Лишь вскоре после этого, в 1976 году, вышла фундаментальная книга Станислава Свяневича, узника козельского лагеря, который из уцелевших военнопленных оказался дальше всех, на станции Гнездово в 3 километрах от места казни в Катыни, и в последний момент избежал

расстрела. Поэтому автор «Старобельских воспоминаний» справедливо обращал внимание на «незаменимый новый вклад и свидетельство»^[3], а может быть, даже ключевое доказательство сталинского преступления в книге Млынарского.

Ни в коем случае не отрицая документарной ценности произведения Млынарского, следует все же помнить, что почти сразу после прибытия к месту формирования Польской армии в Тоцком он дал польским военным властям «подробный отчет» о заключении в лагере, позволявший, что самое главное, достаточно точно определить время преступления, а значит, и указать на преступников. Фрагменты этого доклада Юзеф Мацкевич приводил в фундаментальном труде «Катынское преступление в свете документов» и подчеркивал «почти решающий» вес этого документа «для последующего выяснения дела»^[4].

Отчет о лагере Млынарский сделал в ноябре 1941 года, над книгой он работал до конца жизни, так и не закончив ее. Он умер в Калифорнии в 1971 году. Публикация стала возможной благодаря стараниям племянницы автора, Евы Рубинштейн. Намерением автора было рассказать историю, свою и ближайших товарищей по несчастью, с начала войны и до создания армии генерала Андерса после чуда т.н. «амнистии». Значит, рассказ должен был охватить описание сентябрьских боев, неожиданную встречу с советской армией и связанную с этим удивительную надежду на помощь с ее стороны, болезненное и драматичное разочарование после пленения и, наконец, самую обширную часть: лагерные будни в Старобельске, Павлищевом Боре и Грязовце. Очередные акты этой польской драмы Млынарский прерывал интерлюдиями, тематически удаленными от текущих дел, занимавших польских пленников. Однако он не довел своих воспоминаний даже до времени расформирования старобельского лагеря, хотя описание этого процесса мы находим в книге «В советском плену». Ее автором, однако, по предположению Чапского, является Витольд Кончковский, также чудом избежавший казни. Витольд Кончковский в течение всего времени пребывания в трех упомянутых лагерях, особенно в Грязовце, был одним из ближайших товарищей Млынарского и Чапского, поэтому можно предположить, что Кончковский дополнил воспоминания друга недостающими событиями. Однако, если принять во внимание, что умер он в 1970 году, то есть на год раньше Млынарского, мы должны признать правоту автора «Старобельских воспоминаний», который считал, что «Млынарский пригласил друга к сотрудничеству над своей

более широко запланированной книгой».

Итак, тридцать лет заняло у Млынарского написание воспоминаний, тридцать лет, посвященных всё же, кажется, не столько воссозданию и упорядочению событий, сколько поиску адекватной им литературной формы. Ведь его книга — это не только обычный отчет, не только документ, да и не только одно из доказательств в обвинительном акте. Это литературное произведение. Млынарский писал эту книгу, уже прекрасно зная важнейшие достижения польской литературы о советском опыте, прежде всего, «Старобельские воспоминания», единственную к тому времени публикацию на тему жизни в лагерях для интернированных польских офицеров, чья судьба стала и его судьбой. Но он также познакомился с произведениями, посвященными лагерям и депортациям, определенно, знал о дискуссиях и полемике, сосредоточенной вокруг формулы представления советского опыта. Так что, он искал свою идиому, свою формулу повествования. Он вполне понял предостережение Густава Херлинга-Грудзинского перед легким использованием «воспоминания о несправедливости». Воспринял он и предложение, чтобы «массу» несправедливости «прожечь мудрым и чутким взглядом художника», благодаря чему может появиться «долговечный памятник, достойный этой молчаливой борьбы с русской бездной и нашего участия в ней»^[5].

Возможно, было бы трудно назвать памятником книгу «В советском плену», хотя в ней есть страницы, которые навсегда останутся в литературе о польском опыте советского «дома неволи», не только из-за бесценного документарного значения. Поэтому для современного читателя рекомендации Чапского, определенно, становятся не только недостаточными, но, возможно, и обескураживающими. В Чапском-авторе предисловия, необыкновенно чувствительном именно к эстетическим ценностям, проявилась, скорее, струна документалиста, заглушающая восприятие иных ценностей книги. А оценить в ней нужно, ни в коем случае не подвергая сомнению ее принципиальное фактографическое значение, важное художественное произведение, явно выделяющееся своим литературным уровнем среди многочисленных воспоминаний о «доме неволи». Не было бы преувеличением даже признать его произведением художественно равным, если не лучшим, по сравнению со «Старобельскими воспоминаниями», написанными в спешке, как бы *pro publico bono*, продиктованными императивом предоставить немедленное свидетельство. Но книге Млынарского пока еще далеко до позиции в истории литературы, которую занимают

воспоминания Чапского. Главной причиной ее отсутствия в сознании более широкого круга читателей кажется неудачное время публикации обоих изданий; в эмиграции оценили, прежде всего, внехудожественные аспекты книги Млынарского, о чем свидетельствуют упомянутые тексты Чапского и Свяневича. В то же время, польское издание 2010 года, через тридцать пять лет после эмигрантской публикации, появилось уже во время снижения интереса к литературе о польском опыте советского «дома неволи». Документ перестал вызывать эмоции, а художественности не заметили. Пришло уже время, особенно с учетом обнародования многих «катынских» документов, чтобы по-другому прочесть воспоминания Млынарского.

Прежде всего, следует обратить внимание на ее особую атмосферу, которую, будто бы мимоходом, отметил Чапский, характеризуя удивительную позицию своего друга по старобельскому лагерю, проявившуюся и в упомянутой книге. Автор предисловия настойчиво подчеркивал, что автор «был одним из немногих, кто с первой минуты плена умел сохранять не только уравновешенность, но и формы, стиль мира, к которому принадлежал, стиль очень польский и европейский одновременно». Европейец *par excellence*, Чапский такими словами не разбрасывался. Итак, в книге Млынарского преобладают этот стиль и эта уравновешенность, создавая вокруг описываемых событий особую ауру. Польскость автора, осознание многовекового польско-российского конфликта, а прежде всего, чувство несправедливости и страдания, хоть и многократно подчеркиваемые, не становятся призмой, через которую Млынарский смотрит на советскую действительность. Автор принимает скорее общечеловеческие, нежели польские, критерии, в чем ему, без сомнения, помогло пребывание в разных странах Европы, в том числе и в России, усвоение других культур. Этот позитивный «космополитизм», подтвержденный многочисленными визами в паспорте, отличавший его даже среди других польских (и одновременно очень европейских) пленников, позволил преодолеть порог идиосинкразии даже в столь драматичной ситуации.

Чапский, которого Млынарский прекрасно увековечил в своей книге, с удивлением отметил, что «Бронек никогда [ему] не рассказывал об этих переживаниях, [...] так живо и предметно описанных»^[6]. Поэтому он был убежден, что товарищ по лагерю как бы «вычеркнул» их из памяти. Действительно, Млынарский, стараясь выработать собственную идиому, почти не упоминал об упорной работе над книгой, но цели своей достиг. Его стиль, литературный, но свободный от манерности,

отличен от «душевного реализма» «Старобельских воспоминаний». Особенно заметно эта тонкая литературность проявляется при сопоставлении глав, написанных Млынарским, с вставленными в книгу двумя фрагментами, созданными Кончковским. Рассказ основного автора, что следует подчеркнуть, значительно отличается от отчета, сделанного его другом. Отличается не только языком, но и темами. Описывая лагерные будни, Млынарский в этих фрагментах обращал внимание на явления, пространства действительности, которые обычно исчезали из кругозора интересов польского пленного. Прекрасная глава о собаках в лагере, определенно, «излишняя» с документарной или фактографической точки зрения, не может не ассоциироваться с фрагментом «Записок из Мертвого дома» Достоевского, хотя нельзя забывать, что о зверском убийстве собаки энкаведешниками писал и Чапский в «Старобельских воспоминаниях». Но Млынарский, может быть, как раз по примеру «хроникера» царского Мертвого дома, посвящает собакам целую главу своей книги, тогда как у Чапского эта история появляется как бы мимоходом. А родство с произведением Достоевского, очевидно, не случайное, отлично свидетельствует о творческих намерениях Млынарского, выходящих далеко за пределы мемуарно-хроникерских, документарных амбиций.

Млынарский был прирожденным художником, он происходил из семьи, одаренной художественными генами, жил и вращался среди великих творцов. Однако сам он остался, как может показаться, несостоявшимся художником, хотя, конечно, мечтал о творческой карьере. Это однозначно доказывает «дорогое» воспоминание, выросшее почти до уровня мифа, об еще детском участии в концерте Сергея Рахманинова и кратком разговоре с ним. Млынарский приводит его в книге как один из аргументов (эффективный!) в «диалектической» борьбе с допрашивавшим его следователем^[7]. По версии автора «Советского плена», эта встреча протекала следующим образом: композитор «усадил меня на свои костлявые колени и спросил, беру ли я уроки фортепиано и хочу ли хорошо играть. «Я хочу играть так, как вы» — ответил я ему. Он поцеловал меня» (208). Мечты семилетнего мальчика не сбылись, но любовь к музыке, стремление к творческой деятельности существенным образом формировали духовный мир Млынарского. Высокий административный пост в межвоенной Польше, коммерческие успехи в послевоенной эмиграции в Калифорнии всё же, кажется, не удовлетворяли его амбиции. Так что книгой о советском плене он не только вписался в атмосферу

артистической семьи, но и значительно расширил ее наследие. Отец, Эмиль, был выдающимся музыкантом, дирижером и композитором; зять, Артур Рубинштейн — один из величайших пианистов-виртуозов XX века; «приемный» брат, Павел Коханьский, скрипач-виртуоз, гениальный исполнитель музыки Шимановского. Но даже это поражающее богатством родство и свойство не исчерпывает круга артистов, среди которых он вращался. Уже в американской эмиграции Млынарский женился на Дорис Кеньон, американской актрисе, звезде немого кино, которая была партнершей Рудольфа Валентино в фильме «Месье Бокэр». Поэтому искусство выглядело естественным «жизненным пространством» Млынарского. Однако главную роль он всегда отводил музыке как универсальному искусству, говорящему со всеми на одном языке, создающему атмосферу терпимости и уважения к человеку.

2.

Такая атмосфера царила в родительском доме будущего автора «Советского плена», в этой обстановке юный Бронек прожил свое детство и отрочество. Эту атмосферу формировал, прежде всего, отец, которому стоит уделить несколько больше внимания. Ведь его жизнь, его позиция многое говорит о польско-русских взаимоотношениях, о польском отношении к русской культуре на рубеже XIX и XX веков. А также о постоянстве позиций. Ведь «от отца к сыну» переходит по наследству не только обязанность бороться, но и искусство терпимости по отношению к Другому. Эмиль Млынарский был одним из самых значительных польских музыкантов конца XIX-начала XX века, хотя прославился, в первую очередь, как вдохновитель музыкальной жизни на польских землях. Он был одним из основателей Варшавской филармонии, в которой проявлял себя в качестве дирижера, но также имел успех как скрипач и композитор. До этого он окончил консерваторию в Петербурге, куда поступил в девять лет. В консерватории он встретился с крупнейшими в то время русскими музыкантами. Он был учеником Леопольда Ауэра, Николая Римского-Корсакова, сын добавлял к ним и Петра Чайковского. А в числе друзей отца Бронислав упоминал Александра Глазунова, Александра Скрябина, Анатолия Лядова (208). В Одессе Эмиль Млынарский познакомился с гением маленького еврейского скрипача Павлика Кагана, принял его в руководимую им школу, почти «усыновил» и помог прославиться как виртуозу скрипки под именем Павла Коханьского, которое сам ему предложил. Многолетнее пребывание Эмиля Млынарского в России, в том числе десять лет жизни в Петербурге, склонило автора посвященной ему монографии к постановке смелого вопроса:

«Дала ли ему вынесенная из дому польская традиция достаточную степень устойчивости к воздействию продвигаемых в конце XIX века идей интеграции поляков с русским обществом?». Однозначного ответа Эльжбета Щепаньская-Ланге не дает, однако она готова видеть в Млынарском «продукт русской культуры». Такому «статусу», по ее мнению, способствовала и многолетняя учеба, и «участие в музыкальной жизни Петербурга», и «воздействие музыкантов такого уровня, как Рубинштейн, Ауэр, Чайковский, Лядов». Монографист подчеркивает, что Эмиль Млынарский «осознавал» это и «охотно» в этом признавался. Результатом близости к русской культуре стало «глубокое понимание и чувство стиля, например, симфоний Чайковского»^[8]. Кажется, однако, что здесь трудно судить об идентификации, скорее, следует говорить о несомненном увлечении русской культурой, которое прекрасно свидетельствует о выходе за пределы послеянварского^[9] отвращения ко «всему, что русское». Эмиль Млынарский был из поколения Станислава Бжозовского, поэтому ему удалось, как и большинству творческих личностей этого поколения, увидеть в русской культуре универсальные ценности. И не поддаться русификации, ставшей уделом Дмитрия Шостаковича, внука январского повстанца Болеслава Шостаковича, сибирского ссыльного, участника Забайкальского восстания 1866 года^[10]. По возвращении на польские земли, хотя и в границах того же государства, Млынарский оставался в хороших отношениях с русскими властями, варшавским генерал-губернатором Александром Имеретинским, а особенно с его заместителем Алексеем Оболенским. Это, конечно, облегчило ему получение должности дирижера в варшавском Большом театре, а также позволило в 1901 году создать Варшавскую филармонию, в которой он стал первым директором. Однако не уберегло от весьма критических и «патриотичных» замечаний многих выдающихся польских музыкантов того времени, прежде всего, Мечислава Карловича, Гжегожа Фительберга, а также Кароля Шимановского. Но, как подчеркивает монографист, Эмиль Млынарский «действовал исключительно в интересах польского искусства», хотя его действия не всегда встречали ожидаемую оценку, что, несомненно, вызывало у него разочарование. Здесь стоит привести мнение Эвы Бандровской-Турской из ее воспоминаний о создателе Филармонии. Так, знаменитая певица отметила, что «единственной слабостью» Млынарского был страх перед «хамством и злобой. Перед ними он был абсолютно беззащитен и это, в конце концов, изгнало его из Варшавы и из страны»^[11]. Эти слова, столь близкие

приведенному выше мнению Чапского, прекрасно характеризуют и его сына Бронислава.

Добрые отношения Эмиля Млынарского с русскими, главным образом, с музыкантами, основанные, как утверждал его сын, на прочном фундаменте «королевы искусств, свободной от всех возведенных людьми стен, ограничений и предрассудков» (209), выдержали испытание времени и общественных укладов. Польский музыкант в качестве члена жюри первого шопеновского конкурса 1927 года уже в независимой Польше принимал в своей варшавской квартире, в здании Большого театра, победителя конкурса Льва Оборина, а также лауреатов этого конкурса: Дмитрия Шостаковича и Григория Гинзбурга. Согласие на эту встречу «в порядке абсолютного исключения» выразило руководство советского посольства. Два вечера, «во время которых эти юноши, чувствуя себя как дома, с энтузиазмом музицировали целыми часами», а «Шостакович, кипевший темпераментом и блеском гения, сыграл свою новую сонату в сопровождении Гинзбурга» (209), не только навсегда запечатлелись в памяти почти тридцатилетнего тогда Бронислава, но и укрепили сердечное отношение к русским, которых он узнал до этого за четыре года, проведенных в Москве во время войны.

Ведь юный Млынарский вместе со всей семьей попал в Россию как беженец еще в 1914 году. В Москве он окончил Коммерческое училище Зыбина, получив аттестат зрелости в 1917 году. Незадолго до большевистского переворота он приступил к учебе в московском университете, где подружился со многими русскими. А в музыкальном салоне родителей он знакомился с крупнейшими тогдашними знаменитостями из мира искусства, хотя, конечно, не с такими великими (с сегодняшней точки зрения), как Рахманинов. В книге воспоминаний он рассказал об одном из визитов Александра Глазунова, который был у родителей частым гостем. Так, директор петербургской консерватории, услышав однажды фортепианные импровизации Бронислава, дал ему несколько ценных советов и сам «с невероятным и незабываемым шармом» сыграл несколько вальсов во главе с «Голубым Дунаем» (208–209). Воспоминание об этих встречах стало для Млынарского не только эффективным противовесом к грубому хамству *допроса* в стенах оскверненного монастыря, но и позволило «разоружить» допрашивавшего его энкаведешника^[12]. Так он, даже в мрачном кабинете НКВД, убеждался в силе и действенности музыки, которую он рассматривал как искусство, воспитывающее свободу и терпимость. А это убеждение он вынес именно из встреч с русскими артистами, посещавшими салон его отца. Все вместе,

они творили принципиально иной характер польско-русских отношений, свободных от предрассудков и неприязни. Национальные стереотипы и этнические предубеждения исчезали за универсальным языком искусства. Вот так духовно «оснащенный», спустя более двадцати лет после выезда из России, Млынарский попал в Советский Союз в качестве военнопленного, солдата *«бывшей армии бывшей Польши»*. Унизительная неволя должна была стать проверкой на прочность его позиции, убеждений, сформированных в диаметрально иную историческую эпоху.

3.
Ведя повествование в духе классических воспоминаний, Млынарский, в соответствии с историческим порядком, восстанавливает перипетии судьбы, как собственной, так и большой группы офицеров, «пропавших» где-то на Волыни в хаосе сентября 1939 г. Правда, вспоминая битвы и столкновения, в которых он принимал участие как мобилизованный офицер запаса, он всё же больше старается передать тогдашнее сознание поляков, уловить духовное состояние, присущее ему и его товарищам. В рассказе о драматических и хаотичных днях Сентября автор избегает политических рефлексий, хотя и не скрывает всеобщего разочарования позицией властей Второй Речи Посполитой, покинувших страну, несмотря на все еще продолжавшуюся оборонительную войну. Так, Млынарский показывает сознание поручика запаса, лишённого вестей с других фронтов, растерянного из-за беспорядочного отступления, игнорируемого своими столь же дезориентированными командирами, просто одуревшего от меняющихся приказов. В большой мере предоставленный самому себе и разрывавшийся между стремлением к борьбе и осознанием ее бессмысленности, он поддается иррациональным мыслям о спасении. Поэтому, описывая пути отступления и кружившие слухи о наступающей Красной Армии, Млынарский признался, что «[ему] и в голову не приходили сомнения по поводу иных, нежели мирные, намерений со стороны восточного соседа Польши» (32). Описание ожиданий, связанных у польских солдат в этих воспоминаниях с Красной Армией, трогает, но и поражает. Ведь автор «Советского плена» подчеркивает и надежду, и наивность, и растерянность польских солдат у советской границы. Его рассказ, с одной стороны, наглядно показывает обусловленные беспомощностью иллюзии польских солдат, а с другой, доказывает отсутствие каких-либо предубеждений в отношении восточного соседа. Сегодня может

удивлять факт, что Млынарский был подвержен таким фантазиям, будто не помнил о сложных польско-советских отношениях до сентября 1939 года, невзирая на пакт о ненападении, подписанный в 1932 году. Однако эти сомнения исчезают, если включить добросовестные воспоминания автора «Советского плена» в более широкий контекст, несомненно, поразительной, но переданной достоверным свидетелем эпохи, «нараставшей в Польше волны прорусских симпатий» в недели перед началом Второй мировой войны. Станислав Свяневич в книге «В тени Катыни» напоминает, что большинство тогдашних поляков, которые [...] должны были знать прошлое Польши и знать историю разделов», «на замечание, что, в случае войны с немцами, Советы могут на нас напасть», отвечали: «Россия большая, и никаких дополнительных территорий ей не нужно»^[13]. И добавляет, что «все, казалось, ожидали советской помощи в случае войны с Германией»^[14]. Впрочем, на похожие настроения польских солдат, затерянных на восточных землях Второй РП в середине Сентября, указывал Чапский в «Старобельских воспоминаниях». Не скрывая изумления, вполне мотивированного последующими событиями, он говорит: «сегодня кажется дикой слепотой, что мы сразу же не уяснили, что было нужно советским войскам»^[15].

Однако Млынарский, реконструируя ожидания и представления польских солдат, старается быть совершенно объективным. Он подчеркивает, что «истинная роль советских войск на польских землях была мрачной неизвестностью» (55). Так что, он вспоминает как «слепых энтузиастов», так и «пессимистов, погруженных в полное сомнение» (51). Но пессимизм, несмотря на всё новые доказательства, обосновывавшие правильность самых худших прогнозов, бывал обычно умеренным. Энтузиастов укрепляли слухи о «братании» польского и советского оружия, в чем им, забывшим о совсем недавней истории, хотелось видеть «мужественный, прекрасный жест» (62). Ожидание советской помощи даже Млынарский объясняет (что доказывает степень его прострации) чувством племенной общности, славянским братством, которое перед лицом германского врага позабудет многочисленные конфликты и окажется сильнее, чем многовековые внутренние славянские споры, чем различия в общественном укладе последних лет. Лишь кровавая засада красноармейцев на польский разведывательный отряд и жестокое убийство солдат заставили его с горечью констатировать захватнические советские планы по отношению к Польше. Итог этим надеждам Млынарский

подводит употреблявшейся тогда повсюду формулой о «коварном ударе в спину, нанесенном [...] гигантом с востока» (65). В этих словах он пытается олицетворить боль разочарования «племенным» предательством, допущенным «братом-славянином», который «сегодня срывает маску и показывает враждебное, ненавистное лицо» (72). Но это, собственно, единственные во всем повествовании слова враждебности по отношению к русским как к народу, что не означает, будто их не найдется для советских аппаратчиков. Выстрелы первой «огневой» встречи с красноармейцами напомнили Млынарскому события поздней осени 1917 года, когда в его московскую комнату влетела шальная пуля уличных боев во время большевистского переворота. Эти пули стягивают, словно скобой, советский, но не русский опыт автора. В таком представлении Советский Союз вырастает в воспоминаниях Млынарского до фигуры врага, синонима агрессии, тогда как Россия неизменно связана лишь с искусством, с музыкой. И следовательно, с «духом романса и любви», с нотой печали, в которой отразился «подлинный образ народа». «Сила вкуса» не позволяет влюбленному в русское искусство автору «Советского плена» принять перемены, которые внесла в музыку послереволюционная эстетика. В соответствии с «духом истинных Советов», признавших прежнее искусство «бездонной и смердящей навозной ямой царской России» (217), в новых песнях исчезает, как подчеркивает Млынарский, «русская» печаль, а прекрасную музыку уничтожает текст, раздражающий назойливой пропагандой.

4.

Оценивая, в первую очередь, документарный характер книги Млынарского, Свяневич сумел также заметить и оценить его искусство «изобразить советскую действительность так, как он видел ее с точки зрения лагеря и контактов с советскими рабочими»^[16]. С таким мнением трудно не согласиться. Ведь наиболее совершенными выглядят те фрагменты книги, в которых, как бы сдерживая потребность прокричать о польской судьбе, абстрагируясь от лагерных реалий, автор «Советского плена» выводит на первый план русских. Прекрасное знание русского языка позволяло ему свободно, насколько это вообще было возможно в том мире, разговаривать с жителями СССР. И записи этих разговоров имеют абсолютно фундаментальное значение для книги. Итак, Млынарский показывает совершенно разных русских, повстречавшихся ему по пути в лагерь и в самом лагере: от старушек, не только помнящих царские времена, но и бессознательно отдающих дань атавистически русскому, потрясшему Достоевского, обычаю

уважения к страданиям узников, «несчастливых», до советских подростков, высмеивающих и оскорбляющих «польских панов», оказавшихся в плену. Именно эти оскорбления, «изрыгаемые устами [...] молодых, но уже изувеченных современной советской школой» (110), больше всего огорчают Млынарского, он ощущает их, как жалящие уколы. Таким образом, он очерчивает полный спектр позиций, помещая на одном из полюсов душевность, а на другом «наведенную злобу», между которыми отмечает и «обычное любопытство», и «рефлексы сочувствия», и даже ощущение стыда за власть (161). В позиции обычно скрываемого понимания и тайной доброжелательности автор домысливал влияние памяти о близких, приговоренных в качестве «врагов народа» либо «врагов революции». В словах Млынарского, в его рефлексии, лишенной даже крупинки высокомерия и чувства превосходства над замороженным пропагандой «населением», содержится глубокое сочувствие к судьбе этих людей, полностью отрезанных от мира и обреченных на пропаганду. Ведь для автора важно было, и он это действительно подчеркивал, показать «мученичество миллионов, миллионов, отданных на милость и немилость советской машины» (181). Поэтому картинам невероятного разрушения России, невообразимой материальной нищеты, «бедности вечной, безнадежной» (115) сопутствует попытка понять удивительные реакции русских, даже оправдать их жажду вещей, что никак не означает согласия с «унизительным грабежом» (73) часов, колец, перстней. Такое отношение, что заметно подчеркивает автор «Советского плена», проявляли, однако, лишь представители государственного аппарата. Зрелище царящей повсюду жажды вещей порождает размышления над непроизводительной советской экономикой, над ужасающим уровнем сельского хозяйства, над расточительностью и бессмысленностью распределения. Источники этих явлений Млынарский усматривает в господствующем ощущении «ничейности», «бесхозности» или, наконец, отлично названном «эпидемическом безразличии ко всему, что когда-то было своим» (99).

Впечатления от встречи с русскими Млынарский как бы расписывает на несколько голосов. Однако высказываются те, кто прекрасно говорит по-русски, кто знал Россию прежде и кому есть с чем сравнивать. Так, автор «Советского плена» предоставляет слово верящему в русских поляку, названному «возвышенным поэтом», но также и «холодному реалисту». Первого из них укрепляет в этой вере отношение «братьев-славян» при разговорах с польскими пленными. Несмотря на продолжающееся двадцать лет систематическое

«затуманивание мозга, остужение сердца при виде несчастья ближнего», искоренение «всего, что воспринимает человеческая чуткость», в русских осталось «еще немного доброжелательности и понимания беды и печали» (106). Однако самым обнадеживающим было то, что такое отношение поляк увидел не только у стариков, «у которых есть еще хоть какая-то мера для сравнения», но также, хотя и в намного меньшей степени, у молодых, подвергшихся сильнейшей индоктринации. Его сердце особенно взволновало прохладное отношение русских к своим соотечественникам в форме, «великолепным победителям, отмерявшим побежденному положенную кару». В то же время, вид энкаведешников вызывал в них чувства страха и ненависти, «как перед настоящим врагом». Размышления о современной России этот «возвышенный поэт» закончил словами, полными надежды, может быть, слегка сдержанной: «Это удивительная страна, и в ней еще будут происходить удивительные вещи...» (106). Всё это высказывание не только напоминает слова Чапского из эссе «Человек в СССР», но оказывается почти созвучным с убеждениями автора «Старобельских воспоминаний».

Млынарский, однако, контрапунктирует его комментарием «холодного реалиста», может быть, немного сомневающегося в искренности проявлений доброты, но более осознающего силу власти, способной эффективно ограничивать любые человеческие рефлексy. Над этими высказываниями, однако, возвышаются слова самого Млынарского, которого бедная русская старушка одарила 80 копейками и сердечным благословением. Эта милостыня «от доброты, от жалости, от сердца», поданная «бедняку бедняком» (106), вызвала в нем искреннейшие слезы умиления и благодарности. А старушка, напоминающая солженицынскую Матрёну, вырастает в представлении писателя почти до персонификации прекрасной, истинной и уничтожаемой России.

В русской «галерее» Млынарского особое значение следует придать портретам тех, кто служит Советской власти. Автор «Советского плена» присматривается к встретившимся на его пути функционерам и пытается их понять. Первую группу составляли «немые» советские солдаты, напуганные войной, напуганные ситуацией конвоирования «польских панов», опасавшиеся, чтобы на них не пали никакие последствия встречи с «врагами». Этим испугом объясняет Млынарский сухость, нежелание контакта с поляками, прикрываемое достаточно неуклюжей свирепостью. Причины такого поведения автор находит в настойчивом воспитании жителей в ненависти к несоветскому миру и его обитателям. Важно еще то, что он предпринимает усилия, чтобы различать «многочисленные нации, расы и племена, населяющие

Советский Союз», не включает всех в *stricte* польскую категорию «русаков», отказавшись от этого псевдоэтнонима вообще. Тем самым он как бы «освобождает» русских от национальной ответственности за агрессию, противопоставляет страну — народу, словно возвращаясь к романтической концепции двух России.

Еще одну группу функционеров, с которой встретился Млынарский, составляли энкаведешники, поначалу пытавшиеся вызвать у польских пленнх симпатию, охотно отвечавшие на все вопросы, старавшиеся успокаивать их при помощи «попугайского припева»: «не беспокойтесь, мы вас обеспечим», «у нас всего много!» (92). Позже, однако, они выказали свое солдафонское обличье аппаратчиков, за которым нелегко было разглядеть человека. Автор «Советского плена», что может удивить, подчеркивает доброжелательность поляков не только к советским солдатам, но и к энкаведешникам. Быть может, она объяснялась положением пленного, который стремился позитивно настроить к себе функционеров, хотя авторы других произведений очень редко указывают на такое отношение. Поэтому в этой стратегии, наверное, следует усматривать некий вид «познавательно-социализационных» усилий автора. Ведь они сопровождались стремлением не только понять советский менталитет, но и вырвать жертву из когтей советизации. И в воспоминаниях Млынарского мы без труда находим положительные результаты общения поляков с такими русскими (с точки зрения индоктринеров — «позорного братания»). Правда, он говорит о бессознательном процессе попадания русских под влияние «пленной массы», но это «преображение» было возможно благодаря последовательно «человеческому» отношению к ним. Такая позиция, несомненно, сближает Млынарского со Станиславом Винценцем^[17], который посредством задушевного сократовского диалога с советскими функционерами пытался высвободить, воскресить в них человека. Однако Млынарский, что, без сомнений, отличает его от автора «Диалогов с Советами», был не в состоянии «беседовать с человеком, окончательно отравленным советским шовинизмом» (137). Даже когда высказывания его собеседника выглядели вполне искренними. Ведь шовинизм был абсолютно чужд человеку, сформировавшемуся в духе толерантности к иному.

5.

В описании момента пересечения польско-советской границы в качестве военнопленного Млынарский поделился размышлениями над проблемой незнания новой России за пределами Советского Союза. Его мысль, в основном, вращалась

вокруг непознаваемости или просто невозможности познания этой действительности. Отсюда, по его убеждению, в бесчисленных польских и западных трудах на советскую тему выявляется необыкновенное расхождение образов и оценок «от пурпура кровавого террора до благостно-идиллических оттенков утопии» (84). Однако, по его оценке, значительное большинство этих работ «искривляли путь познания» для западного читателя. Млынарский, тем не менее, не обрушивается с нападками на смельчаков, предпринимавших попытки описать эту действительность. Он уверяет, что в результате достойной восхищения эффективности власти в процессе обособления и отделения т.н. Страны Советов, объективное отображение советской России было задачей невыполнимой в принципе. Так, попытку описания советской действительности он сравнивает с ситуацией разглядывания «через замочную скважину туловища колосса в каменном каземате». Польским узникам советского мира был предоставлен значительно более широкий обзор, но лишь потому, что им предстояло остаться в этом мире навсегда. Однако в этом случае машина «совершенного государства»^[18] как определял сталинскую Россию Милош, дала сбой. Более ста тысяч обреченных вынесли запечатленный навсегда образ этого государства — концентрационной цивилизации. Несколько сот из них увековечило это знание и размышления. Среди таких историй книга Млынарского выделяется усилием «выработать реальную и правдивую оценку», которая была столь важна для автора «Советского плена». А его позицию по отношению к России характеризуют черты, которые он приписывал языку музыки. Ведь она «не окрашена тенденциозностью, не отравлена ядом ненависти, чиста, как ключевая вода» (215). Благодаря этому атмосфера книги, которая должна «составлять основу знания о Старобельске», знания, в которое автор «вновь погружается до дна»^[19], исключительно далека от чувств ненависти и враждебности.

Перевод Владимира Окуня

-
1. J. Czapski, Przedmowa, [w:] B. Młynarski, W niewoli sowieckiej, Łomianki 2010, s. 19.
 2. «Это было состояние на середину декабря 1939 года, которое сохранилось более или менее на том же уровне до 5 апреля 1940 года»; см. B. Młynarski, W niewoli sowieckiej, op. cit., s. 130. Далее по тексту локализация цитат приводится в скобках в основном тексте.
 3. J. Czapski, Przedmowa, op. cit., s. 15

4. J. Mackiewicz, Sprawa mordu katyńskiego. Ta książka była pierwsza, Londyn 2012, s. 53.
5. G. Herling-Grudziński, Na krawędzi człowieczeństwa, [w:] G. Herling-Grudziński, Wyjścia z milczenia, oprac. Z. Kudelski, Warszawa 1993, s. 27.
6. J. Czapski, Przedmowa, op. cit., s. 16.
7. Слова, выделенные курсивом, в оригинале написаны по-русски — Примеч. пер.
8. E. Szczepańska-Lange, Emil Młynarski. Życie i działalność w Warszawie i Wielkiej Brytanii do 1916 roku. Warszawa 2013, s. 19.
9. Речь идет о январском восстании в Польше 1863–1864 годов — Примеч. перев.
10. Забайкальское восстание было поднято летом 1866 г. сосланными в Сибирь январскими повстанцами –Примеч. пер.
11. Там же, стр.76.
12. Впрочем, С. Свяневич (Wspomnienia Bronisława Młynarskiego, „Zeszyty Historyczne” 1976, nr 37, s. 228) усматривает в этом разговоре возможные причины неожиданного освобождения Млынарского из лагеря: «В воспоминаниях Млынарского есть один факт, который может подсказать объяснение. Когда Млынарского, как и любого другого пленного, допрашивал *следователь* НКВД, разговор в какой-то момент перешел на музыкальные темы. Млынарский, лично знавший почти всех самых выдающихся русских музыкантов того времени, мог рассказать немало интересного своему мучителю, который, на самом деле, интересовался музыкой. Между жертвой и мучителем завязалась какая-то чисто человеческая нить. У НКВДистов или КГБистов тоже иногда могут быть человеческие реакции. Так что можно легко представить себе, что когда решался вопрос, кому из пленных подарить жизнь, тот *следователь* сумел вставить фамилию Млынарского в список избранников судьбы».
13. S. Swianiewicz, W cieniu Katynia, Warszawa, Czytelnik 1990, s. 37–38.
14. Там же.
15. Czapski, Wspomnienia starobielskie, [w:] Na nieludzkiej ziemi, Warszawa 1990, s. 12.
16. S. Swianiewicz, Wspomnienia Bronisława Młynarskiego, „Zeszyty Historyczne” 1976, nr 37, s. 228.
17. Станислав Винценц (1888–1971) — польский писатель, мыслитель-эссеист, переводчик, автор воспоминаний

«Диалоги с Советами» — Примеч. пер.

18. Из стихотворения Ч. Милоша «Давно и далеко» — Примеч. пер.

19. E. Gruner-Żarnoch, Starobielsk w oczach ocalałych jeńców, Łomianki 2008, s. 137.

Восток глазами рациональных поляков

«Слабость нынешней России — это как раз отсутствие каких-либо данных о расслоении в обществе. Коммунисты сильно преследовали социологию, так как она говорила о нем правду, и сегодня в России нет никого, кто исследовал бы общество» — рассказывал Рышард Капуцинский в интервью «Газете wyborчей» в мае 1996 года.

Как подчеркивала редакция, беседа состоялась сразу же по возвращении репортера из России. Это была его первая поездка туда за много лет. В прошлый раз он путешествовал по России в начале 90-х годов, собирая материал для изданной в 1993 году «Империи». Эта книга Капуцинского стала в Польше, как и во всем мире, севрским эталоном того, как нужно писать о России и СССР. Ее читал каждый молодой человек, выезжавший за нашу восточную границу. Неважно, планировал он лишь посещение Москвы, путешествие по транссибирской магистрали к забайкальским степям либо плавание на байдарке по Лене и визит в Якутск. Во времена, когда в Польше еще не было путеводителей „Lonely Planet”, к «Империи» относились как к Библии. Путешествуя по бывшему Союзу, люди мечтали увидеть в точности то, что описал Капуцинский. Они смотрели на эту страну его глазами. Поэтому то, что Капуцинский говорил о России, в том числе и позже, было важно. Это формировало манеру, в которой говорят об этой стране в наших СМИ, и — что важнее — ее образ в нашем сознании.

В той же беседе, опубликованной в «Газете wyborчей» Капуцинский жаловался: «А в России достаточно взглянуть на свежеизданные книги. Одни переводы американской литературы. Никакого интеллектуального усилия, никакой попытки сведения счетов. Попробуйте узнать что-либо об этом обществе, найти какие-то исследования, работы. Разбросанные по газетам — да, но собранные в каком-нибудь большом труде? Ничего подобного нет».

После распада СССР Россия, как и другие бывшие советские страны, погрузилась в упадок и маразм, однако то, что о ней говорил Капуцинский в своем интервью — просто неправда. В 90-е годы в России уже несколько лет действовал Всероссийский центр изучения общественного мнения во главе

с замечательным директором Юрием Левадой, который потом ушел из него и организовал собственный исследовательский центр, но это произошло уже позже, в результате ужесточения политического курса Кремля. В 90-е годы в России еще можно было свободно заниматься социологией, и это делали такие выдающиеся исследователи как Левада и его коллеги (которые, кстати, тоже гостили на страницах «Газеты выборчей»). Тезис Капущинского о том, что в России якобы никто не изучал расслоение в обществе, просто-напросто ложен.

Точно так же, как и утверждение, будто в России издаются одни переводы американской литературы. 90-е годы — это расцвет писательской карьеры таких блестящих российских авторов, как Виктор Пелевин или Владимир Сорокин. То, что Капущинскому в его путешествиях по России не попались их произведения, не означает, что их не существовало.

Существовала также целая масса умных и интеллигентных, блестящих мужчин и женщин, которые, несмотря на кризис, в котором оказалась их страна, не только не оставляли усилий, чтобы понять ее, но еще и издавали книги на эту тему, давали интервью и делали фильмы. Можно любить или не любить Никиту Михалкова, можно критиковать то, как он сводит счеты с советским прошлым (для многих слишком уклончиво и неоднозначно), но нужно знать, что его фильм «Утомленные солнцем» появился в 1994 году, за два года до интервью, которое Капущинский дал «Газете выборчей». Неужели «император репортажа» пропустил это выдающееся произведение, или, может быть, оно не вязалось с его видением России: инфантильной, бездумной и просто умолявшей, чтобы кто-нибудь снаружи, к примеру, какой-нибудь просвещенный поляк, поучил ее, отругал, а потом, когда она уже исправится, погладил по головке.

Образ России, рождающийся из высказываний Капущинского, прекрасно вписывается в западное представление о Востоке, показанное Эдвардом Саидом в его знаменательном труде «Ориентализм», впервые опубликованном в 1978 году в США. Саид проанализировал то, как писали о Ближнем Востоке западные (прежде всего, французские и британские) авторы на протяжении последних 150 лет. Он воспользовавшись тезисом французского социолога Мишеля Фуко, что способ описания, или шире, рассказа о каком-то явлении можно назвать дискурсом, и что в каждом дискурсе отлично отражаются взаимоотношения сил и зависимостей описывающих и описываемых.

Саид пришел к выводу, что «Ориентализм — это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком»^[1]. А также заметил: «Европейская культура могла управлять Востоком — даже производить его — политически, социологически, идеологически, военным и научным образом и даже имажинативно». Он писал, что «из-за ориентализма Восток не был (и не является до сих пор) свободным предметом мышления и деятельности».

По мнению Саида, ориентализм «основан на предпосылке о превосходстве Запада». И хотя в его книге о России нет ни слова, и Россия в его рассуждениях не входит в эту область, управляемую путем специфического способа описания, но правила, применяемые в западном описании Ближнего Востока, напоминают те, что применяются в Польше (а также иногда на Западе) для повествования о России или шире, обо всем постсоветском пространстве.

Для этого дискурса (используя терминологию Фуко) типична объективизация описываемых государств, обществ или даже отдельных людей, придание им детских черт, чрезмерное подчеркивание их инаковости, дикости и эмоциональности. Примером снова может служить Капуцинский, а конкретнее — его размышления из книги «Стремительный поток истории», авторами которой указаны Рышард Капуцинский и Кристина Стрончек (сбравшая эти его высказывания), выпущенной издательством «Знак».

«Позиция русского — это крайняя позиция. Он либо обожает, либо ненавидит. Ему не хватает того, что характеризует менталитет человека Запада — последовательного критицизма, критицизма творческого. Для русского всё либо столь совершенно, что не нужно ничего менять, либо столь безнадежно, что ничего нельзя сделать». Как дети, просто как дети, хочется вздохнуть, читая такое описание. Поражает этот патриархальный тон: русские такие, такие и такие, а автор, с высот своего рационализма и хладнокровия, подмечает это, как никто из местных, и любезно сообщает об этом нам.

Я не первая, кого коробит польская ориентализация России и ее соседей. Недавно в журнале «Нова Эуропа Всьходня» прошла долгая дискуссия на эту тему. Первым слово взял аналитик Адам Бальцер. В тексте «Ориентализм. Польская версия» он ставил в вину польским политикам, публицистам и писателям — главным образом, Земовиту Щереку и Анджею Стасюку — то, что они ориентализируют Восток. Потом появился текст

«Фантазии и действительность» Земовита Щерека, который отвергал обвинения Бальцера в свой адрес.

Я, собственно, согласна с обоими этими текстами. Действительно, трудно не согласиться с Бальцером, что в Польше Восток, который начинается, в зависимости от потребности, иногда на Висле, иногда на Буге, а у очень востокофильских авторов — это не означает, что не ориентализирующих — лишь на Днепре, считается диким и таинственным краем деспотии и мерзости.

Бальцер привел множество цитат. И я могу подкинуть еще несколько. Например, из также процитированного Бальцером Анджея Стасюка: «Забайкальск выглядел будто руины. Все было серым и запыленным. Он производил такое впечатление, словно его уже выстроили разрушенным и запущенным». (Кстати, Забайкальск — это, кажется, любимое место польских авторов. Описывая этот городишко, легко показать, как страшен СССР или то, что от него осталось. Капуцинский тоже писал о Забайкальске).

Однако Бальцер не написал одного, в чем его правильно упрекнул Щерек. А именно того, что тексты Щерека или Стасюка «в большой степени говорят о фантазиях, которым подвержен человек, глядящий на Восток из этой части Европы, которой очень хочется быть Центральной. Человек, сформированный в мифе Запада, убежденный в своей западности, но фактически этим Западом не являющийся».

Ведь именно поэтому мне так понравилась книга «Придет Мордор и нас съест» Щерека. Вся она была одним большим издевательством над такой ориентализацией Востока, над лечением собственных комплексов на этом ориентализированном Востоке. Я даже разозлилась на Щерека, что в конце книги он как будто бы струсил и на нескольких последних страницах, уже очень прямо и в лоб, объяснил, что он имел в виду на предыдущих двухстах. Он озаглавил эту последнюю главку «Ориентализм» и выложил всё прямолинейно, наиболее очевидным образом, как только можно: «Постепенно мне становилось не о чем писать. Просто Украина начинала раздражать всё сильнее. Взять хотя бы Львов. Он всё больше походил на обычный польский город».

Несколькими абзацами ниже, как будто до какого-нибудь исключительно тупого читателя еще не дошло, о чем вообще была речь в этом «Мордоре», Щерек уточнил:

«— Ты просто начал смотреть на Украину глазами украинца. А до этого ты как — приезжал сюда на сафари? Все это время?

— О Боже...

— Что, ориентализм, да? Экзотика? Ты сюда как в зоопарк приезжал?

— Нет — я потушил сигарету в пепельнице и тут же закурил новую. Нет — повторил я и дальше уже не знал, что говорить.

— Мне это интересно — ответил я чуть позже.

— А почему тебе интересно?

— Боже — откликнулся я, — потому что интересно.

— Но что в этом интересного? В разрухе? В нищете?

— Господи, Тарас — сказал я. — Так можно всё деконструировать, это не так...

— Что, экзотику увидел в нищете, и интересно стало?

— Блин, человеку нужен... ориентализм — я всё же продолжил, помолчав. — Романтика какая-нибудь...».

Так что, обвинять Щерека в ориентализации не совсем справедливо. Ведь если он иногда и на самом деле ориентализирует, то делает это специально, сознательно и для того, чтобы заклеить ориентализм. То есть, по сути дела, оба — и Щерек, и Бальцер — правы. Проблема существует, и с этим трудно не согласиться.

Я могу добавить к этим дебатам еще одно наблюдение: склонность к ориентализации чаще проявляют мужчины, потому что это позволяет им представить самих себя неустрашимыми завоевателями, храбрыми первооткрывателями, которые отправляются в экспедицию в неизвестность, почти как герои приключенческих романов XIX века для мальчиков.

Примером пусть послужит такой нарратив другого польского репортера Яцека Хуго-Бадера. Он в своих текстах, а также в беседах о своей работе, постоянно подчеркивает незаурядность, уникальность собственного опыта. «Это должно меня поразить, должно удивить меня так, чтобы я свихнулся на этой почве» — говорил он Петру Брысачу в интервью о книге «Глядя на Восток». Чуть позже, отвечая на тот же вопрос Брысача, он

добавляет: «Мне нужно удивляться, я должен то и дело наткнуться на что-то, что собьет меня с ног».

Всё, что переживает и потом описывает Хуго-Бадер, обязано быть самым-самым: самый большой резервуар питьевой воды (конечно, Байкал), самые страшные алкоголики (герои книги «Белая горячка»), «самые большие дыры в нашем земном шаре» (в якутской алмазной шахте). А во всем этом он, репортер, который не стесняется сказать о себе: «немногие так разбираются в российской тематике, как я».

При чтении многих других репортеров мне порой кажется, что главная цель их литературной деятельности — рассказать о том, какие они brave, знающие, отважные. Например, Мариуш Вильк. У его читателя возникает впечатление, будто ему вещает какой-то демиург. Простому смертному даже нужен словарь, чтобы понять, что имеет в виду автор, ведь Вильк специально вставляет в свою прозу русские слова, объяснения которых потом находятся в конце его книг. «Вот, взять посла Ежи Бара, сам подумай, была бы у него возможность где-то, кроме моего дома, встретиться один на один с русским «бичом», то есть кем-то вроде местного клошара?» — риторически спрашивал он Брысача в той же книге, для которой высказывался Хуго-Бадер.

Один на один с русским «бичом» звучит почти так же, как один на один с тигром или, может быть, даже с самим дьяволом. А вот Вильк не только non-stop встречается с ними один на один, но еще и живет среди них, уже 20 с лишним лет. *Молодец!*
[2]

Итак, я утверждаю, что больше ориентализируют именно мужчины, потому что им хочется объявить о своих подвигах, раскрутиться, выпендриться. Так им положено, бедняжкам, этого ожидает от них общество, их гендер, скажем так, толкает их к этому.

Думаю, однако, что это нечто большее, чем обычное социальное разделение культурных ролей. Сколько у нас в Польше известных женщин, пишущих о Востоке? Вильк, Хуго-Бадер, Щерек, Стасюк, из тех, кого я уже упоминала, а к этому еще Михал Ксёнжек, Енджей Моравецкий, Войцех Гурецкий, Мачей Ястшембский, Вацлав Радзивинович, я могла бы перечислять так до бесконечности. Во всех сборниках типа «А Сейчас Несколько Известных Авторы Расскажут Вам о Востоке» преобладают мужчины. Хотя бы в той книге Брысача, которую я с маниакальным упорством здесь цитирую, и к которой также обращался Бальцер при написании своего текста. Из

одиннадцати собеседников всего одна женщина. Магдалена Скопек, автор книги «Хорошая кровь» о ненцах с полуострова Ямал. Немного лучшие пропорции у сборника «Список вещей», сопровождающего проект фотографического коллектива «Спутник Фотос», о предметах, ассоциирующихся с бывшим Советским Союзом. Здесь на 21 автора целых, а на самом деле, по-прежнему, всего четыре женщины.

Кажется, люди ожидают, что о Востоке будут писать именно так. Так, как вообще, в огромном большинстве случаев, пишут мужчины. Сформировался некий узус повествования о Востоке — диком, опасном, неожиданном, самом, самом, самом во всех отношениях, где почти всегда нужно бороться за жизнь, где обычная поездка на поезде, либо поход в музей или по грибы — это полный приключений подвиг, сравнимый с первым полетом в космос.

Ну ведь, наверное, неправда, что Кристина Курчаб-Редлих, Катажина Квятковская-Москалевич, Юстина Прус, Малгожата Ноцунь, Кайя Путо, Рената Лис или Анна Жебровская как-то менее способны или более глупы, чем их пишущие о Востоке коллеги, перечисленные мною двумя абзацами выше. Их тексты или книги, прочитанные каждая по отдельности, получают такие же оценки и похвалы. Однако как-то так происходит, что их имена почти никому не приходят в голову под общей этикеткой: «пишущие о Востоке».

Мне кажется, что причина этому — явление, описанное Анной Горолец в ее социологической книге «Конформизм, бунт, ностальгия» о нишевом туризме из Польши в страны бывшего Советского Союза, а также, и прежде всего, о манере рассказа об этом опыте. По мнению Горолец, существует нечто такое, как необходимость подражания, повторения определенных схем нарратива для того, чтобы тебя услышали, оценили, наконец, просто поняли. Ну да, людям больше всего нравятся те песни, которые они знают.

Большая часть — хотя будем справедливыми, не все — мужских историй о Востоке вписывается в ожидаемую схему. В них есть то, что и должно быть в рассказах о Востоке: тяготы путешествия, невероятные приключения, борьба за жизнь. Вода льется ручьями. А женщины, если и появляются, то в виде бабулек либо асексуальных мужеподобных существ, как у Ксёнжека в «Якутске»: «В городе на конце света многих женщин настигает маскулинизация. В городе, который лежит ближе всего к пустоте. Кажется, мужеподобие начинается со взгляда, потом грубеет голос, утяжеляются походка и жесты. В конце концов, фигура становится совсем мужской:

развиваются плечи и мышцы рук. Образ дополняют сильные, как у дальнбойщика, кисти».

Или в виде разряженных, эфирных, «полунагих красоток» (это как раз из Стасюка, но перечень авторов, использующих подобные определения, мог бы занять весь номер «Новой Польши»). Обязательно в туфлях на шпильках, высоченные каблукы которых тонут в грязи, если не вонзаются в лед, покрывающий дырявые тротуары либо, даже чаще, обочины: ведь, как известно, тротуар в бывшем Союзе — товар дефицитный. Всё зависит от того, в какое время года автор посетил Мордор.

Под конец мне следует вспомнить о справедливости. Это не значит, будто женщины никогда не ориентализируют, не пишут о том, что в бывшем Советском Союзе всё безобразно или серо, не замечают явлений, которые массово попадают на профиль «Сранный совок» в твиттере. Квятковская-Москалевич свой репортаж об Украине «Убить дракона» начинает с — впрочем, весьма удачного — описания застекленных балконов, которые стали почти опознавательным знаком бывшего Советского Союза. Кайя Путо в журнале «Дужи формат» историю об отчаявшихся россиянах, бегущих в Норвегию, начинает с описания города, которого не постыдился бы ни один сборник репортажей с постсоветских территорий: «Никель — город, каких в России много: жизнь вертится между памятником Ленину и пиццерией. Из динамиков, выставленных перед бетонным домом культуры, гремит попса. Главную городскую площадь окружают облезлые хрущевки: они тянутся до самого горизонта, который охраняет их кормилец — никелеплавильный комбинат».

Я сама сотворила множество текстов, в которых ориентализирую «по полной». Вот небольшой образчик, как раз из моего блога «Спутничка», который я вела, путешествуя по бывшему Советскому Союзу в 2009 году: «Завтра я уезжаю из России. С меня хватит. Как всегда, покидая эту страну, я чувствую облегчение. Если бы я сразу возвращалась в Польшу, то могла бы написать, что больше не буду смотреть новости с главной информацией дня о визите президента к малышам из начальной школы X в области Y, во время которого президент 15 минут рассказывал, почему в детстве он любил 1 сентября. Я уже не буду покупать газеты, где из интервью со специалистом по этническим чисткам, главой российского форума репрессированных народов, я узнаю, что армянскую резню в Турции спровоцировали богатые армяне из западноевропейской диаспоры, а новейшим примером

геноцида является операция США в Сербии, а также в Ираке. Не буду переплачивать за невкусный кефир и вяловатые огурцы. Не буду ходить по бордюру, чтобы обойти гигантские лужи, занимающие весь тротуар. Не буду спотыкаться в темноте лестничной клетки. Не буду бояться, что не успею выйти из автобуса, потому что водитель тронется, не посмотрев в зеркало».

Сегодня я, возможно, уже не писала бы так.

А может, и писала бы. Ведь этот мир, на самом деле, немного такой. Я была в Забайкальске и знаю, что Стасюк, а еще раньше Капущинский, описывая его, были абсолютно правы. Можно не писать об одних алкашах и бомжах, можно вместо интервью с Владимиром Путиным или с тоскующими по бывшей советской державе бабушками, делать интервью с создателем Яндекса или с молодыми, образованными, «такими как мы». Но, как говорится, что увидел, того не забудешь. Мне снова вспомнился фрагмент из стасюковского «Востока»: «В главном зале на этом нижнем уровне, где бар с едой и бабами в чепцах и с половниками в руках, в углу у сортиров сидел охранник, весь в черном. Сидел и харкал на пол. Набирал и выплевывал у себя между ног. Отвалите — я не русофоб. Просто именно так было через пять минут после посадки, когда я искал дорогу к «Шереметьево -1»».

Я тоже смеялась над мемами о том, как кто-то в Челябинске при виде метеоритного дождя кричал: «Блин, метеорит!», а метеорит в ответ заорал: «Блин, Челябинск!». Меня тоже веселили выхваченные и распространяемые «вредными украми» репортажи о фекальном сталактите, то есть замерзшем в камень столбе говна в какой-то коммуналке из российской глубинки.

А ведь я помню, что Новгород сам выбирал себе правителей, с которыми подписывал строгий контракт, и это во времена, когда ни в Польше, ни тем более в Западной Европе избранные правители никому и не снились.

Кажется, тут ничего не поделаешь. Мы всегда будем ориентализировать друг друга. Французы немцев, немцы нас, мы украинцев, белорусов и русских, а русские чукчей, таджиков или узбеков. Нужно просто осознавать это. «Критическая рефлексия над доминирующим мифом», о которой упоминал Адам Бальцер, лишней не бывает.

Людвика Влодек — репортер и публицист, ассистент Института Восточной Европы Варшавского университета. Опубликовала следующие книги: «Пра. О семье Ивашкевичей» (2012), «Достаточно перейти реку» (2014) и «Четыре знамени, один адрес. Истории из Спиша» (2017).

Фрагменты этого текста ранее были напечатаны в статье «Белый сахиб отправляется на Восток» в журнале «Нова Європа Всходня».

-
1. Здесь и далее цитаты из книги Э. Саида «Ориентализм» даны в переводе А.В.Говорунова — Примеч. пер.
 2. Слово «молодец» написано у автора по-русски — Примеч. пер.

Петр Чепляк

Фото: East News

Театровед, режиссер, теолог, певец жизни и добра. Следопыт невидимого. Театральный проповедник. Белый горожанин, воспитанный, гетеронормативный поляк. Скромный, сомневающийся и ищущий. Петр Чепляк.

Хотя на режиссерском счету у Чепляка более пятидесяти постановок^[1], однако, принимая во внимание то, что свою карьеру он начал в конце восьмидесятых годов, это не такое уж большое достижение — в количественном смысле, конечно. Для сравнения, Михал Задара, о котором мы говорили в предыдущем номере, поставил столько же спектаклей, хотя дебютировал в начале двухтысячных. Эти два режиссера отличаются друг от друга, по сути дела, в любом аспекте. Чепляка нельзя — подобно Задаре — назвать «стахановцем театра». Он не грешит систематичностью, не берется за новые тексты сразу по окончании репетиций. Ставит спектакли будто бы под влиянием импульса, внезапной потребности или вдохновения — которое чуждо его антагонисту. Не навязывая убийственного темпа, он помещает себя в достаточно комфортную ситуацию — практически, не ставит по заказу,

сам выбирает тексты и темы, над которыми ему в данный момент хочется поработать и которые он хочет сделать ближе другим людям. Руководствуется интуицией. Сам он о подборе материала говорит так: «Мои внутренние процедуры, что я делаю в театре, а что нет, таинственны для меня. Большую роль играет случай. Я не занимаюсь упорным поиском текстов, скорее, они сами «приходят» ко мне, а у меня лишь должна загореться соответствующая лампочка»^[2].

Стиль работы это одно, следующий вопрос — тематика спектаклей. Чепляк не боится затрагивать фундаментальные проблемы. Для Задары метафизика на сцене — это кощунство и обман, для Чепляка театр — это место, где разыгрывается современная мистерия и происходит поиск Абсолюта. Первый углубляется в социально-политические проблемы и представляет, скорее, пессимистический взгляд на мир, второй не сторонится онтологии, является неисправимым оптимистом, заступником жизни и певцом любви. Кажется, их объединяет лишь подход к классике, связанный с поиском ее современного звучания, переносом в наши реалии и обращением с ее помощью к проблемам обычных людей.

Поиски призвания

История Чепляка началась в 1960 году в Ченстохове (этот город ассоциируется с одним из главных мест культа Девы Марии, который для него необыкновенно важен). Театр интересовал его всегда, но он долго не мог найти в нем свое место. Решил начать с любительского актерства, однако на этапе выбора училища отказался от этого пути. В интервью он объяснял это так: «Этому «святому актеру»^[3], по Гротовскому, положено иметь миссию, а я не знал, в чем эта миссия должна состоять. Поэтому я решил учиться на театроведении — чтобы узнать (...). Меня интересовало содержание миссии, а не форма»^[4]. Итак, он начал изучать театроведение в Варшавской театральной академии им. Александра Зельверовича, и только окончив ее, открыл свое место в театре, или — как он сам говорит — свое призвание и смысл существования на земле — режиссуру. Обучение по этой специальности в краковской Государственной высшей театральной школе им. Людвика Сольского он завершил в 1990 году. Позже он говорил: «Мне так надрали задницу, что до сих пор помню. Ведь раньше я, несмотря ни на что, жил припеваючи. А тут совершенно новая ситуация, необходимость принятия решений, поражения. Жесткая жизнь, и именно в человеческом, не артистическом

смысле»^[5]. Во время учебы он участвовал в мастерских Питера Брука, которые были для него, как «ретрит, который должен напомнить об основных истинах веры»^[6]. Британский режиссер, причисляемый к кругу мастеров второй половины XX века, внушил Чепляку, что посредством театра можно передавать ценности другим, что театр позволяет встретиться с людьми. Так просто.

Еще будучи студентом, он дебютировал в Театре им. В. Гожицы в Торуне двумя одноактными пьесами Фредро: «Первая встречная» и «Я убийца». Для него это было ценным профессиональным опытом, но больше к произведениям польского комедиографа он не возвращался. Восемь лет спустя он так писал об этом: "Сегодня я бы уже не инсценировал Фредро, хотя я начинал с него и считаю его превосходным писателем. Но его творчество закрыто, даже если эти слова звучат кощунственно. Фредро уже не вызывает у меня скачка адреналина, я не нахожу в его мире такого безумия, в которое сам хотел бы влиться, он не отправляет своих персонажей в космос, а лишь останавливается с ними на уровне пристойности»^[7].

Через год в том же самом театре он поставил «Солдата королевы Мадагаскара» (за которого впервые получил премию — для молодого режиссера — на XVII Театральных конфронтациях «Польская классика» в Ополе) и очередные одноактные пьесы — на этот раз Чехова — собранные под названием «Трагик поневоле». Чепляк начинал с фарса, что позволило ему в начале своего режиссерского пути поиграть в театр и отшлифовать мастерство. Он признается, что при каждой из этих постановок они вместе с актерами от души повеселились и посмеялись.

Тем не менее, после этих трех спектаклей он не вернулся к типичной комедии, хотя радость жизни излучают почти все его работы. Оптимизм — основной принцип его творчества, однако под ним всегда скрывается двойное дно. Чепляк так говорит об этом: «Я уже как-то сложил для себя образ мира: такой горько-сладкий, полный парадоксов, в котором и так, и эдак одновременно. Отсюда в моем театре такие слова, как надежда, открытость, доверие к миру, которые сегодня воспринимаются как опасные. Сегодня их редко встретишь, а я уперся, что буду их употреблять»^[8].

После двухлетнего перерыва режиссер подготовил свой, наверное, главный спектакль, сформировавший его стиль. «История о славном Воскресении Господнем» Миколая из

Вильковецка была поставлена в Театре Współczesnym во Вроцлаве и имела большой успех, за которым последовало ее возобновление в Театре Dramatycznym в Варшаве и создание телевизионной версии. Чесляк обратился к старопольскому тексту, но не представил его традиционно — он искал современные способы вызвать религиозные переживания. Он пригласил к сотрудничеству ансамбль «Кормораны», играющий авангардно-трансовую музыку. Зрителей рассадили в центре событий, а сама «История...» была перенесена в современность. Таким образом Чепляк хотел показать актуальность драмы во все времена, неизменность человеческих проблем, переживаний, чувств. Эта мысль освещает все его спектакли. Сам он так писал об этом: «Мне совершенно безразлично, сколько лет автору — тысяча, четыреста или двадцать семь. Грек он, бразилец или поляк. Вопрос всегда звучит так: что это значит сегодня?! Здесь, на сцене и в зале конкретного театра. В этом смысле я рассматриваю всех драматургов как своих современников и не присоединяюсь к плачу о том, что как раз за последние несколько лет никто ничего не написал»^[9]. Репертуарная линия театра Чепляка может казаться не до конца понятной — он ставит старопольские пьесы, после чего легко переходит к классике драмы XX века и новейшей драматургии. Произведения, которые он намерен поставить, не объединены никаким интерпретационным ключом, у него нет любимой литературной эпохи. Он выбирает тексты, описывающие действительность здесь и сейчас. Поэтому он обычно одевает актеров в современные костюмы в «экологически-кедовом стиле, который так любит молодежь»^[10], как это определила Эльжбета Баневич.

После старопольской «Истории...», невзначай перескочив несколько эпох, он взялся за «Крестовые походы» по Бялошевскому. Роман Павловский назвал их «постельными походами»^[11], не из-за эротических сцен, а из-за того, что действие происходит вокруг поставленной на пустой сцене кровати, а реквизитом являются подушки и покрывало. Характерная для Бялошевского поэзия обычных предметов очень близка Чепляку, что он и показал, в частности, в «Бесконечной истории», о которой ниже.

Театр для мартинсов...

В 1997 году Чепляк стал художественным директором варшавского «Театра Розмаитости». Желая привлечь молодую

аудиторию, он рекламировал его слоганами: «самый скоростной театр в городе», «угарный театр» или «театр для мартинсов»^[12]. На обвинения в том, что он снижает миссию театра, называя его «самым быстрым», он отвечал: «Самый скоростной означает не то, что актеры должны ужасно быстро говорить, а то, что в наших спектаклях должна существовать внутренняя динамика. Темп вовсе не обязан быть доказательством интеллектуальной ограниченности»^[13]. Парадоксально, что, будучи директором «Розмаитости», он выбирал тексты с небольшим коммерческим потенциалом — поставил «Историю о милосердной, или Завещание собаки» Ариану Суассуны — моралите о манипулировании религией — и «Змеиную кожу» Слободана Шнайдера — произведение о войне в Боснии. Режиссер показал его в своем стиле, то есть не с внешней точки зрения, а обращая особое внимание на переживания и эмоции людей, оказавшихся внутри балканского котла. Чепляк пригласил к сотрудничеству в «Розмаитости» молодых режиссеров, в т.ч. Гжегожа Яжину, который к тому времени поставил знаменитый уже «Тропический бзик». От должности он отказался через полтора года. Говорил, что ему не хватает лидерских качеств и давит ответственность; зарекался, что никогда больше не будет претендовать на директорское кресло.

Итак, он вернулся к тому, что называет своим призванием. Он скромнен — в «Розмаитости» не считал себя директором-лидером, а в режиссерской работе ему не близко столь распространенное представление о звездном режиссере. «Я понимаю роль режиссера как человека, который сидит на шее у других: у актеров, сценографа, автора, музыканта. Я — древесный гриб, вытягивающий лучшее из того, что есть в них. У меня нет ощущения, что от этого страдает моя амбиция. Я организую пространство, на котором они могут порезвиться»^[14] — говорил он.

Он был режиссером, в частности, во вроцлавском Театре Вспулчесном, варшавском Театре «Студио», познанском Театре Польском и варшавском Театре Повшехном. В штате последнего он состоял несколько лет (2000–2008) и за это время осуществил несколько важных постановок. «Соломенная шляпка» Эжена Лабиша была осыпана множеством премий, например, премией им. Конрада Свинарского, присуждаемой ежемесячником «Театр». В ней Чепляк продемонстрировал режиссерское мастерство, превратив фарс в рассказ об экзистенциальном беспокойстве и бесцельной жизни, растрачиваемой на глупости. «Вот такие мы ребята...» по Станиславу Выспяньскому — современная версия «Свадьбы» с

грилем и пивом, вызвавшая много разногласий. «Мне казалось, что сначала нужно выбросить «Свадьбу» в мусорную корзину. И задать себе вопрос, где сегодня еврей, какова роль Поэта, как теперь происходят политические размежевания, и кто такой Анджей Леппер^[15] в тоге доктора honoris causa — хам или пан?»^[16] — говорил Чепляк о кулисах создания спектакля, ставшего острым диагнозом современности.

Очередная игра режиссера с формой — поставленная в Театре «Монтовня» «Сентиментальная пьеса для четырех актеров» — рассказывающий о чувствах спектакль, в котором не произносится ни слова. Жизнь квартета персонажей изображена посредством жестов, движений и живого исполнения магической музыки. Ян Бонча-Шабловский писал: «Спектакль Петра Чепляка излучает позитивную энергию. А зритель приобретает уверенность в том, что у жизни множество тональностей»^[17]. Пользуясь случаем, он подчеркнул оптимизм театра Чепляка: «Когда, посмотрев пьесы во многих других театрах, вы впадаете в депрессию, вас мучают ночные кошмары и преследуют психопатические видения, противоядием от этого может стать мир Петра Чепляка. Он расширяет наше воображение и возвращает надежду»^[18].

С 2014 года Петр Чепляк находится в штате варшавского Театра Народового, конечно, в роли режиссера. В 2016 году он поставил здесь знаменитое «Приложение. Соплицово — овоцилпоС» — рефлексию над «Паном Тадеушем» Адама Мицкевича. Это еще один реализованный Чепляком спектакль без слов. Герои — члены двух враждующих племен, больше напоминающие диких зверей, нежели людей — злобно смотрят друг на друга, а объясняются при помощи лая и рычания. Режиссер показал Польшу с утраченным ощущением общности, становящуюся посмешищем для туристов. Яцек Вакар писал: «Кто-то скажет, что «Соплицово — овоцилпоС» – это образ Польши опустившейся, запаршивевшей, ненавидящей, замкнутой в своих комплексах и беспомощности [...]. Однако значение великолепного представления Чепляка выходит за пределы так называемой актуальности. Чепляк на сцене Народового создает — несмотря ни на что и превыше всего — общность. Ну да, эта общность потерпела крах, пришла в упадок, иногда она смешна, но по-прежнему трогательна (...). Это общность, в конце концов, достойная сочувствия. Наша»^[19].

... и театр для всех

Чепляк также любит выходить из здания театра — на его счету есть зрелища на пленере, которые ближе к перформансу, чем к традиционному спектаклю. В варшавской Круликарне^[20] он вместе с Театром «Монтовня» подготовил «Историю о потерянном рае, или... всё будет хорошо», с тем же театром поставил «Историю о рождестве Господа Иисуса на Центральном вокзале» — конечно, на Центральном вокзале в Варшаве, а в Королевском Замке показал спектакль «Достаточно услышать», представление с участием слабовидящих детей. Это были одноразовые события, несмотря на то, что им предшествовало много репетиций. Мария Пруссак писала: Для него более важен процесс подготовки спектакля, чем его долгая эксплуатация, самое важное — проблема, о которой он хочет рассказать, событие, которое нельзя продлевать чрезмерно»^[21].

Важное направление театра Чепляка — детские спектакли, всегда основанные на хорошей литературе, которые, благодаря своей универсальности и отсутствию инфантильности, привлекают и родителей. Он поставил, в частности, «Винни-Пуха» Милна под названием «Винни П.», «Амели, бобр и король на крыше» Танкреда Дорста и Урсулы Элер, «О, как ты прекрасна, Панама!» Яноша и «Рассказы для детей» Исаака Башевиса Зингера. О творчестве для самых молодых он говорит: «Когда я делаю представление для детей, я могу говорить искренне, что любовь родителей к детям прекрасна и стоит любых усилий, что мир полон тайн, а нити нашей жизни переплетены и мы по-прежнему не знаем, за которую потянуть...Я говорю всё это, не опасаясь, что меня обвинят в приторности и сентиментальности (...). «Рассказы для детей» убедили меня, что с самыми молодыми зрителями в театре нужно говорить серьезно, и что можно создать спектакль без деления на детскую и взрослую аудиторию».

Краткое исследование «Неоконченной истории»

Спектакль, о котором Ян Бонча-Шабловский мог бы сказать, что он возвращает надежду — «Неоконченная история» Артура Палыги, поставленная в Театре Повшехном в 2012 году. Это оптимистическое представление, несмотря на трудную тематику смерти, одиночества, сомнения в вере. В нем показана обычная жизнь людей, живущих в одном многоквартирном доме. Они разыгрывают свой спектакль без перерыва, их повседневность можно наблюдать, как театр. Спектакль объединяет в себе несколько черт, характерных для

театра Чепляка, поэтому на него стоит обратить особое внимание.

Во-первых, условность. Магда, роль которой исполняет Элиза Боровская, убедительно играет еще и собаку Азу. Мариуш Бенуа воплощается в несколько ролей — прежде всего в пана Трампека, который является своего рода ведущим, проводником по миру обитателей дома. Он ведет и самих героев, сообщая об их повседневных делах, а его рассказы обладают каузативной силой: например, он рассказывает о встрече соседок Дворничковой и Домбковой по пути в костёл, а актрисы принимают пародийную позицию в отношении своих персонажей, не играют, а показывают свою роль посредством брехтовской дистанции. Когда нужно, актер быстро перевоплощается в других героев — например, в ксендза в сцене мессы, во время которой подиум, без всяких изменений в сценографии, становится алтарем. Иллюзия действует.

Во-вторых — склонность подчеркивать значение обычных предметов и ежедневных ритуалов, так заметна в представлениях Чепляка. В «Неоконченной...» табурет и кувшин (условно изображаемые актерами) — это близкие умирающей Дворничковой. Пьеса Палыги и спектакль Чепляка наполнены будничными действиями и ритуалами, такими как приготовление чая, мимолетные разговоры при выносе мусора, покупки...

В-третьих, музыка. Чепляк как-то сказал: «Я подсознательно слышу, отзывается ли в пьесе эта моя песня. Вообще, музыка — это самое главное, музыка, которая звучит в голове, музыка слов. Понятие «музыка» я представляю настолько широко, что это даже трудно объяснить»^[22]. «Неоконченная...» может стать ключом к открытию понимания Чепляком музыки. В одной из сцен Цезарий Косинский подыгрывает остальным актерам, которые вживую исполняют свои арии. Все синхронизировано между собой — слова, звуки, шум бытовой техники складываются в симфонию повседневной жизни. Даже похоронный марш сложен из звуков, исходящих из уст актеров. Оказывается, что песня о жизни и смерти состоит из этих скромных звуков, которые мы ежедневно слышим — а сложенная в одно целое, она становится великой хвалебной песнью.

В-четвертых, контрасты, парадоксы и сложность жизни. После похорон Дворничковой пан Трамpek поет веселую песенку о... разложении тела. Зонг по форме прямо отсылает к кабаре, хотя исполнитель поет о разложении белка и видах червей,

пирующих в мертвом человеческом теле. Чепляк играет понятием смерти, пытается освоиться с ней при помощи контрастов. С одной стороны, веселая песенка, с другой — одиночество умирания; с одной — возвышенные грегорианские хоры, с другой — смрад разлагающегося тела. Сам он говорил об этом так: «Впрочем, я думаю, что театр именно потому представляет собой идеальную территорию для исследования парадоксов существования, что он сам, как и существование, есть смесь высокого и низкого, величественного и балаганного. Он питается контрастами, сводит вместе высокое и низкое, уроды и красавчика. Это живая музыка, это ритм, это фокусы, это чудеса, которые пробуждают в нас ребенка. Это шалость. Благодаря всему этому можно слить в этом тигле темную и светлую сторону жизни»^[23].

По миру на велосипеде

У Чепляка есть увлечения и вне театра. Павел Шамбурский, музыкант, сотрудничающий с режиссером, писал о нем: «Этот парень так вот, просто, был фигуристом, этот парень так вот, просто, объехал пол-Европы на велосипеде, так вот, просто, он пытливый дендролог, почти дендрофил, и знает латинские имена всех Деревьев, так вот, просто, он выдающийся театральный режиссер и вскоре может стать пианистом! Как это делается? Что нужно делать, как жить? Дышать, смотреть, думать, чувствовать, быть»^[24]. Помимо фигурного катания и ухода за садом, в котором он «практикует веру»^[25], самое большое его увлечение — велосипед. Во время своих путешествий он писал «Велосипедные дневники», которые регулярно появлялись на страницах ежемесячника «Театр». «Велосипедная вылазка в одиночку во время отпуска проще, чем повседневная жизнь. Не звонят телефоны, никто не может ничего от тебя потребовать. Ноль обязательств перед другими и собственных обязанностей. Словом: ты едешь. Кусочек времени, вынутый из гущи ежедневных психологических и социологических сложностей. Приключение. Роскошь. Кайф»^[26] — так он начал свой отчет о месячном путешествии в Португалию. Очерки, изданные потом в книжной версии^[27] — это не только описание проделанного пути. Путешествие в одиночку позволило ему приобрести дистанцию по отношению к миру; затронуть фундаментальные проблемы; поставить перед собой вопросы о смысле существования, присутствии или отсутствии Бога, о смерти, но также и о жизни, природе, наконец, о театре.

Можно подумать — что общего у велосипеда с театром? Чепляк почти всякий свой опыт переносит в театр — так вышло и с велосипедными приключениями. «Дневники...» стали основой для записи радиопостановки в авторском исполнении под звуки музыки дуэта «SzaZa». Музыкально-словесный перформанс «О невежестве на практике, или путь в Португалию» был также показан во многих местах вживую. Лукаш Древняк писал: «Чепляк объясняет необходимость участия в больших одиноких велосипедных вылазках «ощущением участия в единоличном заговоре, цель которого — показать фигу себе и всему миру». Подозреваю, что театр у него служит той же цели. Когда знаешь о велосипедном увлечении Чепляка, по-другому смотришь на его спектакли»^[28]. Велосипед у Чепляка — театральный символ: его ставят в спектакле «Снежная королева» в Театре Народовом, дамский велосипед прислонен к стене и в «Счастливых днях» в Театре «Полония». Они появляются там, кажется, без особой причины — но, на самом деле, это игра со зрителем, который задает себе вопросы: «Кто приехал на этом велосипеде? Кто его здесь оставил? Почему его присутствие осталось без объяснения?». Таких «проказ» режиссер устраивает немало — это особенно заметно, когда смотришь его спектакли не в первый раз и замечаешь новые детали, которым режиссер уделяет так много внимания.

«Трагик поневоле»

Благодаря тому, что Чепляк затрагивает серьезные, но парадоксально простые и близкие каждому темы, а также всегда доведенной до совершенства форме и прекрасной музыке, его спектакли можно смотреть многократно. Режиссер задает вопросы, но не ставит диагнозов, не оценивает позиции персонажей — он как психотерапевт, который помогает зрителям самостоятельно добраться до истины или хотя бы приблизиться к ней. Театр для Чепляка — место метафизического, даже мистического переживания и поиска *sacrum*, хоть он и избегает сравнивать себя с проповедником или теологом. Но, прежде всего, это его величайшая страсть. «Я занимаюсь театром более двадцати лет и примерно столько же времени постоянно придумываю, как этим не заниматься. Однако я вижу, что я — театроголик; это вид страсти, стихии, безумия, я смирился с мыслью, что мне от него не освободиться (...). Это мое занятие — в глубоком смысле этого слова. Моя профессия, смысл пребывания на земле. Это моя работа»^[29] — говорил он в интервью. А, как известно, от страсти, призвания

и смысла жизни не убежишь. Поэтому, вероятнее всего, Чепляк будет творить, пока живет. Себе во славу и нам во утешение — говоря столь близким ему церковным языком.

1. Все их невозможно здесь обсудить, мы обращаем внимание лишь на спектакли, которые что-то говорят о самом режиссере, тенденциях развития его творчества и основных темах, которые он затрагивает.
2. P. Cieplak, „Jestem hubą, która wozi się na karkach innych”, rozmowę przepr. A. Michalak, „Dialog” 2012, nr9.
3. «Святой актер», жертвующий собой ради сценической задачи, противопоставляется у Е. Гротовского «актеру-куртизану», продающему свое актерское мастерство – Примеч. пер.
4. P. Cieplak, *Przez okno*, rozmowę przepr. J. Majcherek, „Teatr” 1994, nr 7–8.
5. Там же.
6. Там же.
7. P. Cieplak, *Duchy w dramacie czy uduchowiony teatr*, „Dialog” 1997, nr 4.
8. P. Cieplak, *O praktykowaniu wiary w ogrodzie*, rozmowę przepr. J. Niżnowski, „Teatr” 2012, nr 12.
9. P. Cieplak, *Duchy w dramacie czy uduchowiony teatr*, „Dialog” 1997, nr 4.
10. E. Baniewicz, *Młodzi, zdolniejsi?*, „Twórczość”, 9.09.2000.
11. R. Pawłowski, *Wyprawy krzyżowe*, „Gazeta Wyborcza” 1995, nr 235.
12. От названия обуви, модной среди молодежи в 90-е годы.
13. P. Cieplak, *Najszybszy teatr w mieście*, rozmowę przepr. M. Burchart i P. Goźliński, „Życie” 1997, nr 55.
14. P. Cieplak, *Jestem hubą, która wozi się na karkach innych*, op. cit.
15. Анджей Леппер (1954–2011) – польский политик, известный своими скандальными акциями – Примеч. пер.
16. P. Cieplak, *Mnóstwo rzeczy mnie wkurza*, rozmowę przepr. K. Janowska, „Polityka” 2007, nr 35.
17. J. Bończa-Szabłowski, *Oswajanie świata*, „Rzeczpospolita” 2008, nr 119.
18. Там же.
19. J. Wakar, *My widma*, „Dziennik Gazeta Prawna” 2016, nr 116/17.

20. Круликарня – исторический королевский дворец в Варшаве с прилегающим парком – Примеч. пер.
21. M. Prussak, Teatr jest od tropienia rzeczy niewidzialnych, „Kronika Warszawy” 2007, nr 4.
22. P. Cieplak, *Zawsze dużo aniołów*, rozmowę przepr. A. Celeda i J. Sieradzki, „Polityka” 2002, nr 5.
23. Там же.
24. P. Szamburski, Cieplak po prostu, „nietakt!” 2012–2013, nr 12.
25. P. Cieplak, O praktykowaniu wiary w ogrodzie, op. cit.
26. P. Cieplak, Jazda rowerem jest prostsza niż chodzenie, www.teatr-pismo.pl.
27. Книга «О невежестве на практике, или Велосипедом в Португалию» была издана в 2014 году фондом „Fundacja Teatr Nie-Taki”.
28. Ł. Drewniak, Rower Tespisa, „Przekrój” 2010, nr 34.
29. P. Cieplak, O praktykowaniu wiary w ogrodzie, op. cit.

Культурная хроника

Уже в одиннадцатый раз в Варшаве прошел фестиваль российского кино «Спутник над Польшей» (2–12 ноября). В трех столичных кинотеатрах демонстрировались новейшие фильмы российского производства; среди авторов — как дебютанты, так и признанные мастера. Отмечая 80-летие Андрея Кончаловского, показали сравнительно малоизвестные работы режиссера. А главные конкурсные премии получили фильмы «Аритмия» Бориса Хлебникова и «Родные» Виталия Манского. Зрители в других городах Польши смогут посмотреть часть фестивальной программы с ноября по март 2018 года.

3 ноября на экраны кинотеатров вышла документальная картина «Млынарский: финальная песня», режиссер фильма — Алиция Альбрехт. Умерший в марте нынешнего года Войцех Млынарский был поэтом, сатириком, артистом кабаре. Он написал более трех тысяч текстов песен, которые в течение 50 лет составили хронику Польши и поляков. «В его песнях история ПНР отразилась четче, чем, например, в трехтомном романе», — сказал с экрана Януш Гловацкий. Фильм содержит последнее, очень личное интервью с поэтом и воспоминания друзей и ближайших сотрудников, а также неизвестные ранее архивные документы, фотографии, телевизионные материалы. Оператором фильма был внук Войцеха Млынарского — Тадеуш Кеневич.

В Быдгощи прошел юбилейный 25-й Международный фестиваль кинооператорского искусства «Camerimage» (11–18 ноября). «Это было восемь дней в раю», — дружно сказали организаторы. «Camerimage» — самый крупный и наиболее известный фестиваль в своей отрасли. За совокупность творчества был награжден оператор Джон Толл, двукратный обладатель «Оскара». Это его камерой сняты, в частности, «Тонкая красная линия», «Легенды осени», «Храброе сердце». «Золотую лягушку» получил в главном конкурсе венгерский фильм режиссера Ильдико Эньеди и оператора Мате Хербаи «О душе и теле», рассказывающий необычную любовную историю. «Серебряная лягушка» присуждена создателям фильма «Нелюбовь» — режиссеру Андрею Звягинцеву

и оператору Михаилу Кричману (жюри отметило фильм за «сдержанное и волнительно красивое решение авторами тематики криминальной драмы»). «Бронзовая лягушка» в главном конкурсе досталась авторам фильма, рассказывающего о геноциде в Камбодже, «Сначала они убили моего отца» (режиссер — Анджелина Джоли, оператор — Энтони Дод Мэнтл). Лучшим польским фильмом международное жюри сочло «Искусство любви. История Михалины Вислоцкой» режиссера Марии Садовской и оператора Михала Собоцинского.

21 октября во время торжественной церемонии во вроцлавском музыкальном театре «Капитоль» мы узнали, кто в нынешнем году стал лауреатом литературной премии Центральной Европы «Ангелус». Победителем признан русский писатель Олег Павлов за романную трилогию «Повести последних дней» (издательство «Noir Sur Blanc»). Премией отмечен также переводчик книги Виктор Длуский. Обосновывая решение жюри, его председатель Микола Рябчук подчеркнул, что выдающийся роман Павлова «показывает утрату человеком возможности действовать и его слабость в столкновении с государственным левиафаном, но одновременно — человеческую стойкость и упорство». Действие книги разворачивается на закате советской империи, в армии и в лагерях Казахстана. «Мрачная картина этого времени, с его ужасами и абсурдом, человеческим рабством, проясняется высокой пробы черным юмором, убедительностью психологических портретов героев и столь характерным для большой русской прозы солидарностью с простым, униженным, беззащитным человеком», — написали о романе Павлова учредители премии «Ангелус». Премию им. Натальи Горбаневской читатели присудили венгерской писательнице Андреа Томпа за роман «Дом палача», рассказывающем об опыте венгерской еврейки, взрослеющей в румынском Семиградье во время диктатуры Чаушеску. Литературная премия Центральной Европы «Ангелус» присуждается уже в течение двенадцати лет за лучшую книгу, опубликованную на польском языке в предыдущем году. Издатели могут выдвигать на премию произведения здравствующих авторов, родом из 21 страны Центральной Европы. Премия — это статуэтка Ангелуса Силезиуса работы Эвы Россано, денежная часть премии составляет 150 тыс. злотых для автора и 20 тыс. злотых для переводчика.

Присуждаемую всегда 11 ноября, в день праздника Независимости, литературную премию им. Юзефа Мацкевича получил в этом году Яцек Ковальский, автор книги «Сарматия. Сокрушение мифов: боевое наставление» (издательство «Зона Зеро»). Отличие получил Яцек Комуда за роман «Хубаль» (издательство «Фабрыка слув»). Яцек Ковальский (р. 1964), историк искусства, преподаватель Университета Адама Мицкевича в Познани, развенчивает сложившиеся веками мифы и легенды, связанные с эпохой сарматизма. В форме гавенды воссоздает аутентичную историю шляхетской Речи Посполитой XVII века, описывая и ее блеск, и ее темные стороны. Яцек Комуда (р. 1972), историк, прозаик, постоянный сотрудник еженедельника «До жечи», в котором ведет раздел посвященных культурной жизни фельетонов «Путешествие коронного кухмистера». Комуда рассказывает в своем основанном на фактах романе о майоре Генрике Добжанском, «первом партизане Второй мировой войны». Его герой — это не полководец, окруженный возвышенной легендой, а обычный человек — смелый, но не без слабостей. Премия, девиз которой — слова ее патрона «Только правда интересна», присуждалась в шестнадцатый раз.

Под заимствованным у португальского писателя Фернандо Пессоа девизом «Читаю и становлюсь свободным» прошла ежегодная, уже 21-я, Международная книжная ярмарка в Кракове (25–28 октября). У организаторов есть основания для радости: 70 тыс. посетителей, более 600 аккредитованных журналистов, 760 авторов и специальных гостей, 700 экспонентов из 20 стран. Почетным гостем ярмарки была Франция. Автографы можно было получить у современных писателей с берегов Сены — Эрика-Эммануэля Шмитта и Жофруа де Пенарта, а также польских — в частности, Ольги Токарчук, Эвы Липской, Адама Загаевского, Катажины Бонды, Марека Краевского, Ромы Лигоцкой, Лукаша Орбитовского.

На краковской ярмарке торжественно объявляется имя лауреата престижной премии им. Яна Длугоша (польский «Нобель» в области гуманитарных наук). На этот раз им стал Пшемислав Чаплинский, автор книги «Перемещенная карта» («Выдавництво литерацке»), посвященной ментальному образу Польши в польской литературе.

— «Перемещенная карта» — это книга, к которой должны обратиться не только любители литературы, но все интересующиеся современными метаморфозами и проблемами, связанными с польской ментальностью

и идентичностью. Польская литература в прочтении Чаплинского все это с чувствительностью сейсмографа регистрирует, представляет и определяет, — сказал в торжественной речи в честь лауреата председатель жюри премии проф. Рышард Ныч.

Во время торжественной церемонии в Театре им. Словацкого в Кракове автор получил 30 тыс. злотых и статуэтку резца проф. Бронислава Хромого. Специальной премией было отмечено «Выдавництво литерацке»: в течение двадцати лет книги, выпускаемые этим краковским издательством, чаще всего находились в шорт-листе премии им. Яна Длугоша.

В десятый раз присуждены «ПИК-овые лавры»^[1] — премия для журналистов, которые особо отличились в пропаганде книги и чтения. Конкурс организован ПИК в сотрудничестве с Краковской книжной ярмаркой. В нынешнем году лауреатами стали Яцек Лютомский (газета «Жечпосполита»), Матеуш Матышкович (телеканал «Культура») и Петр Колодзейчик, ведущий блог «Умные книги». Жюри присудило также специальную премию Янушу Джевуцкому из журнала «Твурчосць».

Проходившая в третий раз Силезская книжная ярмарка (10–12 ноября) собрала в Международном конгресс-центре в Катовице 144 экспонента, 108 авторов и рекордное число посетителей — 34 тыс. Почетным гостем была Венгрия. Катовице посетили, в числе иных, Дьёрдь Шоллоши, автор книги «Ференц Пушкеш. Самый знаменитый венгр» и венгерский поэт Иштван Кемени. Среди польских авторов были Катажина Бонда, проф. Ежи Бральчик, проф. Рышард Козёлек, проф. Тадеуш Славек, ксендз Адам Бонецкий, Якуб Жульчик, Яцек Хуго-Бадер, Сильвия Хутник. Примечательным событием ярмарки стала встреча с автором детективов Зигмунтом Милошевским, связанная с выходом его новой книги «Как всегда». Во время торжественного «Вечера экспонентов» был вручен «Лавр лавров» в связи с 18-летием «Силезского литературного лавра». Премию разделили Ольга Токарчук и «Выдавництво литерацке».

15 ноября Сенат Республики Польша принял решение по увековечиванию памяти Болеслава Лесмяна в связи с приходящимися на нынешний год 140-летием со дня рождения и 80 годовщиной смерти поэта. «Его творчество

относится к вершинным достижениям польской литературы, — отмечается в решении. — Ценность его поэзии определяется художественным мастерством, не только прекрасно использующим возможности польского языка, но и расширяющим его границы в такой мере, какой немногие художники слова сумели достичь в истории польской культуры; это ставит Лесмяна рядом с такими выдающимися польскими поэтами, как Ян Кохановский или Адам Мицкевич». Болеслав Лесмян (1877–1937), автор, в частности, написанных в прозе сказок и любовной лирики, — ведущий представитель польской литературы межвоенного двадцатилетия. В 1933 году был избран членом Польской академии литературы.

«Городской бунт. Авангард в собрании Национального музея в Варшаве» — таково название выставки, которую с 27 октября могут посмотреть жители столицы. Представлена подборка наиболее ценных работ на бумаге (рисунки, тиражная графика, фотография, фотомонтажи), выполненных художниками, составлявшими авангардные группы Второй Речи Посполитой. Как пишут организаторы, «вместе с обретением Польшей независимости в 1918 году, в атмосфере общего брожения, лихорадочного энтузиазма, а также неуверенности в завтрашнем дне, художники авангарда жаждали создавать новое искусство для нового человека. Художественная жизнь молодого государства концентрировалась в главных центрах — в Варшаве, Кракове, Львове, Познани и Лодзи. Выставка представляет авангардные группы этих городов, напоминая о творчестве выдающихся фигур: Леона Хвистека, Титуса Чижевского, Анджея Пронашко, Станислава Игнация Виткевича (Виткация), Генрика Стажевского, Владислава Стшеминского, Марека Влодарского. Очерчивается карта отношений, которые устанавливали между собой художники, а также прослеживается рост и развитие авангардных идей от экспрессионизма и формизма, через конструктивизм — вплоть до сюрреализма». Выставка работает до 21 января 2018 года.

С 16 ноября в Еврейском историческом институте им. Эммануэля Рингельблюма в Варшаве можно посмотреть выставку под названием «Что мы не могли крикнуть миру», представляющую оригинальные документы из подпольного архива Варшавского гетто и не демонстрировавшийся ранее киноматериал. В 1946 году из-под развалин дома номер 68 по улице Новоліпье на бывшей территории гетто извлекли десять металлических ящиков. Это была первая из двух найденных

частей конспиративного архива Варшавского гетто, в обиходе называемого Архивом Рингельблюма. Вторая часть архива была обнаружена в 1950 году. Эммануэль Рингельблюм, историк и исследователь польско-еврейских отношений, основал во время немецкой оккупации подпольную группу «Онег шабат» («Радость субботы»), которая документировала и собирала сведения о жизни гетто, а также вне его. В ящиках и молочных бидонах было спрятано свыше 20 тысяч документов, в том числе рисунки и фотографии. Название экспозиции отсылает к словам Давида Грабера, члена группы «Онег Шабат»: «То, что мы не могли крикнуть миру, мы закопали в землю». Давиду Граберу было 19 лет, спешно закапывая последние ящики и бидоны с отдельными частями материалов, он питал единственную надежду — что «будущие поколения будут вспоминать наши страдания и боль, что во время общей гибели нашлись люди, у которых хватило смелости на такую работу».

В торжественном открытии выставки 14 ноября принял участие президент Польши Анджей Дуда с супругой. Президент, в частности, сказал: «Открывающаяся сейчас долгосрочная экспозиция, где представлены документы Архива Рингельблюма, — это очередной важный шаг в возвращении памяти о мире, который по воле гитлеровских преступников должен был исчезнуть навсегда. Но он выстоял — для памяти Речи Посполитой. Более того, он выстоял, прежде всего, для памяти мира. Я здесь сегодня как президент Польши, как президент Речи Посполитой, потому что глубоко убежден — наша обязанность — сказать правду о Катастрофе еврейства. Таким образом мы в чем-то продолжаем дело Эммануэля Рингельблюма и его соратников по „Онег Шабат”». Выставка будет открыта до 8 декабря 2018 года».

Прощания

5 ноября в Катовице скончался проф. Валеры Писарек, выдающийся языковед, исследователь периодической печати, почетный председатель Совета польского языка. Он опубликовал около 700 работ — статей в широкой прессе, рецензий, языковых консультаций, научных статей, монографий и учебников. Был также автором ряда изданий орфографического словаря. Ему принадлежит свыше 20 книг, в числе которых «Изучить прессу по заголовкам», «Риторика журналистики», «Введение в науку о коммуникации». Он воспитал несколько поколений журналистов. Студенты вспоминают его как выдающегося преподавателя, с безупречными манерами и исключительным чувством

юмора. Проф. Писарек умер во время церемонии присуждения званий «Посол польского языка», которым отмечаются люди, заботящиеся о красоте речи. Ему было 86 лет.

5 ноября в Варшаве в возрасте 96 лет умер Роман Братный (собст. Роман Мулярчик), участник Варшавского восстания, писатель, автор известной книги «Колумбы. Год рождения — 1920-й». Изданная в 1957 году, она явилась первым серьезным романом о солдатах Армии Крайовой. На ее основе Януш Моргенштерн снял знаменитый фильм под тем же названием. После войны Братный окончил Академию политических наук в Варшаве, сделал карьеру как лояльный системе литератор и журналист. Феномена «Солидарности» не понимал, о чем свидетельствует его спорный роман «Год в тюрьме», где события начала 80-х годов описываются с точки зрения уголовника. Среди других заметных романов писателя «Счастливые мученики», «Снега текут», «Черновик», «Бездомным собакам», «Голый май», «Ангел в сапогах со шпорами». За несколько дней до кончины Братный сказал: «На самом деле я умер в 1944 году, двадцатилетним. Остальное — это добавка, бонус, премия, которая мне досталась. Большинство моих друзей ее не получили, хотя заслуживали этого больше, чем я. Достаточно, потому что перед ними мне и в самом деле неловко. Наверное, кроме этих слов, нельзя ничего сказать».

8 ноября в Варшаве умер Януш Клосинский, актер театра и кино. Он снялся в нескольких десятках фильмов, был мастером ролей второго плана. Его прославили роли в сериалах «Четыре танкиста и собака» (советский старшина Черноусов), «Яношик» и «Сорокалетний». Среди его работ — роли в фильмах «Баллада о Янушке», «Кукла», «Путешествие за улыбку», «Рукопись, найденная в Сарагосе» и другие. Янушу Клосинскому было 96 лет.

13 ноября в Варшаве скончалась Алина Яновская, выдающаяся актриса, участница Варшавского восстания. Во время оккупации она была арестована гестапо за помощь в укрывании евреев. Дебютировала в 1946 году в знаменитом фильме «Запретные песни». Так началась карьера одной из самых популярных польских киноактрис, продолжившаяся «Последним этапом», «Сокровищем», «Тупиком»,

«Самсоном», «Поздними прохожими», «Дульскими», «Дятлом», «Контролируемыми разговорами». Алина Яновская снималась также в сериалах «Домашняя война», «Сорокалетний», «Ставка больше, чем жизнь», «Кукла», «Злотопольские». Наделенная обаянием и чувством юмора, актриса была также звездой кабаре — «Скворец», «Буффо», «STS», «У Лопека». Алине Яновской было 94 года.

1. ПИК — «Польска изба ксёнжки» — Польская книжная палата — Примеч. пер.

Третьей степени

Благодаря розетке кабель выходит на связь с Невидимым, ибо что-то его опутало (такая штука, как кабель, всегда сама все запутывает), и нужно помочь ему стать прямее, вернуться в гнездо. И когда на экране видны первые знаки и степени посвящения, я думаю, что нечто подобное было давным-давно, когда некто узрел в ослеплении (солнце — носитель энергии) нечто, результатом чего стала книга, еще одна книга (это такой экран, только старой модели). Тогда тоже, как и сейчас, речь шла об отправке данных. Сегодня это послание мы можем увидеть сразу, даже дотронуться до него (тактильный дисплей, огромный, как Иисус из Свободзина^[1], специально для маловеров черты его, словно раны), и на этот экран смотрю я, как на картинку, и именно с ним контактировать предпочитаю при помощи запутавшегося, как всегда (работа Невидимого, который в такие минуты чем-то дьявола напоминает, делая все, чтобы мы не сразу дошли до сути?), кабеля, ведь должно что-то быть гарантировано, раз уж гарантии нет.

Перевод Игоря Белова

-
1. Статуя Иисусу Христу Царю Вселенной в Свободзине, установленная в 2010 г., является самой большой статуей Христа в мире. Ее высота составляет 36 метров — Примеч. пер.

Выписки из культурной периодики

Озираясь в пространстве культурной публицистики и пробуя отыскать какие-то существенные голоса, я должен признать, что испытываю немало трудностей. Возможно, это результат увядания литературной критики — особенно в изданиях, предназначенных широкой публике, в еженедельниках и даже в газетах с тиражом, позволяющим обратиться к более широкому кругу, чем одни лишь читатели культурно-художественных изданий с небольшим тиражом, выходящие в свет в количестве около 800 экземпляров (но и такие тиражи, пожалуй, следует считать приличными — при населении ок. 40 млн человек). Меня, впрочем, это все меньше удивляет, поскольку аналогичные наблюдения можно провести и во Франции, и в Германии: разделы культуры ужались до размера заметок типа «Мир увлечений». Возможно, именно такое у нас *signum temporis*.

И все же — кто старательно ищет, тот находит. Правда, журналисты сами о художественных явлениях не пишут, но время от времени их посещает идея поговорить с человеком искусства. Так что порадовало интервью под заголовком «Развести руками», которое дал еженедельнику «До жечи» (№ 46/2017). Ярослав Марек Рымкевич, чей последний поэтический сборник «Метемпсихоза. Вторая книга восьмистиший» только что вышел в свет. Причем автор и при разговоре вписывается в ритм времени: в следующем году будет отмечаться 100-летие обретения Польшей независимости, и Рымкевич, говоря о своей новой книге, не случайно отмечает: «Я в предыдущем сборнике восьмистиший, «Конец лета в одичавшем саду», поместил стихотворение «Год 1918 — начало жанра», в котором речь идет о том, как все началось в XX веке: молодой Ивашкевич приезжает в Варшаву и привозит с свои октавы; идет в кафе «Под пикадором» и там встречает Слонимского и Лехоня. Однако не Ивашкевич привнес в польскую поэтическую речь эту форму, не он ее сюда доставил. Она была известная давно. (...) Как раз завершилась эпоха «Молодой Польши», эпоха Казимежа Пшервы-Тетмайера (которого тогда считали великим поэтом), но Ивашкевич как-то этого не замечал — особенно того, что язык, которым он пользуется, это язык конца, а не начала. Мои октавы с формой

Ивашкевича не имеют ничего общего, разве что форму — это тоже восьмистишия».

А метемпсихоза, разновидность реинкарнации? Писатель говорит об этом так: «Литература — по крайней мере, наша, здешняя, средиземноморская — уже много веков отвечает на разные важные вопросы, касающиеся нашей судьбы. И даже, возможно, для этого существует, именно для этого греки ее когда-то придумали, чтобы отвечала, как греческие оракулы, на последние вопросы. И эти ее ответы бывают часто очень интересными, даже поразительными, но когда мы движемся через годы, когда становимся всё старше, то в результате оказывается (и только тогда мы отдаем себе в этом отчет), что о том, что самое главное — о собственном бытии здесь — мы не узнали ничего. Не только литература, но и мир не отвечает (даже, мне кажется, не собирается отвечать, словно бы это его и не интересовало или он не знал ответа) на важнейший вопрос нашей земной судьбы: зачем мы здесь и почему нас здесь не будет? (...) Я не знаю, зачем я явился на свет, и не знаю, почему исчезну. И почему именно я здесь, а не кто-то другой на моем месте? У меня такое чувство, что уже довольно много времени моя поэзия вращается именно вокруг этого вопроса о существовании. Откуда берется существование и где исчезает? Однако не столько вращается, сколько беспомощно ковыляет. Это старый вопрос романтиков, романтических философов и поэтов. Словацкий большую часть своей короткой жизни посвятил формулированию и рассмотрению, со многих сторон, этого вопроса. Наконец признал, что надо подходить к нему метемпсихически, что метемпсихоза, хотя, может, не исчерпывающе, но как-то объясняет наше здешнее существование и все наши предшествующие и будущие воплощения. (...) Когда-то, в молодости, мне казалось, что я что-то знаю — что мир, его существование удастся объяснить, а стало быть, и мое существование кое-как объяснимо. Я тогда мыслил исторически, даже исповедовал радикальный историзм, был историком литературы и свое существование трактовал как исторический факт, объяснял его исторически. Этого мне было достаточно. Сейчас, если я что-то и знаю, так только то, что я отсюда уйду, не понимая, зачем сюда пришел, зачем здесь был. Я не вижу никакого смысла в факте моего появления на свет и — что за этим следует — не вижу никакого смысла в появлении на свет любого иного существования. В этом нет никакой необходимости, что-то может быть или не быть, и из этого бытия или небытия ничего не следует. Кто-то скажет, что это декларация радикального нигилизма. Однако же я не нигилист, потому что спрашиваю и хочу добиться ответа, а мир мне отвечает: не будешь знать, потому что

именно таково твое предназначение. Так что получается, что из нас двоих нигилист — это мир, а не я».

Должен признаться, что интервью Ярослава Марека Рымкевича мне всегда интересны с точки зрения их радикально переломного характера. В 1982 году, на страницах иезуитского ежемесячника «Пшеглэнд повшехны», он объявил о своем разрыве с историзмом, на что тогда мало кто обратил внимание: этот очень важный голос утонул в вихре событий военного положения. В 90-е годы Рымкевич открыл в себе мессианство национального поэта-пророка: во время одной из бесед показывал на свой письменный стол как центр величайшей концентрации польскости, а в стихах поддерживал усилия Ярослава Качинского в направлении изменения национального духа, указывал на опасность разложения, идущую с Запада, и предостерегал от опасности с Севера. В прозаико-эссеистическом мицкевичевском цикле отыскал корни современной Польши в «Новогрудском повете», противопоставляя это Польше, которой мог бы патронировать Ян Кохановский. Сегодня предъявляет миру обвинение в нигилизме, признаваясь, что сам не понимает, зачем он в нем появился. Разводит руками... В сущности, повторяет за Сократом: «Я знаю, что ничего не знаю».

А чтобы было веселей, обложка этого номера «До жечи» украшена крикливым аншлагом: «Леваки опять впали в амок. Домогательство — новая навязчивая идея». Не удивляюсь, в конце концов, вопрос отношений мужчин и женщин и высмеивание людей, полагающих, что сексуальное домогательство — это поведение, достойное быть заклеяменным современным журналистом, — вопрос большей значимости, чем философские терзания поэта. Но в результате можно эти области опыта друг с другом аккуратно совместить, доказательство чему — опубликованное в «Газете выборчей» (№ 268 за 2017 год) интервью «Легенды к обеду и ложь на исповеди» с прозаиком Игнацием Карповичем, автором недавно вышедшего романа «Любовь». В отличие от старшего коллеги (возможно, именно в силу возраста), Карпович все-таки обнаруживает смысл существования — в любви: «Когда я думаю о любви, которая, внезапно и неожиданно, появилась в моей жизни, заставив переоценить абсолютно все, меня поражает вот что: мой мир стал проще и упорядочился сам в себе. Оказывается, что от правды не умирают и не покрываются сыпью. Чудесно, что я открыл это накануне сорока. (...) Я разрешил доверять сам себе. И отбросил щит иронии. Иными словами, я перестал бояться. Красота в мире, только что выбравшемся из войны, с огромным трудом выделяется из

топорной действительности, правда сводится к повторению пропагандистской лжи, добро возможно только в сказке. Я не лукавлю и не прячусь за отговорками, а утверждаю факт: роман — это очень сложная форма экспрессии, серьезность и ирония не должны в нем противопоставляться, а напротив, часто идут рука об руку. (...) Любовь — это мотор, сила, которая подталкивает нас к добру, правде и красоте. Если не будет одного из этих элементов, и остальные измельчают. (...) В иронический период моего творчества я не верил, что литература имеет какое-либо влияние на читателей. Сейчас, отбросив кавычки, модифицировав основы чувства юмора, я верю, что сила ее воздействия не полностью нулевая».

Один из базовых вопросов романа — это признание (героя, автора?) в собственных гомосексуальных склонностях: «Безопасно ли... Наверное, намного проще, чем в реальной жизни. Но одновременно описать каминг аут так, чтобы было не надуманно и правдоподобно, чертовски трудно. Мне не попадалось — во всяком случае, в польской литературе, да и не в польской это редко — хорошей сцены, в которой сын приходит к матери и говорит, что он гомосексуалист. (...) Я жил одновременно в двух мирах — семейном, захолустном, где каминг аут был невообразим, поскольку тема гомосексуальности не существовала, и в мире большого города, где дело считалось решенным и требовалась абсолютная храбрость и искренность в этом вопросе. В тех романах я описал мир вполне эмансипированный, несколько утопичный. В более ранних «Жестах» была отражена мечта о любовном союзе двух мужчин — может быть, намеками, не очень определенно. «Любовь» перебрасывает мостик между этими романами. И, возможно, не только между моими книгами, но и между мирами, в которых мы живем. (...) Ведь пока отнюдь не так, чтобы вопрос гомосексуализма у нас был решен. В рамках общества, вне анклавов и интернет-сообществ, мы даже не начали его решать. (...) Видите ли, литература и жизнь идут рука об руку, но не в масштабе один к одному. Когда я писал «Любовь», то провел тест. Я записал в стиле нон-фикшн неделю моей жизни, очень удачную, без особых неприятностей. И оказалось, что это полностью невероятно! Записанная, моя подлинная жизнь оказалась невероятной. Чтобы текст стал правдивым, он должен подвергнуться отделению от реальности. Как сказал Джулиан Барнс, роман — это ложь, которая говорит правду». И в завершение интервью: «Мне нечего терять; возможно, я ничего не выигрываю, но выбор невелик: могу лгать, могу молчать или говорить правду. Я выбрал правду, хотя не намерен осуждать иные способы существовать в мире».

Как видно, мы имеем дело с двумя совершенно разными взглядами на литературу, однако в обоих случаях — не считая принципиальной разницы в установках — можно найти и общее: литература как в экзистенциальном, так и в метафизическом измерении должна исходить из индивидуального свидетельства. Это как будто очевидно, но не до конца: кажущееся нам в писательских нарративах точным отражение положения дел, в которых автор участвует, подвержено воздействию деформирующей действительности позиции автора романа, или искажается избираемой писателем формой передачи событий, или искажается самим автором. Реальность, как обычно, ускользает от слов.

Ангел с телевидения

С Михалом Анёлом Богуславским
беседовала Сильвия Кшемьяновская

Фото: архив М. Богуславского

Михал Анёл Богуславский (1931–2016) — легенда польского телевидения, один из самых важных и самых заслуженных его творцов, штатный сотрудник Польского телевидения с 1953-го по 2000 г. Выпускник факультета режиссуры Государственной высшей школы кино, телевидения и театра в Лодзи. Режиссер, журналист, заместитель главного режиссера Польского ТВ, заместитель генерального редактора телевизионного театра, директор Центра обучения и усовершенствования кадров Польского телевидения. Выдающийся педагог. Лауреат 54 наград и премий, которыми его отметили на родине и за рубежом. Награжден золотой медалью «За заслуги в культуре Gloria Artis».

— Ты — живая история польского телевидения, одна из нескольких легендарных фигур, которые стояли у его истоков.

— Да, можно сказать, Михал Богуславский родился для того, чтобы работать на телевидении с самого начала существования

этой структуры, и я проработал там максимально долго, а именно — 48 лет. Можно также сказать — какая жалость, что я не записывал всех тех событий, которые происходили на протяжении стольких лет. Память ненадежна, она подводит, а это был бы документ, показывающий, как бурно развивалось телевидение, как за все эти долгие годы менялся его характер, а также свидетельствующий, что телевидение в Польше развивалось иначе, чем во всем мире. Почти везде оно начиналось с транслирования информационных программ, тогда как в Польше самым важным считался телевизионный театр.

— *Знаменитая «Кобра» — это ведь театр детективных спектаклей.*

— «Кобра»^[1] — это уже несколько более поздняя история, но, коль ты сама вспомнила о ней, то замечу, что я лично поставил в качестве режиссера 19 или 20 спектаклей этого многолетнего цикла. Детективы надо делать очень точно, и они служат превосходным тренингом режиссерского мастерства — вроде тренинга физической кондиции для спортсмена.

— *Почему телевидение?*

— Шел 1953 год, я окончил Государственную высшую школу кино, телевидения и театра в Лодзи — факультет режиссеров любительских театров, позже — какое-то время практиковался в доме культуры города Еленя-Гура, причем как выбор факультета, который я оканчивал, так и работа в доме культуры были продиктованы тем, что с самого начала мне хотелось заниматься чем-то местным, провинциальным, чем-то таким, что функционирует скорее на периферии, вдали от столиц и что по прошествии многих лет появилось в качестве ведущей темы целого цикла телевизионных программ и репортажей под названием «Малые родины».

Моя первая жена, работавшая тогда на радио, сказала, что формируется новая редакция, которой предстоит заниматься телевидением. Я спрашиваю: «— Чем-чем? — Телевидением! — Но что такое — телевидение?».

Сегодня говорится о 6 тысячах сотрудников на телевидении, а когда я начинал там работать, то был 16-м по счету сотрудником, включая техническую службу и столяров.

В существовавшем тогда экспериментальном центре моя задача состояла в следующем: присматривать за всеми выступающими и проверять, не идут ли невзначай репетиции

в эфир. Разумеется, случались глупые ляпсусы и даже чуть ли не фиаско. К числу моих функций принадлежало, кроме всего, еще и посещение тех заводских или фабричных клубов, где имелись телевизионные приемники, с целью их регулировки. Стоя как-то в зале одного из таких клубов и настраивая телевизор, я вдруг слышу, что моя начальница стоит рядом с тамошним директором у самого микрофона и что они сплетничают, словно нанятые, по поводу моей персоны, а я слышу всё это, поскольку их разговор идет в прямой эфир. А однажды у меня прямо в ходе программы вспыхнула и запылала рождественская елка или, скажем, актер Ясюкевич, швыряя в своего коллегу Петрашкевича торт с кремом, промазал и попал прямо в томатный суп, а пьеса требовала, чтобы тот съел этот нетрадиционный супец прямо перед камерой, и бедняге пришлось, с трудом сдерживаясь, глотать получившееся месиво.

Всё, что мы передавали, шло прямиком в живой эфир; запись программ началась лишь с 1960-го года.

— Сегодня трудно даже вообразить, что телевидения могло не быть.

— Когда я начинал работать на телевидении, во всей Польше имелось 30 телевизионных приемников — понятное дело, не в частных домах, а в тех самых клубах на предприятиях. Программа транслировалась в прямом эфире, поначалу в течение получаса, а потом и целый час — еженедельно, по пятницам в 17 часов. Первые аппараты были маленькими, с экраном не больше почтовой открытки, в наши дни невозможно себе представить, каким образом полсотни человек, набивавшихся в помещение клуба, умудрялись что-нибудь на нем разглядеть.

Сегодня кажется немыслимым, что телевидение могло не существовать, — точно так же, как для наших предшественников невообразимой была жизнь без электричества.

Вначале в телевизионной редакции возникла идея проводить среди зрителей опросы, чтобы выяснять, нравится им передаваемая программа или нет. Последующие выпуски этой программы должны были формироваться на основании собранной таким путем информации. Разумеется, подобный подход был достаточно обманчив, но вместе с тем бывало забавно — люди во время наших встреч задавали вопросы, каким же образом картинкам удается летать по воздуху так, что они долетают до того ящика, который стоит в клубе!

Позднее, после клубов, настала эпоха соседского телевидения. Телевизоров тогда было мало, всего один-два на целую улицу или подъезд, соседи приходили к соседям, причем обычай настолько распространился, что некоторые владельцы телевизоров затевали вокруг этого целый бизнес, взимая плату за просмотр передач.

Тадеуш Пшевловский, создатель телевидения и одна из самых важных фигур в истории польского телевидения, напечатал в журнале «Антенна», где еженедельно публиковалась телевизионная программа, мою фотографию и написал, что Михал Богуславский мечтает о многокамерной съемке, которую в ту пору именовали мультителевидением.

Многокамерная съемка была тогда чем-то абсолютно невообразимым, никто не мог себе представить, что в процессе реализации программы на одном экране можно будет поочередно видеть изображение с нескольких камер. Сегодня это очевидно всем: когда смотрят спортивную передачу, на экране можно лицезреть и бегунов и судью-стартера. Тогда это было мечтой.

— Телевидение, любимый канал или программа — для большинства зрителей это прежде всего лицо диктора, ведущего или журналиста, которое им знакомо. На протяжении многих лет ты занимался преподаванием, обучая секретам журналистского искусства и поведения перед камерой тех, кто впоследствии благодаря переданным им знаниям возник на экране и добился успеха.

— Дело это началось само по себе. Работать на телевидение приходили самые разные люди, приходили из театра или после обучения на журналистских факультетах, и первое, чего они хотели, — это получить какую-то квалификацию, чему-нибудь научиться, так что педагогом, преподавателем я стал по необходимости. Мне вовсе этого не хотелось, но так уж оно устроено, что, если человек вроде меня с чем-нибудь соприкоснется, чему-нибудь обучится, то впоследствии он должен передавать эти знания дальше.

Часть создателей польского телевидения вспоминает контакт со мной как с симпатичным человеком, который учил их отличать микрофон от камеры, а актеров учил иному способу поведения перед камерой, чем на сцене. Позднее я стал уже в постоянном режиме заниматься не только реализацией телепрограмм, но и дидактикой. С 1965 г. я преподавал телевизионное искусство и журналистику у Збигнева Мицнера, который был в ту пору деканом факультета журналистики

Варшавского университета, находившегося в варшавском Дворце культуры и науки^[2]. Именно тогда мне довелось как-то раз очутиться у него на ковре, так как несколько студенток обратились к нему с жалобой на меня, что, мол, этот профессор Богуславский страшно ругается на занятиях. Мы с г-ном деканом выпили по чашечке кофе, и он очень деликатно попросил, чтобы я, принимая во внимание присутствие в аудитории юных студенток, попробовал вести лекции чуточку менее энергично. Я вернулся на занятия и рассказал моим студенткам шутку о султани и евнухе, который ябедничал своему повелителю и вечно доносил на очередных наложниц, — доносил, доносил и... рухнул от изнеможения, ведь тот, кто доносит, плохо кончает. Тут я пробежался по залу лукавым, хитрым взглядом — и все девушки, не сдержавшись, прыснули смехом. Я всегда считал, что выразительные средства должны быть адекватны передаваемому содержанию. И если кому-то хочется подчеркнуть что-либо с особой четкостью и убедительностью, то употребление нецензурного слова очень в этом помогает.

Вернемся, однако, к дидактике, еще я обучал операторскому мастерству и искусству поведения перед камерой — можно сказать, всему понемногу, а также журналистскому ремеслу в целом. И здесь я расскажу тебе об очередном юмористическом происшествии — как моя жена Кристина Богуславская «дисквалифицировала» меня в качестве преподавателя. На телевидении мы реализовали неплохой цикл программ (который, кстати, позже поспособствовал свержению в стране государственного строя) — он назывался «Час искренности», а потом «Без апелляции». И вот мы вместе с Михалом Шурчевским и Юреком Амброзовичем должны были поехать в Белосток и отснять там для этого цикла материалы к телефильму про одного провизора. Но в то же самое время у меня в расписании стояло занятие со студентами. И вот в последний момент я говорю своей жене Кристине, чтобы она меня подменила и что надо рассказать об основных принципах монтажа. Крисия в ответ на мою просьбу заявила, что об этом не может быть и речи, поскольку у нее нет преподавательских способностей, а я ей на это, что она попросту обязана, потому что студенты придут на занятия, и что тогда? Словом, жена согласилась и пошла, а я предварительно рассказал ей всё, что надо, — мол, в твоём распоряжении будут две камеры, студия, свет, и от тебя потребуется только сделать с ними такое-то упражнение. И вот возвращаюсь я из Белостока со съемок, гоним мы по трассе старым вартбургом^[3] Амброзовича, я его понукаю: «Юрек, поезжай быстрее, там моя благоверная не справляется, мучается». Наконец, мы доехали... К сожалению,

уже только к самому концу занятий. Я вхожу, а Крисия стоит, окруженная полуколем студентом, причем они меня не видят, потому что стоят лицом к ней, а я позади, и тут я слышу чей-то голос: «Как хорошо вы все объяснили! А то раньше профессор Богуславский рассказывал нам про эти вещи часами, а мы никак не могли понять, что к чему и о чем он толкует».

Вот так моя жена дисквалифицировала меня как университетского преподавателя и лишней раз подтвердила, что для обучения журналистике необходима практика, а не теория. Зато, если говорить о дидактике вообще, то, помимо студентов, мы занимались также с телеведущими и дикторами, которые по всему миру и в любой телевизионной сети являются чрезвычайно важными персонами.

— Какие факторы, кроме хорошей дикции, играют решающую роль в том, чтобы кто-то мог стать ведущим?

— Качество определенной телепрограммы, ее класс и уровень, степень приятия и одобрения, рецензии и отзывы, рейтинг и «смотрибельность» — всё это в огромной мере зависит от внешнего вида, манеры поведения, одежды, мимики, способа произнесения текста и экспрессии того человека, который в данной программе выступает в качестве ведущего. Научить всему вышеперечисленному можно лишь в незначительной степени, а в большей и по сути дела определяющей степени эти вещи даются таким людям Господом Богом или родителями. У кого-то конкретного такой талант есть или же его нет. Человеку либо дана экспрессия, которую другие люди принимают и одобряют, либо не дана, и это трудно изменить. Пришлось бы в структуру личности вносить такие изменения, после которых этот человек стал бы вести себя неестественно. Если бы вдруг я предложил тебе уменьшить твои зрачки и увеличить радужную оболочку, вдобавок изменив ее цвет с зеленого на голубой, ты не одобрила бы этого, потому что стала бы чувствовать себя ненатурально, искусственно.

Существует нечто такое, как стереотип красоты, и точно так же существует стереотип поведения на телевизионной картинке. Но вместе с тем существует и теория, провозглашающая необходимость противостоять данному стереотипу. Например, на польском телевидении в качестве такой индивидуальности возник и обрел изрядную популярность Ежи Овсяк, создатель Большого оркестра праздничной помощи^[4], — человек, который являет собой полное отрицание традиционного стереотипа, у него скверная дикция, он плохо говорит, заикается, а ведь дикция должна быть очень хорошей.

Нынче вместо стереотипов на ТВ иногда вводят характерную индивидуальность, хотя, разумеется, доминирующим и весьма желательным фактором по-прежнему остается красота. Выбор осуществляется в соответствии с канонами, действующим повсеместно в качестве обязательного. И здесь я опять-таки могу привести довольно забавную историю о телеведущей, которая пришла ко мне еще в то время, когда посещала мои занятия, и, рыдая, выдавила из себя, что она, пожалуй, не годится. Мне удалось убедить девушку, что она оценивает себя не совсем верно. В результате она таки стала ведущей и в ходе информационных выпусков представляла новости. В какой-то момент один из руководителей ТВ пришел к выводу, что она слишком привлекательна, и что ее красота и экспрессия приводят к тому, что никто ее не слушает. Реальная причина ее увольнения была, конечно же, совсем иной, но к этой подлинной подоплеке приделали такую вот «теорию». Именно тогда возникло шутовское высказывание: «Красавицы — на радио, уродины — на телевидение». Как видишь, всё можно интерпретировать так, как хочется.

— Мы говорили о первых шагах телевидения и твоей преподавательской деятельности, но ведь главное — это работы, созданные выдающимся режиссером и журналистом.

— То, что я действительно считаю существенным вкладом и моим главным творческим достижением, я смог сделать благодаря моей ныне уже покойной жене Кристине Богуславской. Это серия экспериментальных поэтических программ «Поэты оккупации»^[5]. И, само собой разумеется, «Малые родины» — наиболее важный и значимый мой проект.

— Как возник замысел цикла «Малые родины»?

— Замысел родился в министерстве культуры сразу после 1989 г. Его авторами стали бывшая министр культуры Изабела Цивинская, заместитель министра Стефан Старчевский и работавший во многих жанрах художник Витольд Хмелевский из Торуня, точнее, из действующей в Торуне особой институции, а именно, факультета художественных искусств при университете, причем это не отдельное учебное заведение, как в Варшаве, а университетский факультет. Из этого вытекают и совершенно иная дидактическая программа, и иные методы обучения.

Замысел заключался в том, чтобы организовать конкурс на проекты развития своего ближайшего окружения, малой родины. При этом имелось в виду главным образом культурное развитие, но вместе с тем и социальное, и хозяйственно-

экономическое развитие, а также развитие активного взаимодействия между людьми, которые проживают в какой-то местности и являются соседями. Конкурс объявили, в нем могли принимать участие все местные сообщества, представители любой среды. Предполагалось, что главным адресатом указанного конкурса будут неформальные круги, и задумка состояла отнюдь не в том, чтобы обратиться к муниципальным органам самоуправления, властям гмины или повета, конкретному костелу, школе либо дому культуры. Адресатами выступали не учреждения, хотя и они могли ими быть. В результате к нам обращался кто угодно, даже самозванные любительские ансамбли. Мы скомплектовали жюри для оценки проектов, которые поступали в письменном виде. Оно выделило и отметило десятка полтора, а может даже несколько десятков предложений, поскольку конкурс получил огромный отклик. Из этих десятков отбиралось несколько самых интересных и, судя по описанию, наиболее необходимых. Критерии были разными. Мы выезжали на места, чтобы увидеть, насколько изложенное в проекте находит отражение в реальной действительности. Не написано ли слишком уж красиво, нет ли фальсифицирования? Ведь человек, наделенный литературными способностями, мог превосходно описать свой проект и победить кого-то, кто делает нечто намного более нужное и любопытное, но не умеет описать.

— *И тут обратились к тебе.*

— Да, обратились ко мне, чтобы развеять подобные сомнения, и чтобы я как человек, заинтересованный делами, которые касаются местных сообществ, и одновременно как представитель телевидения занялся популяризацией данной идеи. Я сказал, что замысел хорош, но всё это следует трактовать вовсе не так, а по-другому — надо качественно реализовать добротный цикл документальных фильмов, которые были бы своеобразными кинопортретами тамошних людей, инициатив, мест. В итоге возникло 180 фильмов, образующих цикл «Малые родины — традиция ради будущего», и 30 программ под общим названием. «Наше место», которые были некой мутацией программы «Малые родины». Все это благодаря нескольким активным людям, которые были поборниками низовой общественной активности, иными словами, движений, идущих снизу и отталкивающихся от понятия малой родины. Так возник данный цикл, портретирующий разные социальные круги, разные места и разных лидеров глубинной активности, которые принимали участие в конкурсе. Ко мне приходили режиссеры или

журналисты и говорили, что им хорошо знакома такая-то и такая-то местность, представляли проект фильма и сценарий, а мы у себя в коллективе подвергали всё это верификации. Большинство упомянутых фильмов — вовсе не тривиальные портреты мест, которые победили в конкурсе. Вся эта история началась с того, что я усомнился в ценности самого исходного замысла, который лег в основу конкурса, и сказал, что эта идея — какая-то искусственная, поскольку как можно сравнивать, к примеру, районы и микрорайоны Варшавы с сельским поселением, насчитывающим какой-нибудь десяток халуп, или курорт, живущий благодаря активности совсем иного рода, весь нацеленный на клиента, на продажу, с каким-нибудь сильно запущенным и испытывающим большие трудности местом. И действительно, подобная несопоставимость причиняла членам жюри больше всего хлопот. Как-то с этим справились, но я по сей день уверен, что в первом сезоне конкурса не наградили десяток-полтора проектов, причем очень хороших, зато несколько таких, которые попали в финал, не заслуживали такого поощрения. Но это обстоятельство не изменило моего, в целом, одобрительного отношения к конкурсу. Всегда существует определенный риск, что кто-то мог нас обмануть, но в целом конкурс вызвал во многих местах низовую активность, побудил местных жителей к действию и уже потому явился ценностью сам по себе — люди начали заражаться такой активностью, и всё это по-прежнему продолжается. Нет в Европе второго такого телевидения, которое с помощью 180 кинопортретов представило бы миру свою отчизну. Кое-что в этом роде немного пробовали делать во Франции, да и в Германии тоже, но не в таких масштабах, как у нас. Когда я разослал по странам ознакомительную кассету с фрагментами «Малых родин», за рубежом высказали огромное одобрение и удивление — каким образом нечто подобное может возникнуть в Польше.

— *А где «малая родина» Михала Богуславского?*

— Моя малая родина пребывает во многих местах, потому что и душа у меня тоже существует на многих уровнях. Особенно близким для меня местом является Торунь. И Подкова-Лесьна в каком-то смысле тоже.

— *После завершения работы на телевидении и цикла репортажей «Малые родины» тебе не дали возможности почивать на лаврах, и ты с увлечением занялся документированием местной активности в Подкове-Лесьной.*

— Да, эта тема — и вообще всё, что делается в малых сообществах, — испокон веков была мне особенно близкой.

Кроме того, я 50 лет проработал, занимаясь съемками и монтажом, так что, пожалуй, вряд ли сумел бы без этого жить.

— Наш разговор нетипичен, мы знакомы по-соседски в течение всей моей жизни, я неизменно помню тебя шагающим в сопровождении ваших больших собак, подгалянской овчарки, сенбернара и немецкого дога, которые носили в зубах корзины с покупками. Или же мчащимся по улице на головокружительной скорости, с писком и визгом шин. А эти наши разговоры я записываю уже на протяжении нескольких лет, мы начинали, еще когда была жива твоя жена Кристина. И кое-что фиксирую на бумаге. Ты не всегда разрешаешь мне писать на диктофон, а потом, наверно, внесешь полтораста поправок, и велишь мне вычеркнуть все забавные истории. Но, может быть, в конечном итоге нам удастся когда-нибудь опубликовать это интервью. Впрочем, мы всегда можем сменить тему на японскую моторизацию, поклонниками которой оба являемся, или же на быструю езду автомобилем.

— Это ведь полеты, а не езда, и не автомобилем, а на крыльях. Но, видишь ли, у тебя же нет камеры. То, что останется от нашего разговора, будет нести совсем другое свидетельство, ты записываешь голос, делаешь пометки от руки, однако в конечном итоге не останется ни моего голоса, ни интерпретации в смысле интонации, паузы, улыбки, взгляда, иронии или самоиронии, ни провокации. Не останется ни моих серьезных мин, ни глупых, ни моих шуток, ни того, как я хмурю брови или строю тебе глазки.

Телевидение — это совсем другое дело. Камера регистрирует всё, а не только слова, номинально функционирующие в качестве текста. Фразу можно произнести провокационно, иронически, контрапунктивно.

Всё это исчезнет, останутся лишь наши слова.

Подкова-Лесьна, 2007–2014

-
1. «Кобра» — телевизионный цикл сенсационно-детективных (а на первых порах и фантастических) спектаклей, транслировавшийся с февраля 1956-го по 1993 г., возобновленный с 2013 г. В 1950–1960-х годах — одна из самых популярных польских телепрограмм.
 2. Это 42-этажная сталинская высотка по типу московских, возводившаяся в 1952–1955 гг. силами 3,5–5 тыс. советских и 4 тыс. польских рабочих, а затем подаренная Советским Союзом польской столице.

3. Марка переднеприводных ГДР-овских легковых автомобилей с характерным трёхцилиндровым двухтактным двигателем.
4. Это благотворительный фонд, который раз в год устраивает по всей стране одноименную акцию, используя вырученные деньги на медицинское оборудование.
5. Это погибшие во время Второй мировой войны Вацлав Боярский, Тадеуш Гайцы, Здзислав Строинский, Анджей Тшебинский, Кшиштоф Камиль Бачинский и покончивший с собой вскоре после войны Тадеуш Боровский, каждому из которых посвящался отдельный фильм.

Мэтр

Когда Михал Анёл Богуславский^[1] представлялся студенткам, он говорил: «Для женщин я ангел, для студентов — Михал, а для ректора — Свинка. Михал Анёл Богуславский, шляхтич герба Свинка». Жители его малой родины, подваршавского городка Подкова-Лесьна называли его профессором, а те, кто поддерживали с ним более или менее близкие отношения, — просто Михалом.

Он был одним из старейших сотрудников польского телевидения. Никогда не забуду его пикантных рассказов о целой плеяде известных представителей польской культуры, в частности, таких, как Александр Бардини, Марек Грехута, Кшиштоф Кеслёвский и Казимеж Куц, Даниэль Ольбрыхский, Кшиштоф Пендерецкий, Магда Умер или Анджей Вайда и Кшиштоф Занусси, равно как и о людях, творивших историю упомянутой организации, о дикторах и ведущих, о сменявших один другого президентах, о цензуре, меняющихся технологиях, провалах и нелепых оплошностях, а также о первых программах, которые велись в прямом эфире, вживую. Я бродил по музею телевидения, вел запись того, о чем он рассказывал, и это оставалось в моем воображении. А еще я видел, с каким большим уважением и сердечностью относились к Михалу те еще не ушедшие из жизни сотрудники TVP, известные актеры или режиссеры, которые приезжали на наши встречи, конференции и кинопоказы, хотя у всех было очень мало времени и множество важных дел и обязательств. Вот такие почти семейные отношения.

Что же Михал делал с коллегами на этом своем телевидении, что они в наше меркантильное время бросали все дела и приезжали, не требуя за это ни гроша? Думаю, он был одним из немногих, кто сохранил лицо в тех джунглях, какими была эта организация в претерпевающей исторические перемены польской действительности, — организация, где на протяжении долгих лет господствовали весьма специфические и токсичные отношения, зависящие от политических партий, где господствовали страх и унижение. Он был хорошим, доброжелательным и открытым человеком, притом весьма требовательным. Умел кричать, буквально орать и умел критиковать сомнительные замыслы. Оставаясь честным по отношению к сценарию и неизменно руководствуясь высшим

благодаря, он допускал художественную свободу, но как творец умел отстаивать и проводить в жизнь свое видение. И эта безграничная честность, это его бескорыстие — никакого распила бабла, никаких съемок только ради звонкой монеты, никаких попыток побыстрее спихнуть халтуру, чтобы заработать и не видеть всего остального... Нет, только высокая культура, спонтанность, труд и достигнутый эффект, а также независимость и поиск во всей окружающей круговерти того, что было бы чем-то большим, нежели сами поиски, его умение находить отражения в окнах и еще нечто особое, располагающееся по другую сторону, и еще дальше, и еще, и создание атмосферы нереальности в том, что на самом деле как раз и есть действительностью, а также поиски правды, поиски человека. Всё это настолько просто и вместе с тем настолько трудно, и таким был Михал, этому он учил — и радовался, словно ребенок, когда ученику удавалось находить это. Он не показывал своих чувств, и только мимика лица давала знать окружающим, что у него сейчас в душе. Михал — подлинный художник, человек искусства. Меня не удивляет, что он был членом совета СМИ по этике, причем два срока полномочий подряд, — надлежащий человек на надлежащем месте. И что его наградили золотой медалью «За заслуги в культуре Gloria Artis» («слава искусству» — *лат.*).

Мне выпала высокая честь быть его учеником, работать с ним до последних дней его жизни, по-дружески выполнять для него функции водителя, когда он был уже не в состоянии сам садиться за руль, поскольку очень болел, и я не устал восхищаться и героизмом, с каким он сражался со своими опасными недугами, и его решимостью, и тем, как он поднимался после тяжелых падений, как вновь и вновь воскресал. И для меня было большим счастьем встретить мастера на своем пути еще в девяностые годы минувшего столетия, в ходе проведения конкурса «Малые родины», а рядом с ним — крупных личностей, творцов всего этого серьезного многолетнего предприятия: режиссера Изабелу Цивинскую, знатока народного искусства Александра Яцковского, всегда улыбающегося полониста, педагога и социолога культуры Стефана Старчевского, а также художника Витольда Хмелевского, устраивавшего хеппенинги с горящими крестами, которые лежали на земле и образовывали центр вселенной. Познакомился я там и с людьми из люблинского «Театра NN», из Чарной^[2], из расположенного в подлясском городке Сейны центра «Пограничье»^[3].

Я видел, как этот конкурс связал в единое целое представителей самых разных социальных кругов, насколько он был значим для

малых сообществ, — а первую скрипку в нем играл Михал. Видел я и то, до чего же обычные люди обожали Михала, одаряя этого простого человека искренней любовью, потому что он уважал людей, прислушивался к ним и не ставил себя выше них. Сейчас я просматриваю его архив, и всё, что там есть, подтверждает мои слова. Достаточно увидеть, как его принимали гурали^[4], до самого утра не давая угаснуть кострам, и наблюдать как под чуть голубеющим ночным небом профессор в великолепной атмосфере на фоне Татр танцует под гуральскую музыку с букетом подсолнухов в руке. Тогда ничего еще не предвещало, что нас свяжут общие интересы, пока не пришел 2007 год, когда он стал уговаривать меня, чтобы я помог ему и занялся кино, обещая по ходу дела научить меня всему необходимому, а он знал, что я занимался светом в варшавских театрах, и здесь у нас тоже всё началось с освещения, но только в кино. Думается, его тогда одолевала скука. Спустя год я оказался в команде городской видеохроники Подковы-Лесьной, в коллективе, состоявшем из фантастических людей, из пламенных энтузиастов, — и тут началось форменное безумие. Мы сняли 71 фильм. Михал сотрудничал также с университетом третьего возраста^[5] в Подкове-Лесьной, готовя там незабываемые спектакли, которые позже неоднократно снимались на пленку. Никогда не забуду, как он сел в свою машину и поехал в Люблин помочь в проведении съемок на выставке четырех крупных польских мастеров пластических искусств: скульптора, живописца, графика, автора инсталляций и сценографа Яна Бердышака, художника-абстракциониста и рисовальщика Стефана Геровского, живописца и керамиста Беаты Камоджи, художника и сценографа Ежи Калуцкого, — причем сделал это, ни секунды не раздумывая и, разумеется, за свой счет.

Смерть прервала его работу над циклом фильмов, снимавшихся по заказу музея им. Анны и Ярослава Ивашкевичей совместно с Агатой Тушинской и Веславом Мысливским. Михал, часами сидя подключенным к кислородной аппаратуре, занимался монтажом, а я — техникой, а также собственно съемками. Мне было страшно за него, поскольку он вкладывал массу усилий в свою работу, но я знал, что она поддерживает его при жизни. Так продолжалось, пока не пришла некая среда, последняя среда его жизни. На тот день он распорядился назначить изготовление документации для съемок предстоящей встречи с актрисой Майей Коморовской и сценографом Яцеком Хохензее, которая должна была состояться в ближайшую пятницу в усадьбе Стависко^[6] после показа основанного на рассказе Ярослава Ивашкевича

фильма «*Sérénité*»^[7], снятого Кристиной и Михалом Богуславскими. Михал был очень слаб, но запрямился и поехал в главное здание на своем инвалидном электрическом кресле-коляске, оставаясь при этом подключенным к оборудованию, которое помогало ему дышать. Следом за его креслом шагала домработница-украинка, а возглавлял этот крестовый поход я. Вокруг нас — темно, скользко, мокро, ветрено и неприятно.

Настала пятница — встреча и съемки. Там Михал заговорил о клетоте аистов, причем с такой экспрессией, с такой раздумчивостью и рефлексией, что я съехал с общего плана с Майей Коморовской и перешел только на его лицо, давая его в сильном увеличении. Старческий красивый лик и эта впечатляющая эмоциональность, так и бьющая в зал, полный замолкших и остолбеневших людей. Какой-то неукротимо извергающийся поток полных мистики слов, которые окутаны философской правдой, вытекающей из смысла жизни и из перспективы жизненного опыта очень пожилого, но чрезвычайно глубоко мыслящего человека, — правдой того, что присутствует здесь и сейчас, здесь в нашем мире и только сейчас, когда мы наличествуем, любим, молимся и живем. Его седые длинные волосы, смягчающие экспрессию движений лица, подчеркивали эту ситуацию. Таково было веление сиюминутности, так я должен был поступить, чтобы снять его портрет, потому что в тот момент самым важным был он, — именно он был звездой того вечера. И это были последние кадры, последняя съемка, когда он еще жил. В воскресенье всё было кончено, и мы не успели проанализировать ту мою запись, хотя я был весьма заинтересован в этом, так как очень хотел услышать его мнение. Осталась какая-то пустота, но я продолжаю дожидаться этой его оценки, хотя знаю, что уже никогда его не увижу. На прощальной встрече с Михалом я запустил прямо из камеры семь минут фильма, где он сказал: «...надо заклекотать и улететь», — и улетел, но остался в сердцах тех, кто его знал, и в таких фильмах, как мой любимый «*Psalmus*»^[8], который он снял вместе со своей женой Кристиной, а музыку к нему написал Кшиштоф Пендерецкий. Съемки, сделанные во время этого прощания, вызвали большие споры, у некоторых даже неприятие, кто-то вышел из зала, а я столкнулся с упреками, будто снимал его морщины, будто Михал умирал на экране. Я ответил, что так он меня учил, и что он был бы доволен мною.

У Михала оставались две утраченные любви, за которые он боролся до самого конца. Первая — это восстановление работ над циклом телевизионных фильмов «Малые родины», вторая — возобновление деятельности видеохроники Подковы-

Лесьной. Конечно же, ничего из этого не вышло, времена изменились, люди стали недоброжелательными, возникали какие-то такие странные превратности судьбы, но, возможно, когда-нибудь, возможно, когда-нибудь...

Кишиштоф Яворский (р. 1954) — поэт, живописец, сотрудник Михала Богуславского.

1. По-польски его имя пишется Michał Anioł (буквально — Михаил Ангел), причем точно так же выглядит имя гениального Микеланджело Буонаротти, но это совпадение М. Богуславский никак не обыгрывал — Здесь и далее примеч. пер.
2. Скорее всего, имеется в виду деревня Чарна (Черная) в Бещадах, или Бескидах — части Восточных Карпат на стыке Польши, Словакии и Украины. С 1944 г. после освобождения Красной армией входила в состав СССР, став объектом переселений и изгнаний, а в 1951 г по договору между СССР и ПНР об обмене участками государственных территорий вернулась в Польшу, однако осталась малой родиной для проживавших там ранее украинцев. М. Богуславский снял в 1994 г. связанный с этой деревней документальный фильм под названием «... и распаковали чемоданы», а потом поддерживал связь с героями этой ленты и с созданным в Чарной любительским театром.
3. Центр «Пограничье — искусств, культур, народов» — это неправительственная организация, целиком посвященная пропаганде этоса пограничного региона на востоке Польши и наведению мостов между людьми разных национальностей и культур.
4. Гурали — жители горных районов польских Карпат (Татр); от соседей с равнин и предгорий их отличают обычаи, культура, одежда и характерный диалект.
5. Третьим возрастом принято называть период активной жизни, который начинается после выхода на пенсию.
6. Стависко — имение площадью 18 га (теперь — в границах Подковы-Лесьной), принадлежавшее в 1928–1980 гг. знаменитому прозаику Я Ивашкевичу; с 1980 г. там размещается вышеупомянутый музей.
7. Безмятежность (франц.)
8. Это 15-минутная балетно-пантомимическая импрессия с

участием труппы глухих танцоров из Ольштына
(хореография — Богдан Глуцак).

Адриан Турецкий

«Пабло тебя приглашает на альбом...» — об альбоме «Ладинола»

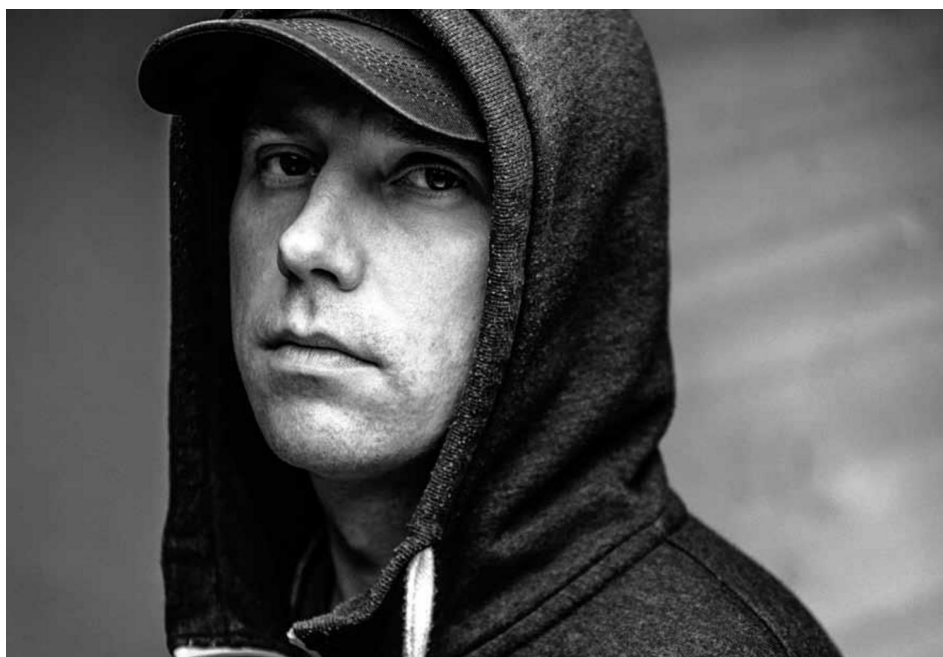

Фото: Agencja Gazeta

Весной 2017 года вышел новый альбом группы «Паблопаво & Человечки» под названием «Ladinola». Пластинку выпустил варшавский лейбл «Karrot Kommando». Это четвертый долгоиграющий альбом группы, записанный в составе: Павел Солтыс — лидер группы, автор текстов и вокалист, Эрл Джейкоб, Якуб Киснер, Эмилиано Джонс, Корг М20, Раффи Казань, Радек Полаковский, ди-джей «Зеро», Барс Фадер.

Новый диск упрочил высокий статус группы, который она снискала благодаря трем предыдущим альбомам. «Паблопаво & Человечки» — это популярный и авторитетный коллектив, гарантирующий первоклассный уровень текстов и музыки, завоевавший солидные позиции в рейтинге польских групп, которые исполняют развлекательную музыку и пользуются заслуженной любовью большого количества фанов.

«Ладинола» — это уже 14-й альбом в дискографии Павла Солтыса. Он начинал как вокалист и автор текстов в группах,

играющих музыку регги. В 2009 году вышел его первый альбом с «Человечками» под названием «Telehon», посвященный варшавской футбольной команде «Легия». Спустя два года появилась пластинка «10 песен», а в 2014 году — альбом «Polor» («Хорошие манеры»), на котором был записан главный хит группы — «Танцевальная песня о любви»). Параллельно Паблопаво записал два альбома с Прачасом (Рафалом Колачинским): «Оголодавшие фрагменты» и «Wir» («Вихрь»), вышедшие соответственно в 2011 и 2015 годах. Кроме того, в 2014 году он выпустил сольный альбом «Только».

Стилистические влияния, которые слышны на альбомах группы, очень разнообразны. В «Ладиноле» есть отсылки к польскому джазу 60-х годов, хип-хопу, эсперанто, регги, городскому фольклору, фанку, афро-биту. Этот альбом — сплав самых разных стилей современной популярной музыки. При этом «Паблопаво & Человечки» решили не идти по легкому пути, черпая из мирового запаса музыкальных трендов наиболее популярные мотивы, чтобы затем просто соединить их между собой. Их новый альбом, как и предыдущие, покоряет слушателя прежде всего своими лирическими достоинствами.

В своих текстах Паблопаво в первую очередь затрагивает вопросы, важные для таких людей, как он сам, не пытаясь при этом выдать себя за кого-то другого. Подлинностью своих образов он завоевывает сердца слушателей, не копируя западные тренды. Рассказывая о спальных районах и атмосфере пивных, любимой спортивной команде и городе, в котором он родился и живет, вставая на сторону бедняков, он создает ткань взаимопонимания между людьми с подобным опытом, и поэтому они мгновенно понимают, что он хочет сказать. У Паблопаво есть композиции, проникнутые социальной тематикой, такие, как очень откровенная «Песня о разных вещах», посвященная реприватизационному скандалу в Варшаве, в ходе которого была убита активистка и общественный деятель Иоланта Бжеская. Другой пример — «Верните нам кино „Москва”», песня, в которой артист обращается к теме исчезающих культовых варшавских объектов, на месте которых появляются похожие на гробы офисные центры и элитные жилые дома, отгороженные от всего остального мира. А вместе с группой «Jordan» Солтыс записал песню «Легенда Дейны», посвященная лучшему футболисту за всю историю варшавской команды «Легия» Казимежу Дейне, чей памятник стоит перед стадионом на улице Лазенковской, 3, а портрет украшает бейсболку, в которой Паблопаво выступает на концертах. Но все же большинство песен — это истории о жизни, любви, пороках и

опасных искушениях самых обыкновенных людей. Паблопаво вспоминает в текстах своих композиций Дариуша Дзекановского, Мачека Маленчука, Оттокара Бальцы и многих других героев своего детства и ранней юности.

Три из четырех альбомов начинаются с приглашения, адресованного слушателю. «Telehon» открывается «Вступлением»: «Пабло тебя приглашает на альбом, / где целая группа, ребята с огоньком, / записали свой смех, кровь, пот и слезы, / чтоб устроить тебе сеанс звукового гипноза». Альбом «10 песен» открывает композиция «Начало»: «Говорят, второй альбом — это полный кирдык, / говорят, он обычно совершенно безлик, / говорят, что ярко светит только новая звезда, / говорят, второй альбом — это путь в никуда, / но если верить всем вот этим „говорят“, / то лучше застрелиться или выпить яд». «Ладинола» открывается заглавной композицией, в которой мы слышим: «...А если ничего вообще не клеится, / пускай к тебе липнут хотя бы эти звуки, / а с ними добрые слова, чтобы не помер ты от скуки, / пускай на полную звучит, как разрешенная крамола: / Лаааа-динола, ладинола, ладинола, лаааа-динола». Это довольно редкий для музыкального рынка принцип построения альбома, который с первых же слов приковывает внимание слушателя, интригуя его и помогая установить контакт с исполнителем.

Паблопаво умело избегает вживания в образ барда или исполнителя «поющей поэзии». В зависимости от конкретной композиции он создает очень разные портреты своих героев. В дуэте с Олей Булинской в песне «Заноза», где чувствуется влияние вокала Ванды Варской из фильма Ежи Кавалеровича «Поезд», написанной в джазовом стиле, он рассказывает о бывшей возлюбленной и щемящем чувстве утраты, которое оставили после себя эти отношения. Слова припева «я потеря, я заноза / я погибели маршрут, / я потеря, я заноза / ты вновь найдешь меня тут» без лишней информации о лирическом герое и чрезмерных психологических подробностей передают боль утраченной любви. Эта композиция соседствует с совершенно иной стилистически, энергичной песней «Майор». Такой подход характерен для каждого альбома. Когда слушаешь любой из них в первый раз, невозможно ими не проникнуться, поскольку это стилистическое разнообразие обеспечивает им великолепную динамику. Джазовую композицию сменяет фанк, а сразу после него мы слышим песню, стилизованную под городскую балладу о неудачниках в духе Станислава Сташевского. Здесь есть аккордеон и маримба, самоубийцы и брошенные женщины, а также чистая радость жизни. Есть Ледбелли, Варшава, паленый

алкоголь и напитки поблагородней, очень личные исповеди, неожиданные каламбуры и мини-шедевры. Временами звучат танцевальные ритмы поп-музыки, в какой-то момент слышна очень серьезная интонация, как, например, в песне «Добрый дом», а иногда музыканты откровенно дурачатся, как в композиции «Песня из отбросов», напоминающей мне эксперименты звукорежиссера Эугениуша Рудника. Важное преимущество каждого из четырех альбомов заключается в том, что можно выбрать для себя песни по вкусу и слушать их в любой последовательности. Стилистическое многообразие, не теряющееся от альбома к альбому, и впечатляющий уровень исполнительского мастерства обеспечивают цельность всего материала, что свидетельствует о высоком классе этих композиций.

Стихотворения

ПЕСНЯ ИЗ ОТБРОСОВ

Эта песня сложена из городских отходов,
из мусора и дыма, помоек и руин,
из ржавых пароходов и пьяных хороводов,
из разрушенных жизней и разбитых витрин.

Первый куплет сложен из слов, что так и не попали
в выступления депутатов и прочих ревнителей морали,
поскольку были настолько на правду похожи,
что за них оратор мог схлопотать по роже,
из тонких намеков чиновников толстых,
из произнесенных закулисных тостов,
из горьких истин, от которых рейтинг не растет —
так что лучше забудь их, если ты патриот.

Эта песня сложена из городских отходов,
из мусора и дыма, помоек и руин,
из ржавых пароходов и пьяных хороводов,
из разрушенных жизней и разбитых витрин.

Второй куплет был сложен из того, что этот город
не смог переварить, желудком уж немолод,
из пластика, окурков, распитой поллитровки,
из уличной тусовки, жлобов на остановке,
из выброшенной мебели, что пирамид древнее,
никак не подходившей к товарам из «Икеи»,
из портретов футболистов, бивших по воротам метко,
но теперь играющих разве что в рулетку,
из ободранных плакатов звезд диско и рока,
чья музыка гуляла по просторам шлакоблока.

Эта песня сложена из городских отходов,
из мусора и дыма, помоек и руин,
из ржавых пароходов и пьяных хороводов,
из разрушенных жизней и разбитых витрин.

А третий я сложил из слов, давно уж вышедших в тираж,
из ухмылки полицейского, в котором виден торгаш,
из «Я тебя люблю», произнесенного когда-то
по адресу будущей жены родного брата,

из выстрелов забытой повстанческой атаки,
из тишины, наступающей в баре после драки,
из первых свиданий под полумертвый джаз,
что оказывались последними всякий раз.

Эта песня сложена из городских отходов,
из мусора и дыма, помоек и руин,
из ржавых пароходов и пьяных хороводов,
из разрушенных жизней и разбитых витрин.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ АВГУСТА

и что мне сказать самому себе?
на дворе 93-й год
для себя у меня не осталось слов
я курю промокшие «Монте-Карло»
сигаретный дым заменяет мне кислород
все слова пару часов назад закончились
и время не повернется вспять
следующие лет двадцать я постараюсь
об этом вечере не вспоминать

мой район на закате горит погребальным огнем
последний день августа в тучах парит всё выше
а в лифте пахнет псиной и летним дождем
я смотрю в зеркало, но себя там не вижу
недостоин я отражения в нем

я помню ее джинсы и рубашку в полоску
там где теперь Храм Провидения^[1]
тогда гулял ветер ерошил ее прическу
и было баночное пиво, теплое, без сомнения
я скажу вам страшную правду
иногда вместе со словами люди теряют вес
это разновидность диеты — фокусник хлопнул в ладоши
и пацан взял и исчез
а потом идешь вот так, почти без тела и цели
и со школьного стадиона кто-то тебя зовет
но звук не доходит барахлит система
а ты всё идешь вперед
из открытого окна сверкает радиоволнами
«Fu-Gee-La»^[2], последний летний трек
потерянный вечер потерянные фразы
потерянный человек

мой район на закате горит погребальным огнем

последний день августа в тучах парит всё выше
а в лифте пахнет псиной и летним дождем
я смотрю в зеркало, но себя там не вижу
недостоин я отражения в нем

помню фенечки из бисера
почему-то их все тогда носили
помню, что небо в тот день не рухнуло,
и гроза не прихлопнула облако пыли
ошибается мальчик, который считает себя мужчиной,
и исчезает навеки,
и это «навек» до сих пор отдает мертвечиной
ошибается он и сейчас — «Fugees» появились спустя три года
он бредет по асфальтовым джунглям
и ведут его пустота и свобода
а она сидит обхватив ладонями колени
полоски на рубашке как в телевизоре тест-таблица
конец программы
подъезды, пеларгонии в окнах, чьи-то лица

мой район на закате горит погребальным огнем
последний день августа в тучах парит всё выше
а в лифте пахнет псиной и летним дождем
я смотрю в зеркало, но себя там не вижу
недостоин я отражения в нем

КШИСЕК

Жил-был Кшисек, тощий, как солнца лучик,
заправлялся по утрам он небесным горючим,
мир бутылочного стекла занимал его мысли,
и он плыл по нему, как льдина по Висле.

Он таял на глазах и двигался нелепо,
но, глядя вверх, шептал — согрей же меня, небо,
пускай я метр с кепкой, я слышу запахи и звуки,
я вижу всё, я этот город беру в свои худые руки.

*Не уходи, не возвращайся, на месте не стой,
Кшисек всё понял, он здесь со мной и с тобой,
среди нас и нигде, со всеми и ни с кем,
как смытые волной следы на песке.*

Когда он дозором обходил родной Мокотув^[3],
люди над ним смеялись до икоты,
ведь он на плечах, пьянея от собственных слов,

нес не одну, а сразу несколько голов,

и каждая из них, на зависть эрудитам,
умела говорить на языке забытом —
один язык для ветра, другой для туч,
а тот, что для птиц, был наиболее певуч,

и только языка, на котором с умным видом
о проблемах людских мы рассуждаем деловито,
не знал он абсолютно, и бывал за это бит
парнями с интеллектом тротуарных плит.

Домашние его выгоняли на улицу,
покаянчить мелочь — пускай, мол, потрудится,
но Кшисеку пофиг были любые подачки,
кроме чистого золота солнечных зайчиков.

Если кто-то булкой решал с ним поделиться,
Кшисек ее тут же скармливал птицам,
и щебет воробьев был слаще звона рюмок,
хотя ему прохожие кричали: «Недоумок!».

*Не уходи, не возвращайся, на месте не стой,
Кшисек всё понял, он здесь со мной и с тобой,
среди нас и нигде, со всеми и ни с кем,
как смытые волной следы на песке.*

Но вот однажды он не пришел на остановку,
и в этот день рассвет чуть не устроил забастовку —
без Кшисека наш мир стал сер и слишком очевиден,
и с тех самых пор Мокотув беззащитен,

с тех самых пор Мокотув беззащитен,
с тех самых пор Мокотув беззащитен,
с тех самых пор Мокотув...

Перевод Игоря Белова

-
1. Храм Провидения Божия — монументальный католический храм на территории жилого района Виланув в Варшаве, воздвигнутый в 2003-16 годах — *Здесь и далее примеч. пер.*
 2. Песня американской хип-хоп группы «The Fugees», вышедшая на их альбоме «The Score» в 1996 году.
 3. Район Варшавы, самый крупный по численности населения.

Виктория Бондарева

Из редакционной почты

Баллада о ссыльных поляках

Заметают Тобольск снегами,
Ночь сибирская стелет мраком.
А в костеле — звуки органа,
А на кладбище спят поляки.

Как бойцы — под одной плитой:
Их могилки веками стерло,
И сплотило одной судьбою,
И спаяло одною болью.

За свободу отчизны Польской
Вы стояли единой ратью.
Из различных сословий войско,
Вы в Сибири стали, как братья.

Утекает, уходит память,
Затирает страниц изгибы...
Мой далекий забытый прадед!
Пред тобой был суровый выбор:

Что важней — присяга иль совесть?
Служба Польше или России?
И смотрел с алтаря костела
Лик печальной Девы Марии...

Офицер в эполетах русских, —
А по крови поляк из Гродно.
И стучали подковы грозно,
Рассыпаясь в висках дробью.

Ты присяге хотел быть верен,
Но не смог — отпустил повстанцев,
Потому что под русским мундиром
Ты поляком хотел остаться.

А потом — суды и допросы,
А потом кандалы и этапы.
Так из дальней земли польской
Ты в Тобольск приехал когда-то.

Нес безропотно свое бремя, —
Что ж, бывает судьба горше! ...
И угас, как пришло время,
Не увидев родной Польши.

А потомки забыли имя, —
Память предков недолго с нами.
Лишь заря на гранит стылый
Красно-белое бросит знамя.

24.10.2016

Стихотворение посвящено прапрадедушке автора, Яну Зброжко, сосланному в Сибирь в Тобольск за то, что помогал повстанцам в 1864 году.